

ТЗ(2)6
П159

ПАМЯТЬ

ТОМ 3

ВОСПОМИНАНИЯ ДЕТЕЙ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
1941-1945 годы

ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРОФСОЮЗНЫЙ КОМИТЕТ РАБОТНИКОВ

ПАМЯТЬ

ТОМ 3

ВОСПОМИНАНИЯ ДЕТЕЙ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
1941—1945 годы

Донецк
Юго-Восток
2010

Редакционная коллегия:

Подмарков В. И. — председатель профкома работников, доцент;
Медведкина Т. А. — старший преподаватель кафедры
лингводидактики;
Желудева Н. П. — ведущий инженер управления информатизации.

Ответственный за выпуск
Подмарков В. И.

Память : в 3 т. — Т. 3 : Воспоминания детей Великой Отече-
П159 ственной войны 1941–1945 годы / ред. кол. В. И. Подмарков и
др. — Донецк : Юго-Восток, 2010. — 164 с.

В сборник, посвященный 65-годовщине Победы, вошли воспо-
минания детей Великой Отечественной войны, членов ветеранской
организации Донецкого национального университета, имеющих ста-
тус «Дети войны». В нем рассказывается о трудных годах войны и
послевоенного времени, выпавших на долю детей, оказавшихся на
оккупированной фашистами территории или в эвакуации.

ББК Т3(2)622.013

© Коллектив авторов, 2009

Предисловие

Эта книга — своеобразная художественно-документальная лето-
пись. Это — не роман, не повесть, это — воспоминания, воспомина-
ния детей о Великой Отечественной вой-
не по прошествии шестидесяти пяти лет.

Война не знает возраста. Перед
страшным ликом ее уничтожающей
силы равны стар и млад. Но насколько
трагично потерянное детство, детство,
лишенное радости и смеха, наполненное
страданиями, голодом, холодом, смертя-
ми самых близких людей.

У детей «войны» разные судьбы, но
всех их объединяет общая трагедия —
невосполнимая потеря прекрасного
мира детства.

Не в срок повзрослевшие, не по годам
мудрые и невероятно стойкие маленькие
герои противостояли войне. Их патриотизм, трудовые подвиги и от-
чаянная храбрость навсегда останутся в памяти нашего народа.

В этой книге показана вся глубина трагедии Великой Отечествен-
ной войны через детские судьбы. В книге собраны воспоминания,
наиболее ярко отражающие жизнь детей в годы войны. Их детство
прервалось 22 июня 1941 года. Фашистское вторжение прокатилось
по человеческим судьбам. Варварские директивы носили тотально
уничтожительный характер. Горькое сиротство, разрушенные дома,
вражеские лагеря, угон в германское рабство, бесправное голодное
существование на оккупированных территориях — вот что стало уде-
лом сотен тысяч детей.

Организованная эвакуация в тыл страны, забота государства и
милосердие многих людей позволили спасти детей.

В годы войны каждый ребенок совершил свой подвиг — несмот-
ря на голод и страх, дети продолжали учиться, помогали раненым в
госпиталях, отправляли посылки на фронт, работали в полях.

Дети встали к станкам, вместо родителей, тяжелым трудом при-
ближая победу. Юные герои вместе с воинами Красной Армии вста-

ли на борьбу с врагом. «Сыны полка» боролись за победу с оружием в руках.

«Дети войны» — это поколение, которое свято верило в Победу и эта вера давала силу выжить несмотря на тяготы суровых военных будней.

Моя жизнь неразрывно связана с судьбой этого поколения, ибо я один из «детей войны», познавший тяготы военного лихолетья и безотцовщины, недетских испытаний и неустанного упорного труда.

Я склоняю голову перед нашими ветеранами. Желая им крепкого здоровья, семейного благополучия, долголетия и достойной жизни, которую они заслужили.

Долг нынешнего поколения — сделать все, чтобы жизненная осень ветеранов была теплой и уютной, чтобы они не чувствовали себя забытыми и униженными.

Жизнь этих людей — пример великого жизнелюбия и самоотдачи.

*Ректор Донецкого национального университета,
академик НАН Украины, Герой Украины
Шевченко В. П.*

Уважаемый читатель!

Третий том книги «Память» выходит в канун 65-й годовщины Победы многонационального советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Своими воспоминаниями делятся препода-

ватели и сотрудники Донецкого национального университета, которым в период войны было пять — десять лет. По нынешней терминологии их относят к «детям войны». Кто-то из них был на оккупированной фашистами территории, кто-то в тылу, но всех объединяет одно страшное обстоятельство — война, которая забрала у них детство.

Возникающие в памяти страшные события того времени заставляют авторов возвращаться в свое детство и вновь, через шестьдесят с лишним лет, переживать забытые, казалось бы, события.

Многое из написанного невозможно читать без слез. Авторы передают нам свои мысли и чувства, рожденные тогда, в лихолетье, когда детский мозг еще не мог обстоятельно осмыслить и объяснить происходящее, а события развивались по-взрослому и жить нужно было по-взрослому. И они жили, несли на своих плечах непомерную ношу, заменяли ушедших на фронт отцов в поле и у станка, уворачивались от немцев и «полицаяев», нищенствовали, голодали, но выживали. Выживали под бомбежкой и артобстрелом, в сырой землянке и заснеженном овраге, в товарном вагоне и ветхом сарае. Поражает их недетская вера в добро, помноженная на абсолютную уверенность в близкой победе и ненависть к захватчикам. Это не придумашешь, такое нужно пережить.

Упаси, Господи, наших детей от подобных испытаний!

Прочтите эту книгу, поймите ее, расскажите о ней.

*Председатель профкома
работников ДонНУ
Подмарков В.И.*

Шафиро Майя Ефимовна

Родилась 8 апреля 1930 года.

Доцент международного факультета

ВОЙНА В МОЕМ ДЕТСТВЕ

Родилась в 1930 году в Полтаве. Я — второй ребенок после брата Сергея, 1925 года рождения. Отец был военнослужащим. Новым местом работы отца стали Сумы, куда наша семья переехала в 1931 году. Отец работал при Сумском артиллерийском училище им. М. В. Фрунзе. До сих пор в моей памяти осталась жизнь военного городка, где были переплетены будни и праздники курсантов и командиров училища, а также наше детство в садике и школе при училище. Помню плац между жилыми корпусами, а на нем резвились мы, дети... и кони, почему-то часто вырывавшиеся из своих конюшен.

Весть о начале войны восприняли по-разному: женщины напряглись от предчувствия страшной беды, мужчины, в силу своей военной профессии, хранили выдержку, лишних слов не произносили. Дети, постарше, чем мой брат Сергей и его одноклассники 1925 года рождения, горели желанием воевать и разбить врага. Впоследствии почти весь класс Сергея и он сам погибли в этой войне.

В августе 1941 года училище и семьи военнослужащих были эвакуированы в г. Ачинск Красноярского края. Ехали в теплушках. Были налеты в начале пути, а потом долгая дорога в Сибирь, с постоянными остановками, чтобы пропустить эшелоны на фронт. А отцы наши уже воевали.

Ачинск встретил нас явным нежеланием «уплотняться». Подселили в дома с устоявшимся бытом, где хозяйева с утра готовили корм

для скотины, а мамина кастрюлька часто слетала с плиты, и мы с братом шли в школу, не поевши.

Учились в школе №1. Это старое кирпичное здание с печками в классах. Сереже исполнилось 16 лет, он получил паспорт, вступил в ряды ВЛКСМ. Не окончив школу, стал курсантом военного училища, которое готовило младших лейтенантов для фронта.

Мы с мамой прожили в эвакуации 3 тяжелых года: холодно, голодно, постоянная тревога за близких, ожидание почтальона...

Я училась очень хорошо. После уроков ходили в госпиталь для раненых фронтовиков. Они лежали в большом спортивном зале бывшего училища. У входа на турниках висели выстиранные бинты. Мы их распугывали, потом скатывали на коленках для повторного использования. Подходили к раненым, выполняли их нехитрые просьбы. Дома, при свете коптилки, делали домашние задания. Тетрадей не было, писали между строк старых газет и книг. В школе нас иногда подкармливали, давали «борщ» с крапивой, забеленный молоком. И это было вкусно! До сих пор помню удовольствие от этого блюда.

Весной бегали на берег р. Чулыма, где выростала черемша (дикий чеснок). Мы ее грызли, насыщая организм драгоценными витаминами. А еще лакомством был жмых. Он переходил изо рта в рот и был, своего рода, валютой. Кедровые шишки доставались редко: их сбивали более взрослые и предприимчивые.

В классах мы, эвакуированные, держались друг за друга, помогали в учебе. Но отцы погибали и у нас, и у местных ребят. Война сближала всех.

Атмосфера школьной жизни очень изменилась, когда появились учителя, эвакуированные из блокадного Ленинграда. Они были, как инопланетяне. Очень худенькие, одетые в старенькие пальто и шляпки (именно шляпки, а не шали!) Мерзли, конечно, но фасон держали, потому что все было проедено, распродано там, в страшной блокадной жизни. Эти ленинградки внесли в школу дух высокого искусства, интеллекта и культуры. В школе появился драмкружок. Стали ставить спектакли по мифам Древней Греции. Мне доверили роль Медеи, а сын одной из ленинградок играл Язона. Нас обрядили во что-то, напоминающее туники, и мы произносили греческие гекзаметры. Учителя, сидящие перед сценой, давились от смеха, зато ребята слушали с открытыми ртами.

Одна из учительниц, тоже эвакуированная, дала мне домой книгу французского астронома Фламариона. Это было великолепное

издание 1941 года в русском переводе. Называлась книга «Популярная астрономия». Дома мы с мамой подолгу читали ее, рассматривали иллюстрации. На всю жизнь я запомнила названия видимых на небе созвездий. Прочитав книгу, я отнесла ее домой учительнице. Там я увидела много подобных книг, вывезенных из Ленинграда.

Тяжелыми были три года эвакуации. Особенно для матери. Она преодолевала бытовые трудности, кормила меня, отрывая от себя еду, будучи больной. У мамы обострился туберкуле. Она часто прикладывала к груди мои ледяные ноги, согревая их своим дыханием. И все это было в постоянном страхе за жизнь мужа и сына.

Отец вернулся с фронта инвалидом. Брат погиб в апреле 1945 года за 12 дней до победы.

Стоит ли говорить, что война оставила черный след не только в моей памяти, но и жизни.

Хримли Агита Николаевна

Родилась 27 марта 1931 года.

Доцент кафедры философии

МОИ ДЕТСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ О ТОЙ ВОЙНЕ

Мои воспоминания о войне непосредственно с военными действиями не связаны.

В июне 1941 года, когда началась война, мне было 10 лет. Семья наша жила в городе Чебоксары на Волге. Это был глубокий тыл. Естественно, я помню только то, что происходило в тылу, а не на фронте.

Первые эвакуированные

Уже в июне 1941 года в город стали поступать эвакуированные из занятых немцами областей. Их называли «беженцы». Многие были полураздеты, без вещей и денег. Местные жители помогали им, как могли. Моя мама привела с вокзала женщину с девочкой лет пятнадцати. Они бежали из Минска. На девочке были надеты только ночная рубашка и тапочки. Её мать была в домашнем халате. Когда начался налёт немецких самолётов, они успели спрятаться в бомбоубежище, а вернуться домой за вещами и деньгами уже не смогли. Их дом был разрушен. В чём были, бросились на вокзал, сели в поезд, который шёл на восток, и оказались в Чебоксарах. Никаких билетов у них, конечно, не было. В поезде было много людей. Люди ехали, кто куда. Некоторые к родственникам, некоторые, к чужим... Вот так девочка и ее мама с Минска оказались у нас. Моя мама дала им вещи, чтобы они могли одеться, помогла женщине устроиться на работу.

Первые военные песни и первые подвиги

Буквально на второй день после начала войны зазвучали военные песни. Самой волнующей среди них была «Священная война». Громкоговорители, висевшие прямо на улице, разносили по городу слова: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой с фашистской силой тёмною, с проклятою ордой». Удивительно точно передавала эта песня наше настроение тех дней: «Пусть ярость благородная вскипает, как волна...» Ненависть к фашистам, нарушившим мирную жизнь советских людей, проникала глубоко в душу, доходила до ярости. Мы ненавидели фашистов. Казалось, это не люди, а чудовища какие-то, монстры, только внешне похожие на людей. И, чем больше узнавали мы о преступлениях фашистов, тем сильнее росло это чувство ненависти. Даже после войны, спустя много лет, оно продолжало существовать. Оно и сейчас живёт, где-то в глубине души, никогда не проходит.

Каждый день мы читали газеты, слушали по радио сводки с фронта. Летом 41-го года они были нерадостные. Красная Армия отступала. В ряде мест наши войска сдавали позиции без боя. Мы были воспитаны на убеждениях, что Красная Армия — «всех сильнее», что она непобедима. И вдруг — отступление за отступлением. Города сдавали один за другим. Брест, Киев, Днепрпетровск... Почему? Нам, детям, было трудно это понять, и не только детям. Многие взрослые воспринимали отступление как предательство. Выступление Сталина, объяснившего, почему наша страна оказалась недостаточно подготовленной к войне, слушали, затаив дыхание.

И всё же не было отчаяния. Возникла уверенность, что наступит момент, когда отступления прекратятся. Как заклинание повторяли мы слова вождя: «Наше дело правое, победа будет за нами». Эти слова подтверждали и первые подвиги на фронте. Газеты сообщали о подвиге Николая Гастелло, спикировавшего свой горящий самолёт на колонну немецких танков, о подвиге Виктора Талалихина, протаранившего немецкий самолёт, о подвиге московской партизанки Зои Космодемьянской. Эти и другие подвиги советских людей, совершённые в самом начале войны, убеждали, что война не только приносит страдания и жертвы, она порождает героизм, который всё более и более распространяется и принимает массовый характер.

Голода не было

Жить в годы войны, даже в глубоком тылу, было, конечно, очень трудно. Не хватало хлеба, молочных продуктов, мяса. Что мы ели? В основном, картошку. Она была на рынке. Варили горох, чечевицу.

Из Астрахани кто-то привозил селёдку. Свежую крапиву рвали на ши. Мы, дети, собирали крапиву для столовых. Денег за это нам, естественно, не платили, но выдавали квитанцию, сколько килограммов крапивы сдано. Квитанции эти мы приносили в школу.

Не было сахара, конфет, а сладкого очень хотелось. Чтобы утолить потребность в сладком, мама варила нам свеклу и давала, порезанную на кусочки, как конфеты. Казалось, слаще ничего не бывает.

Хлеб продавали по карточкам: 400 грамм на одного человека. Современные молодые люди считают, что это много — полбуханки! Но, поверьте, тогда этих 400 грамм едва хватало, ведь других продуктов было мало. Если кто-нибудь терял продуктовые карточки, это становилось большой трагедией.

Учёба

Занятия в школе ни на один день не прекращались. Как и в мирное время, мы ходили на уроки, готовили домашние задания. Учили таблицу умножения, решали задачи, читали книги. Учебники получали в школьной библиотеке. Не хватало тетрадей, особенно в начале войны. Задачки решали на газетах. Складывали газету в виде тетради и писали на ней. Готовили уроки при свете маленькой копилки. А в 42-м или 43-м году (не помню точно) купили керосиновую лампу — это был настоящий праздник. Чтобы свет на улицу не проникал, окна закрывали плотными шторами. (Соблюдалась маскировка).

Забота о детях

Несмотря на то, что многие дети в годы войны потеряли родителей, беспризорников не было. Осиротевших детей направляли в детские дома. Некоторых мальчиков опекали солдаты. «Сыновья полков» некоторое время жили с бойцами в окопах или землянках, но потом их всё же отправляли в тыл, в детские дома. Я помню, как в наш класс пришёл «сын полка». На нём была настоящая военная форма: шинель, сшитая по росту, маленькие сапожки, шапка-ушанка. Наши мальчики очень ему завидовали. Но проучился с нами он недолго. За время пребывания на фронте он отстал от своих ровесников, и учиться ему было трудно. Вскоре его перевели в детский дом, где была своя школа.

В конце войны появились суворовские училища. Мальчиков, оставшихся без родителей, направляли туда на учёбу. После окончания суворовского училища они становились офицерами Советской Армии.

Хотя на фронтах войны шли тяжёлые бои, государство проявляло заботу о детях. Для детей военнослужащих были открыты столовые, в которых плата за обед была мизерной. Работали Дома пионеров. Организовывались пионерские лагеря. Мне повезло, и я попала в один из таких лагерей. Помню, что было там интересно и весело. Пионервожатые устраивали для нас разные игры, конкурсы, концерты. В гости к нам приезжали настоящие артисты. Особенно запомнилось выступление ансамбля песни и пляски. Какой это был ансамбль, из какой воинской части, не знаю, но концерт произвёл на меня большое впечатление и запомнился надолго.

Война — страшное явление, тяжкое испытание для страны, для всего народа. Но даже и в те тяжкие годы, мы, дети, ощущали на себе заботу со стороны государства. Это было. Забыть об этом нельзя. Память тех лет требует честности и правды.

Стуканов Евгений Николаевич

Родился 28 апреля 1931 года.

Доцент исторического факультета

ЭПИЗОДЫ ВОЕННЫХ ЛЕТ

В 1941 году мама отправила меня на каникулярные недели к своим родителям. Бабушка и дедушка жили вместе со своим сыном, то

есть маминым братом и моим дядей, в селе Темрюк Володарского района Сталинской области. Я только закончил второй класс, и это была награда за похвальную грамоту. Одновременно это были «каникулы» и для моих родителей — учителей. Отец, Стуканов Николай Никифорович, меньше года назад был назначен директором средней школы — новостройки № 115 в поселке Смолянка (теперь там СШ № 55 г. Донецка). Мама там же преподавала русский язык и литературу. Совершенно новое современное трехэтажное строение надо было обустроить, равно как

и трехкомнатную директорскую квартиру, которая была в том же здании. Дядя Аркадий, у которого я гостил, закончил в 1939 году Сталинский медицинский институт, по специальности хирург, получил назначение на должность главврача Темрюкской больницы.

Эта больница отличалась тем, что была построена еще до революции состоятельным земским врачом. По сути, это был микроселок в черте села Темрюк, огражденный металлической оградой, с медицинскими учреждениями (от амбулатории до морга) и несколькими домами для медперсонала. Дом главврача с красного кирпича — самый большой. Помнится, в нем было не менее восьми комнат, не считая кухни и других подсобных помещений (кладовочек,

чуланчиков и прочее). На подворье курятник и другие, нужные на селе хозяйственные постройки.

Село располагалось по обоим берегам реки, и заселено было по одну сторону украинцами, по другую — русскими. Но название, как видно из вышесказанного, — греческого происхождения. Поскольку дядя родился в Больше-Янисольском районе и по национальности был греком, видимо, поэтому его направили в район, где греческое население составляло значительный процент, а больница, скорее всего, была районного масштаба.

Река, много зелени, прекрасный воздух, очень хорошее сельское питание — что еще надо для отдыха и беззаботной жизни? Рай...

И в этот рай солнечным воскресным утром пришло известие о начале войны. Не стану повторять всю ту информацию, которая известна из множества мемуаров и романов, — какие города бомбили и так далее. Известие о войне потрясло еще и тем, что заскочивший домой дядя объявил, что призван срочно в армию. Назавтра рано утром он отбыл к месту сбора в райвоенкомат. Через некоторое время дядя сообщил, что назначен в медсанбат ведущим хирургом. Понятно, что медсанбат — это, по существу, прифронтовая линия.

Во второй половине августа родители дали знать, что мне нужно возвращаться домой. Война была в разгаре, поезда ходили не всегда регулярно, и поэтому двоюродный дядя, приехавший за мной, не сумел взять билет на пассажирский поезд, пришлось нам добираться в товарном вагоне. Помню, мы попали в большой пульмановский, в котором грузом были увесистые конусообразные слитки металла. По дороге дядя просвещал меня, что вот эти огромные слитки чугуна называются «чушками», что это чугунные отливки для последующей их переработки в высокосортную сталь. Так от дяди Константина я получил некоторые сведения о металлургическом процессе и о том, для чего предназначались эти «чушки», на которых мы, за неимением другого места, сидели всю дорогу от станции Розовка до станции Донецк.

Еще некоторое время до октября месяца я посещал третий класс, но в октябре была объявлена эвакуация, встал вопрос о выезде из Сталино на восток страны. Мама начала готовиться. Прежде всего, по совету старших, натопила несколько трехлитровых баллонов сливочного масла. Вкус топленого масла, которым после неудавшейся эвакуации преимущественно пришлось питаться, до сих пор помнится и до сих пор сохраняется особое к нему отношение.

Эвакуировались, кто, как мог. Для работников папиного ранга была предусмотрена, видимо, какая-то помощь, потому что Смоляниновское шахтоуправление предоставило в его распоряжение двух лошадей и бричку. Однако этим «экипажем» мы воспользовались только для того, чтобы добраться до квартиры папиного родного брата Гавриила. Он был начальником цеха Путиловского завода (так тогда называли) и обещал взять нас в эшелон вместе с сотрудниками завода, которых отправляли в Челябинск. Однако Путиловский завод со дня своего основания был предприятием оборонного значения, и поэтому, когда в районе Мариуполя был высажен немецкий десант и немцы стремительно продвигались в сторону Донецка, эшелон на сутки раньше был отправлен в Сибирь. Мы вынуждены были возвращаться в школьную квартиру, которую за сутки разграбили.

Стало ясно, что всей семьей эвакуироваться не удастся. Было решено, что мама, я, младший брат и новорожденная сестренка должны будем оставаться на месте. Папа же, недавно принятый в партию, оставаться не мог, т. к. уже было известно отношение немцев к членам партии. На следующее же утро (примерно 9—10 октября 1941 года) папа взял одну из лошадей, более здоровую на вид, сел верхом и уехал догонять других эвакуирующихся.

Дело в том, что выданные папе лошади были из числа списанных шахтных лошадей, которые, по существу, были нездоровыми, норовистыми, боязливыми, и с ними было трудно управляться. Особенно норовистая, была поздоровей, и отец решил седлать ее, поскольку она подавала хоть какие-то надежды. Седлать — это громко сказано. Никакого седла не было. Постелили какие-то покрывала, одеяла. Отец взгромоздился на нее, попрощался и уехал.

Мы оставались в квартире, где было практически все разграблено, лишь на полу валялись, ненужные ворами, тома Советской энциклопедии, специальной литературы, остальное было растащено (художественная литература, вещи, негромоздкая мебель и так далее).

После того, как немцы высадили десант в Мариуполе, дедушка и бабушка покинули село Темрюк. Оставив дом и все имущество, захватив самое необходимое, приехали к нам в город Сталино. На семейном совете было решено, что эвакуацию и оккупацию будем переживать на родине мамы — в селе Комарь Больше-Янисольского района. Там жила бабушкина сестра тетя Соня с мужем дядей Василем, который оказался, при некоторой сложности его характера, удивительно гостеприимным, отзывчивым и прекрасным родственником.

За то, что нас привезли знакомые (кто-то из родителей маминых учеников), он рассчитался шестнадцатью пудами зерна. И в дальнейшем весь период оккупации мы прожили в этом селе, в этом доме.

В период оккупации происходило немало интересных событий, о которых стоит вспомнить. Например, тот факт, что в селе была организована стихийная группа патриотов, которые временами собирались в нашем доме, ночами читали советскую прессу, которая, неизвестно какими путями, попадала в руки. Хотя, один источник можно назвать: в городе Сталино где-то в 1942—1943 годах действовала подпольная организация Авдеева-Донского. Членом этой организации была жена дяди Аркадия, Карпечкина Антонина Иосифовна, (кстати, о ней говорится в книге В. Шутова о донецком подполье), оставшаяся в эвакуации и однажды приезжавшая в наше село.

Только после войны мне стало понятно, откуда брались газеты «Правда» с докладом Сталина на праздновании годовщины Октябрьской революции в 1942 году, листовки, которые я находил в разных углах дома и на дне литровой жестяной банки с вилками и ложками.

Однажды пошел слух, что в школе выступает молодая девушка, которая под гитару поет песни, написанные уже в период войны. Наша семья и несколько хороших знакомых пришли к тем односельчанам, где она остановилась, и упростили ее дать нам маленький концерт. Так я впервые в середине оккупационного периода услышал две, ставшие впоследствии классическими, песни военных лет: «Давай закурим» и «В землянке». Можно себе представить, какими были ощущения, обуревавшие людьми, пребывавших не первый год в оккупации, ожидавших освобождения, как этот концерт поднимал дух и веру в победу.

Девушка была симпатичная, белокурая, с продолговатым лицом, стройная. Чувствовалось, что кроме того, что она нам пела, за ней стоит еще что-то такое, что не позволяет ей до конца раскрыться, часто на вопросы она отвечала односложно и не совсем, как мне казалось, понятно.

Через двадцать лет, работая в партийном архиве, изучая документы партизанского подполья, разглядывая фотографии, на одной из них я увидел знакомые черты лица. Ошибиться я не мог, потому что в подростковой памяти четко запомнилось лицо человека, который в такие сложные дни дарил нам такие песни. Я узнал из документов, что это была участница донецкого подполья, она была в этот период в нашем районе с заданием — распространять нелегальные издания. Звали ее Надя Льговская, которая после посещения наше-

го села, была схвачена и в числе других казнена оккупантами. Этот факт остался в памяти на всю жизнь.

Были и другие моменты, относящиеся к песенному искусству. Артисты оперного театра, которые остались и работали в годы оккупации, в целях заработка выезжали по несколько человек в районы области. Как-то небольшая группа посетила и наше село. В нее входили певцы и артисты разговорного жанра. Запомнилась лишь одна звонкая фамилия певца. Мне он запомнился как Римжа. В документах оперного театра в ДОГА я эту фамилию нашел. Он пел популярные оперные арии, украинские народные юмористические песни. Его довольно приятный баритон, безусловно, производил впечатление на слушателей. Именно от него я впервые узнал такую украинскую народную песню — «Ой чи чуєш ти, дубе». Один из артистов карандашом на своих зубах, как на ксилофоне, исполнял неаполитанские песни.

Главным источником информации о событиях на фронтах были слухи, которые распространяли подпольщики, такие как Надежда Льговская. Мы были почти уверены в достоверности этих слухов, и радовались каждой весточке о победах Красной Армии, о приближающемся освобождении Украины, Донбасса и нашего города.

Была и другая информация, исходившая от оккупационных властей. Помнится, попалась как-то брошюрка в зеленоватой обложке, на которой был изображен сатирически-шаржированный силуэт Сталина, а содержание брошюры — выдержки из документов НКВД и другие материалы, в которых рассказывалось о репрессиях тридцать седьмого — тридцать восьмого годов. Иногда появлялись экземпляры газеты «Донецкий вестник», которая издавалась в годы оккупации в областном центре. Может, именно эти моменты закладывали широту взглядов.

Запомнились эпизоды, связанные с отступлением немецкой армии, когда советские войска освобождали область от оккупантов. Помню то ощущение страха, когда преимущественно в ночное время многочисленные колонны немецких солдат, техники продвигались по селу. В это время особенно боялись того, что немцы могут зайти во двор. Больших поджогов в селе не было, но однажды арьергардная группа поджигателей прошла по нашей улице. Дело было к вечеру, наступали сумерки. В соседнем дворе появилась группа солдат, за плечами которых были резервуары с горючим веществом, а в руках — распылители. К счастью, они просто формально выполняли команду поджигать, и выполняли ее не очень добросовестно.

Зайдя к нам во двор, они обошли добротный сарай, крытый черепицей, перешли на другую сторону улицы, увидели сарайчик, крытый соломой, и подожгли его из огнемета. Так они поступили в нескольких случаях, как рассказывали потом односельчане.

Сейчас уместно вернуться немножко назад во времени. Дело в том, что папа на лошади уехал не очень далеко. Где-то на окраине Донецка он догнал бричку, на которой ехали районный прокурор и кто-то еще из районного начальства. Уступив свою лошадь другим, папа присоединился к ним, и они успели доехать до села Ольховчик Чистяковского района. Здесь заночевали, а утром проснулись, узнали, что в село без выстрелов тихо вошли немецкие войска. Чтобы немцам не попасться на глаза, они пытались околицами выйти из села, но везде были отряды оккупантов. Тогда они закопали в землю свои партбилеты, и каждый порознь стал пробираться к своему месту жительства. Вернувшись в город, отец узнал от соседей, что семья уехала в село на родину мамы. Поздней зимой папа присоединился к семье. В дороге он встретил тетю Надю, мамину сестру, которой тоже не удалось эвакуироваться.

Зимой все работали на дворовом хозяйстве, а с весны папа стал работать в общинном хозяйстве в садоводческой бригаде. С ним работали два очень образованных односельчанина. Вместе они входили в группу, которая собирала крупницы информации о положении на фронте. В период отступления немцев, опасаясь угона в Германию с отступающими войсками, отец вместе с другими мужчинами скрывался в разных местах за пределами села.

И вот долгожданное известие о том, что область полностью освобождена от оккупантов. В селе сразу же начала работать школа. Меня зачислили в пятый класс, где я учился до конца учебного года. Азы школьной науки третьего — четвертого класса я прошел дома, не посещая школу, под «нажимом» своих родителей — учителей.

Летом 1944 года родители забрали меня к себе. В это время они уже переехали в Донецк и работали по профессии. С шестого по десятый класс я обучался в школе № 55, а в 1949 году закончил с серебряной медалью. Поступил в Киевский государственный университет имени Т. Г. Шевченко на исторический факультет, который закончил с отличием. Но это уже другая история.

Любимов Эдуард Борисович

Родился 1 мая 1931 года.

Инженер управления информатизации

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ГЛАЗАМИ МАЛЬЧИШКИ

Я, Любимов Эдуард Борисович, родился 1 мая 1931 года в городе Баку Азербайджанской Советской Социалистической Республики.

В 1939 году поступил в школу № 1, занятия в которой начались 1 сентября. В декабре этого же года с бабушкой и мамой переехал во Львов, к месту работы отца.

Война для меня началась 21 июня 1941 года, когда отец, придя вечером домой, предложил бабушке собрать самое необходимое и быть готовым к отъезду. Мама в то время лечилась в Грузии. Накануне мы, мальчишки, выходили на улицу Гвардейскую, как она тогда называлась, и видели, как в сторону Стрыйского шоссе бронетехника двигалась к границе.

Мы жили на улице Гербурта, 9 (старое название). К рассвету 22 июня 1941 года мы были готовы к отъезду. Собран узел с одеждой и сумка с едой. Я пошёл к своему другу, жившему недалеко от нашего дома, обсудить сложившуюся ситуацию. Вдруг мы слышали надрывный рев моторов и, подняв головы, стали свидетелями неравного воздушного боя, который вели два наших самолета против десяти чужих. О том, что идет бой, мы поняли по треску пулеметных очередей. Один наш ястребок вспыхнул и, дымя, круто пошёл к земле. Раздался мощный взрыв — и огромные клубы дыма и пыли поднялись в районе Главпочтамта. Я бросился домой, поскользнулся на брусчатке, упал и с разбитым лицом, весь в крови, прибежал домой, где искала меня, не находя себе

места, бабушка. Хорошо помню ее полные ужаса глаза, дрожащие руки, смывающие кровь с моего лица и одежды. Мы спустились в подвал. Бомбёжка продолжалась, страшный вой падающих бомб сковывал сознание, парализовывал волю. Хотелось совсем исчезнуть. Потом я узнал, что это были специальные бомбы, влияющие на психику человека. Через какое-то время к дому подъехала машина, ГАЗ-АА, полуторка, как её тогда называли. Военный погрузил на борт вещи, меня и бабушку, и мы поехали.

Хорошо помню улицу Коперника, по которой мы ехали, грохот от взрывов бомб в расположении воинских частей. По дороге забрали ещё несколько семей и прибыли на станцию Подзамче. Главный вокзал был разбит. Быстро выгрузились перед вагонами. Паровоза не было. Площадка возле вагонов заполнялась людьми, в основном, женщинами с детьми. В этой суматохе сначала никто не слышал дробь пулеметных очередей, и мы с удивлением смотрели на падающих вокруг людей. В наступившей вдруг тишине стала различима чёткая и громкая скороговорка тяжелого пулемета, продолжавшего свою кровавую жатву. Откуда-то появился отец. Камнем разбил окно вагона, туда забросил меня, потом бабушку с узлом, и так же быстро исчез. Стрельба прекратилась, слышались глухие взрывы бомб, вокруг раздавались стоны и плач. Бабушка уложила меня на пол, прикрыв узлом и собой. Стояли долго. Я не понимал того, что произошло. Когда мы, наконец, поехали, а вагонная суета прекратилась, внимание всех было обращено к женщине, у которой во время обстрела погибли дети. Вскоре, на одной из многочисленных остановок ее выгрузили — она потеряла рассудок.

Серьезных налетов на наш эшелон не было. Прицепленные впереди и сзади платформы, с зенитными пулеметами, отгоняли «стервятников». На одной из остановок, где-то под Киевом, бабушка попросила морской патруль пересадить нас на рядом стоявший пассажирский поезд, следовавший в Москву, что они совершенно беспрепятственно сделали.

Помню короткий напряженный разговор с начальником поезда, и мы оказались в вагоне, где нам сочувственно уступили место. Несколько раз поезд, маневрируя, избегал бомбежек и вскоре прибыл в Москву.

Вопреки утверждениям лжеисториков типа Волкоглонова, Резуна и др., столица встретила нас сурово и организованно, паники не было. Заклеенные окна крест на крест бумажными лентами, серьезные лица москвичей, четкий порядок на вокзале, — все свидетель-

ствовало о серьезности положения, в котором мы оказались. Неожиданно к нам подошли двое парней и девушка, комсомольский патруль, как они представились, стали расспрашивать нас, куда мы едем и что нам нужно. После короткого разговора с бабушкой они исчезли и появились через некоторое время с едой и водой. Потом взяли наши вещи и повели нас на перрон, где стоял поезд, отправлявшийся в Баку. Усадили в поезд, выдали паек, как они называли еду, и тепло попрощались с нами. Мы никому ничего не платили, да и платить-то было нечем.

Эта атмосфера единства, сопереживания и сочувствия была неотъемлемой частью человеческих отношений между теми, кто пережил это суровое испытание войной.

Поезд вышел из Москвы по расписанию, но в дороге было очень много незапланированных остановок в связи с пропуском воинских эшелонов на фронт и санитарных поездов с фронта.

В Баку мы поселились у тётушки в той же квартире, из которой уехали. Дядя и тётя днём и ночью работали, и я их почти не видел. Продолжал учёбу в той же школе, из которой уехал во Львов. В классе я оказался единственным беженцем и постоянно ощущал сочувствие и заботу абсолютно всех. Меня так и прозвали — «беженец».

В школе и дома главной темой разговоров была война. Радиоприёмники мы сдали по требованию властей, и все новости узнавали из репродукторов, причем, интерес к ним был всеобщий и неподдельный. А из репродуктора голосом Левитана приходили новости одна хуже другой. Наша любимая Красная Армия отступала на всех фронтах, неся тяжелые потери. Город стал жить прифронтовой жизнью; устроили выпуск продукции все предприятия и учреждения, особенно нефтедобывающие и перерабатывающие заводы. Войска потребляли огромное количество нефтепродуктов. В школе все ученики свободное время отдавали делу защиты Отечества и это не громкая фраза. Октябрята, пионеры, комсомольцы не жалели своего времени для выполнения любого, даже самого маленького задания взрослых, и искренне ждали и надеялись, что скоро придет справедливая и желанная Победа.

Незабываемым для меня был день приема в пионеры. На главной площади Баку собрались принимаемые в пионеры со всех школ города. Пионерскую клятву зачитывал начальник Бакинского гарнизона генерал-майор Бескровный. Мы, октябрята, повторяя каждую фразу клятвы, ощущали всю сложность положения, в котором

находилась страна и, вместе с тем, проникались чувством огромного горя, постигшем всех людей нашей страны.

Задачи пионерских организаций совпадали с военной задачей — защита города и его жителей от жестокого и сильного врага. На всю жизнь запомнилась передовица газеты «ПРАВДА», называлась она «ТАНЯ», с фотографией девушки с петлей на шее и отрезанной грудью.

Это теперь подонки говорят, что все это ложь, а тогда ни у кого не было и тени сомнений в том, что несет народам СССР фашизм. Мы, дети, в пионерской форме патрулировали улицы и площади, приморский бульвар и старую крепость — центральные районы города и были счастливы, когда патрули-курсанты Высшего военноморского училища отдавали нам честь в ответ на наш пионерский салют. Тогда мы, дети и взрослые, были в одном строю защитников Отечества.

Пионерские будни вместе с учебой в школе были единым процессом, в котором все было подчинено единой целой — выдержать, выстоять, победить. Первым серьезным делом для нас стал сбор бутылок, которые начиняли специальной горючей смесью и использовали на фронте для уничтожения фашистских танков. Бутылки, собранные у населения, мы сносили в специально отведенное место возле железнодорожного вокзала. Уверен, не одна сотня танков врага была подожжена и уничтожена именно этим оружием.

Мы, обходя каждую квартиру, собирали необходимые нашим защитникам вещи: белье, теплые носки, варежки, в общем, все то, чем могли поделиться жители города. Очень часто люди отдавали последнее. Спросите настоящих фронтовиков, тех, кто еще жив, что испытывали они, получая такие посылки! Я же знаю из первых уст, они их ждали и были искренне им рады. Ведь почти в каждую посылку было вложено письмо, написанное или нами, детьми, или взрослыми, ковавшими победу в тылу.

Во время патрулирования улиц нам ставилась вполне конкретная задача: не пропустить ни одного не заклеенного бумагой окна, заходить в квартиры, просить сделать это немедленно и, если выражалось нежелание или пренебрежение, сообщать в военную комендатуру. Сейчас бы это назвали «стукачеством», особенно те, кто утверждает, что жили мы не так и строили не то, и вообще, надо было сдать фашистам. С наступлением темноты мы выявляли квартиры, где не соблюдалась светомаскировка, сообщали жильцам об этом и всегда в ответ слышали искренние слова благодарности.

В домах, где мы жили, были организованы дружины: противопожарная, санитарная и другие. Мы, мальчишки и девчонки, учились дежурить на крыше, сбрасывать зажигательные бомбы вниз, оказывать первую медицинскую помощь пострадавшим и многому другому. Мы помогали больным и немощным людям получать по карточкам продукты, оказывали им помощь и поддержку.

Моя мама, не найдя нас с бабушкой в занятом немцами Львове, неожиданно встретила отца, да так и осталась с ним на фронте. Осенью 1943 года четвертый Украинский фронт, где воевали мои родители, освободил Мариуполь. Мама осталась в городе работать в райсовете. Вскоре вызвала и нас с бабушкой. Добрались мы тяжело. Со станции Ясиноватая добирались на железнодорожной полуплатформе с углем, запорошенной снегом.

В Мариуполе в школе, где я продолжал учёбу в пятом классе, мы, школьники, часто привлекались к разборке разрушенных домов на центральной улице. Особенно усердно это делали, когда нас снимали с уроков. Активное участие принимали в поиске неразорвавшихся снарядов, бомб и мин. Однажды мы сообщили в комендатуру об обнаруженной морской mine недалеко от порта, которую при нас, разумеется, соблюдая все меры безопасности, обезвредили.

Мы работали с бабушкой на выделенном участке земли, выращивая, в основном, картошку. Было очень голодно.

В начале августа 1944 года, после освобождения, мама едет во Львов. Определившись с квартирой, вызывает нас. В дом, в котором мы жили до войны, мы не вселились, там разместился член Военного Совета фронта Н. С. Хрущев.

Получив квартиру в Новом Львове, так назывался район за Стрыйским парком, я определился со школой. Школы приходилось менять часто: то из-за переезда в другое жильё, то из-за реформы, внедрившей раздельное обучение мальчиков и девочек. Правда, ненадолго.

В 1945 году меня приняли в комсомол. Комсомольская работа была напрямую связана с тем, что происходило на фронте. Ярко запомнилось событие, связанное с гибелью генерала Черняховского. Он командовал фронтом. Его фамилия не раз звучала в сводках Совинформбюро в связи с наступлением наших войск. Его родной племянник учился со мной в одном классе. Соболезнование и сочувствие ему оказывала вся школа.

Главными задачами комсомольцев были: всемерная помощь и поддержка семьям погибших, сиротам, восстановление школ, жи-

лых домов и административных зданий. Самое непосредственное участие все комсомольцы и молодежь города принимали в сооружении Холма Славы, где нашли покой многие защитники Отечества, в том числе Герой Советского Союза, легендарный разведчик, ст. лейтенант Кузнецов. Это теперь новоявленные бойцы ОУН — УПА продолжают борьбу с «оккупантами», глумясь и издеваясь над памятниками павшим.

Одной из основных задач комсомольцев — было посещение госпиталей, встречи с ранеными, инвалидами, которые очень тепло принимали подготовленные нами выступления, и долго не хотели нас отпускать.

Во Львове я и встретил День Победы — яркий, светлый и долгожданный праздник! Вечером 8 мая 1945 года гром победного салюта накрыл весь город. Стреляли отовсюду, из всего что стреляло, измученные жестокой, кровавой и длительной войной Победители! А 9 мая их чествование проходило на улице Аллейной (теперь она переименована в насмешку над победителями) с фейерверком, артиллерийским салютом. Пушки и прожекторы стояли прямо на улице.

Память об этом празднике не стирается даже по прошествии долгой, насыщенной разными событиями, жизни.

Пшеничная Валентина Григорьевна

Родилась 26 октября 1931 года.

*Старший преподаватель
факультета иностранных языков*

МЫ НЕ БОЯЛИСЬ ТРУДНОСТЕЙ, МЫ — ДЕТИ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

В год празднования 65-летия Победы в Великой Отечественной войне я часто вспоминаю о том, как жилось нашей семье в то тяжелое для страны время.

Когда началась война, мне было 9,5 лет, и я не могла тогда понять, что происходит. В нашем прекрасно плодоносящем саду выкопали убежище в виде изгибающейся линии. Нам, детям, было непонятно, нужно ли будет прятаться в этом окопе. Но прятаться в нем не пришлось. Нашей семье было предписание эвакуироваться в г. Кустанай Казахской ССР. К тому времени два моих брата уже были в армии. Отец отправил нас с мамой и третьим братом в направлении г. Камышина на Волге, а сам еще оставался в городе, потом ушел, как стало

известно, уже с войсками по направлению Сталинграда.

До станции Энгельса на Волге мы ехали на поезде, пропуская воинские составы из теплушек и открытых платформ на фронт, санитарные поезда из пассажирских вагонов на Восток. На санитарные составы было страшно смотреть, многие раненые были без рук, с полностью забинтованными головами, на костылях. Жители станций несли им продукты в сумочках, молоко в бутылках, надеясь узнать что-то о родных и близких. Живы ли они? Может быть, они тоже в этом составе?

Составы, идущие впереди нас и за нами, поочередно бомбили. Нас это, к счастью, миновало, но сколько страха мы натерпелись! До назначенной станции Кустанай мы так и не доехали. Я сильно заболела. Нашу семью сняли с поезда в г. Актюбинске Казахской ССР.

Поселили нас на окраине города в доме, где уже были другие эвакуированные. Я помню ленинградку-пианистку, которая с восхищением рассказывала о прекрасном городе, его пригородах, музеях, о музыке, и с болью — о блокаде города на Неве. Мама моя шила для бойцов фуфайки, рукавицы, солдатское белье, а я завязывала ниточки на этом белье. Занятие требовало усердия и трудолюбия.

Училась я в русской школе вместе с казахскими ребятами, мы с ними дружили.

После уроков и по воскресеньям ходили в госпитали, выступали в палатах перед лежащими ранеными, пели песни, читали им стихи и письма — «треугольники», которые приходили от родных, помогали медсестрам, скручивали бинты, выполняли просьбы раненых. Эти посещения учили нас милосердию, сочувствию и выдержке. А раненые, глядя на нас, вспоминали своих детей, семьи, и просили ещё и ещё раз прочесть их затертое письмо — «треугольник», сложенный из обычного листка школьной тетрадки, или открытку, с зачеркнутыми цензурой, словами.

С фронта пришло известие, что средний брат пропал без вести. Ему было всего 19 лет. Так он и живет в моей памяти девятнадцатилетним — не дожившим, не долюбившим. Вскоре младшего брата забрали в летное училище.

Жилось нам трудно. Из еды я помню только маленькие кусочки хлеба, жареное пшено и суп — «затируху» из муки, которую мама обменяла на нашу одежду. Вскоре мы переехали на другую квартиру, поближе к железнодорожному вокзалу. Мама, пройдя курсы, устроилась работать на компрессорную железнодорожную станцию компрессорщицей. Пайка хлеба стала чуть больше. Жили мы на квартире у тети Оли. У неё дочь была в блокадном Ленинграде, и мамы переживали за своих детей. Они стали подругами. Дружба этих военных лет оставалась на долгие годы, до самой их смерти.

В 1943 году мы все чаще принимали к радио во время передач от Советского «Информбюро». Войска подходили все ближе и ближе к Донбассу и, наконец, в сентябре 1943 года освободили наше родное Чистяково и другие города области. Ура! Мы были счастливы и плакали от радости. Начали собираться домой. Тётя Оля еле уговорила маму подождать, пока я закончу вторую четверть в школе.

По дороге домой мы заехали на пару дней к бабушке в Белгородскую область. Село было разрушено, но бабушка была жива.

Путь в Донбасс лежал через Харьков. Мы переезжали с одного вокзала на другой на грузовике. Город был сильно разрушен. Меня поразили окна в домах: вместо выбитых стекол были вставлены стеклянные банки донышками вовнутрь квартир.

С одним легким чемоданчиком, пустым бидончиком после варенья из моркови, которое нам дала хозяйка в дорогу, мы вернулись в Чистяково. Дом наш, большой и светлый, оказался занятым, пришлось поселиться в землянке. Я снова заболела. Выздоровев, пошла в пятый класс. В классе я была самая младшая, так как школа во время оккупации была закрыта и почти все мои соученики были на два года старше. Школа требовала ремонта. Мы вместе с учителями приводили её в порядок. Учились старательно. Учебников не хватало, мы заранее распределяли, кому, когда учить, у кого взять учебник. Тетрадей не было, из газет сшивали нитками тетради и писали между строк. Шариковых ручек тогда не было, писали ручкой с пером, а чернильницы в чехольчиках носили с собой. Запоем читали книги, передавая их друг другу, ходили в кино, а главное, дружно восстанавливали город: парк, стадион, газоны, сажали целые аллеи деревьев.

Лихолетье войны, недоедание, холод и болезни испытала каждая семья, особенно страдали дети. Родители работали с утра до вечера. Домашнее хозяйство и кухня были на нас.

В 1944—1945 годах семьям выделяли огороды. Два-три раза в неделю мы, дети, брали ведра и ватагой шли за 3 км поливать капусту, которая была подспорьем в нашем скудном рационе.

По дороге в лесочке вдоль реки рвали кислицы, дикие яблочки и груши. Радовались, когда находили калачики, паслён, а земляная груша была настоящим лакомством. Гардероб наш был более, чем скромным, но не главным в нашей жизни.

В сентябре 1944 года мы получили письмо от командира части, в которой служил мой отец. Он сообщал, что отец, старший лейтенант Беседин Григорий Иванович за доблесть и мужество в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками награжден третьей правительственной наградой — орденом «Красной звезды».

Много лет спустя, просматривая фотографии в альбоме старшего брата, я обнаружила фото отца, которое он прислал с фронта брату, служившему в это время офицером на иранской границе. Фото было подписано: «На память сыну Борису от участника обороны г. Ста-

линграда, участника ликвидации летнего немецкого наступления под Прохоровкой, Белгородом, Полтавой, Кременчугом, Кировоградом и вперед на Запад. С офицерским приветом, Беседин».

Впереди были ещё Румыния и Польша, и последнее фото на р. Висле. Оставалось 3,5 месяца до конца войны.

В феврале 1945 г. мы получили «похоронку» и сообщение о том, что Беседин Г. И. награжден орденом «Отечественной Войны» посмертно.

Горе великое, оно и сегодня отзывается острой болью в моем сердце. Из всей семьи осталась я одна и внуки, которым я рассказывала о жестокой войне, о стойкости и мужестве их прадеда. Я советовала им строить свою жизнь по его примеру. Вместо отца и брата в строю остались два брата и я.

В 1945 году меня приняли в комсомол, началась моя общественная работа. Сначала я была пионервожатой в младших классах, потом старшей пионервожатой в пионерском лагере, в институте — секретарем комитета комсомола факультетской организации.

Уже в Хабаровске, куда муж взял направление после окончания аспирантуры, я, работая старшим преподавателем немецкого языка, руководила профкомом огромного института, ныне он реорганизован в университет.

С 1965 года и по сей день не стою в стороне от общественной работы в ДонНУ, помогаю ветеранам в их нелегкой судьбе.

Наше поколение, воспитанное на примерах Зои Космодемьянской, Александра Матросова, Алексея Маресьева, молодогвардейцев, — не боялось трудностей жизни. Мы, дети войны, получали образование, выбирали работу и учебу по своему желанию и возможностям. Были жизнерадостными, не питали чувства зависти и злобы, одевались в то, что было, ели то, что было, без выбора. Учились, получали стипендию, а мамина «десятка» в месяц была дополнительной радостью. После окончания вуза получали рабочее место по итогам учебы. С радостью шли на работу, а с работы — домой.

Поколение наше — поколение оптимистов, нас закалила сама жизнь. Любые трудности нам нипочём, потому что мы — дети победителей, в нас гены Победы, которая досталась нам большой ценой. Молодежь наша мало знает о жизни бабушек и дедушек, прабабушек и прадедушек, о тех военных годах. А жаль...

Сомова Инна Ивановна

Родилась 28 мая 1933 года.

Доцент международного факультета

ДЕТСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Расскажу несколько эпизодов из того далекого военного детства. Эмоциональную окраску происходившего в то страшное время смогла дать только значительно позже.

Родилась я в семье военнослужащего в городе Харькове.

За месяц до начала войны мой отец был командирован служить на западную границу СССР. Война для него началась 22 июня 1941 года ровно в 4 часа утра. Старший семнадцатилетний брат, курсант танкового училища, пошел воевать в июле 1941 года.

Война расколола нашу большую семью.

Накануне войны я заболела скарлатиной и была госпитализирована в инфекционную больницу, которая находилась в районе аэропорта.

Фашисты каждую ночь бомбили аэродром. Здание больницы содрогалось от разрывающихся бомб, слышался звон вылетающих стекол. Бомбежку мы пережидали в бомбоубежище. Было очень страшно! Но даже в этой обстановке мы, восьмилетние девочки, радовались возможности помогать взрослым, относить в бомбоубежище самых маленьких, а утром видеть своих мам у окон больницы.

Психология детей значительно отличается от психологии взрослых и неудивительно, что мы, детвора, не понимали, как провели эту страшную ночь наши мамы, что они пережили, что передумали, и почему в косы наших молодых матерей были вплетены первые серебристые пряди...

При эвакуации на Урал в памяти осталась пересадка в г. Оренбурге. Привокзальная площадь и близлежащий сквер были заполнены многотысячной армией беженцев, ожидавших поездов. Была осень, люди по несколько дней находились под открытым дождевым небом. Плакали дети, причитали старики...

Как только подавался состав, вся масса людей оживала и с воплями неслась к поезду. В этой толпе меня чуть не задавили — спасли раненые бойцы.

На всю жизнь осталось чувство страха (даже ужаса) перед большим скоплением народа...

Эвакуировались мы в г. Челябинск, где жил мамин брат. В 2-хкомнатной квартире нас, приехавших из Украины родственников, поселилось 15 человек. Днем столпотворения не было, а вот вечером, когда укладывались спать!... Это было что-то!...

Детям эта обстановка нравилась: спальных мест было 4, а остальные спали на полу. Если ночью необходимо было встать, то пробирались через спящих, осторожно, боясь наступить. Однажды декабрьской ночью раздался стук в дверь. Все подхватились.

...Был шок!... С фронта приехал мой старший брат. Он был командирован за танками на ЧТЗ (Челябинский танковый завод). Мы, детвора, тогда не понимали, что пришлось пережить 17-тилетнему мальчишке-воину. Мы прыгали от радости, кричали, а взрослые рыдали. Что они переживали, понимающие весь трагизм происходящего — это я поняла значительно позже.

В то военное время дети выросли быстро. Взрослые и мой средний 15-тилетний брат почти круглосуточно работали на танковом заводе, а мы, детвора, были предоставлены сами себе.

Я была ученицей, хозяйкой дома, воспитательницей моего 3-хлетнего младшего брата, ходила «добывать» глину для стирки, отоваривала продуктовые карточки, собирала клюкву на болоте, а в лесу — грибы, ягоды, работала после уроков в госпитале.

Нас, учащихся 1—3 классов, ухаживать за ранеными не допускали. Мы выступали только с шефскими концертами и ежедневно помогали медперсоналу. В то время не хватало перевязочного материала, поэтому его стирали, гладили, а нас научили правильно скалывать бинты.

Аревшатъянц Зоя Никитична

Родилась 23 ноября 1933 года

Работник учебно-спортивного комплекса

ВОСПОМИНАНИЕ О ВОЙНЕ

Великая Отечественная война оставила неизгладимый след в судьбах нашего народа, положившего на алтарь Победы миллионы жизней своих лучших сынов и дочерей.

Мне было 8 лет, когда началась Великая Отечественная война. Семья проживала в г. Сталино. Как только началась война, папа ушел на фронт и воевал до конца войны. А моя мама с тремя детьми осталась на оккупированной немцами территории. Мы сполна познали все ужасы лихолетья. Немцы не считались ни с детьми, ни со взрослыми, выгоняли жильцов из своих домов и заселялись в них сами. Сразу же установили жесткий порядок — стали выявлять активистов, коммунистов и комсомольцев, стрелять и вешать их. В этом им помогали предатели. Мы пережили страшный голод. Ходили по полям и собирали мерзлую картошку, стояли в очередях за продуктами, чтобы выжить. Мама брала хорошие вещи и ходила в села менять их на продукты. Каждый день, каждую минуту мы ждали возвращения Красной Армии. Жилось очень плохо, люди голодали, жизнь была не устроена. Были семьи, которые не выдерживали всего этого и кончали жизнь самоубийством. Это было ужасно.

В 1943 году наш город был освобожден от немецких захватчиков. Все люди стали всячески помогать нашим войскам.

В конце войны папа возвратился домой. Я в 1944 году пошла учиться в 1 класс.

Надо сказать, что люди во время войны были добрыми, старались помогать друг другу выживать в тяжелые военные годы. Это спасало людей, воодушевляло их, вселяло веру в победу нашего народа и Красной Армии над фашистской чумой.

Мы всегда будем помнить и чтить подвиг наших отцов и дедов, живых и павших, которые подарили нам мирную жизнь.

Жигулина Нонна Станиславовна

*Родилась 30 декабря 1933 года.
Заведующая учебной лабораторией
химического факультета*

ВОЙНА ГЛАЗАМИ РЕБЕНКА

Когда началась война, мне было 7,5 лет. 1-го сентября 1941 года я пошла в 1-й класс в г. Макеевка. Мама работала на шахте «17/17 bis», старший брат ушел на фронт в первый день войны, средний —

через неделю, в добровольный комсомольско-коммунистический батальон, поэтому мама отправила меня в Макеевку к своей сестре. Никто не думал, что немцы дойдут до нас. Все ждали, что их вот-вот остановят, но все чаще раздавалась воздушная тревога и учительница вводила нас в бомбоубежище.

Вечерами я видела, как плакала тетя. Она все говорила, что, наверное, нам придется эвакуироваться (дядя был начальником УВД г. Макеевки, в чине подполковника в первый день войны тоже ушел на фронт).

Мама не согласилась, чтобы я уехала с тетей в эвакуацию. Ночью пешком она пришла за мной из г. Сталино. Эвакуироваться тетя опоздала, и мы собирались все уйти к нам.

Весь день шел дождь. На закате он перестал. Мы с мамой вышли в город, где увидели страшную картину — магазины все были открыты, витрины разбиты, люди несли что-то в мешках, ящиках, а одна женщина из магазина «Шляпы» вышла с коромыслом и двумя ведрами, которые были плотно набиты шляпами. К одному ведру подошел мужчина и вытащил сразу все шляпы. Мы стояли рядом, и он мне отдал три шляпы. Мама говорила, чтобы я их вернула женщине, но я ответила, что это дядя дал мне. На тротуаре валялись в

грязи расчески, гребешки, маленькие зеркальца. Все это было так жутко видеть, что мы ушли домой.

Я сидела все время у окна и видела, как пробежал наш солдатик в серой шинельке, или проезжала подвода с несколькими солдатами. Вечером в город вошли немцы. Они шли строем, хорошо одетые и обутые. Мне казалось, что все они были одного роста, и их было так много.

Потом к тете во двор заволокли пушку, а на двери написали, сколько человек — немцев — будет квартировать у нее. Один день мы прожили в квартире с двумя немцами, а наутро мы с мамой ушли домой. Через несколько дней к нам пришла тетя, затем мамина двоюродная сестра с сыном. Вот так мы и жили все вместе.

Наш дом находился недалеко от ремесленного училища, в котором расположились итальянские солдаты. Мы бегали туда отгонять кошек, т. к. говорили, что итальянцы их едят.

Часто ночью летали наши бомбардировщики. Они хотели бомбить это место. Однажды бомбы упали на два жилых дома, там погибли две сестры. Взрослые говорили, что летчики хотели бомбить итальянцев, но немного ошиблись. Мы, дети, очень хотели, чтобы итальянцев разбомбили, ведь они помогали немцам. Потом мы услышали такую песенку, вернее, куплет:

*Здравствуй, сваха — Волноваха,
Здравствуй, кум — Донбасс.
Разбомбили Волноваху,
Разбомбим и вас.*

Мы все пели эту песенку, хотя не знали, кто ее сочинил: то ли немцы, то ли наши. Мы не думали, что могут убить нас, мы хотели, чтобы больше убивали немцев.

Однажды, играя в одном дворе, мы увидели во флигеле двух мужчин. Они были пухлые и что-то нам показывали на рот. Мы поняли, что они просят кушать. Из дома мы принесли, кто что мог, кто кусок хлеба, кто лепешку. Так мы кормили их три дня, а на четвертый день их там не увидели. Говорили, что полицаи выдали их немцам, так как это были евреи.

Как-то мимо нашего двора вели пленных. Было лето. Со стороны дороги у нас рос картофель. Когда пленные прошли, мама пошла в огород, и вдруг там ее кто-то тихо окликнул. Это был один из пленных, молодой парень, которому удалось убежать и спрятаться у нас в огороде. Мама его перевела в сарай, потом передела в одежду моих

братьев, а на следующий день он ушел. Он сказал, что если останется жив, то обязательно придет к нам, но мы его так и не дождалась. На память о себе он оставил фото.

Помню, как зимой немцы ходили по домам. Они собирали, вернее, отбирали, теплые вещи. Все старались спрятать зимнюю одежду подальше. Вскоре мы узнали о разгроме немцев под Сталинградом. Мы видели, как шли немцы, закутанные в платки и тянули санки, вид у них был ужасный. Наши родители радовались, а глядя на них, мы радовались тоже.

Конечно же, нельзя все описать, как мы жили до нашего освобождения, т. е. до 8 сентября 1943 года,

*Спасенный пленный
Прокопенко В. Г.*

но правдивые факты из жизни моего военного детства не вспомнить невозможно.

Рутченковский пивзавод при отступлении наши не успели взорвать, он работал и во время оккупации. Когда наши солдаты освободили Рутченково (а наш дом и сейчас стоит у дороги, которая ведет на шахту Абакумова), женщины несли им пиво в ведрах на коромысле, угощали их, а солдаты черпали пиво котелками, пили. Мы, детвора, подбегали к солдатам, обнимали их и кричали: «У-р-а!».

Потом мы ожидали письма с фронта. Первое письмо после освобождения мы получили от моего старшего брата. Он писал, что уже капитан. Потом стало известно, что мой средний брат пропал без вести, а сын маминого брата сгорел в танке под Курском. Дядя, тетин муж, полковник, командир полка, был тяжело ранен и умер, похоронен в Новгород-Волынском.

Осенью мы пошли в школу. Жили дружно, делились последним кусочком хлеба, узнавали о подвигах наших солдат и офицеров, о партизанах. Старший брат с фронта нам писал интересные письма. Однажды мы услышали во дворе его голос, выскочили, а там — стоит Коля. Ему дали отпуск за выполнение особого задания. Сколько же было радости!

Как же мы все ждали Победу! Знали, что она придет. И вот 9-ое Мая. Что творилось на улицах! Люди выносили столы, накрывали их тем, что у кого было. Мы думали, что эти столы будут стоять всегда. Гордостью за свою Родину наполнялись наши сердца.

Будь проклята война, которая забирает у матерей сыновей, у детей отцов, у сестер братьев. Пусть все это останется, как страшный сон, который никогда не забудется и будет волновать время от времени сердца сегодняшних седовласых «детей войны».

Нонна (справа) с братом Николаем (в центре), 1943 год

Кудрявцева Людмила Николаевна

Родилась 11 марта 1934 года.

Доцент экономико-правового факультета

ВЗРОСЛОЕ ДЕТСТВО

Мое «взрослое детство», детство семилетней москвички, началось с несостоявшегося 22 июня 1941 года отъезда в гости к дальним родственникам на Полтавщину. Запомнились растерянные либо посуровевшие лица взрослых, собиравшихся у уличных раструбов радиорепродукторов, слушавших сообщение Молотова о нападении Германии на нашу страну, о том, что немецкие самолеты на рассвете бомбили наши города. Ощущение опасности и тревоги, заклеивание бумажными крестами оконных стекол, светомаскировка окон, новое слово «военкомат» и проводы мужчин разных возрастов с вещмешками. Слухи о воздушных налетах и бомбежках, ускоренное строительство в подвальных помещениях домов-бомбоубежищ с последующими ночевками в них, или на станциях метрополитена, объявления тревоги и отбоя по круглосуточно включенным репродукторам.

В августе семьи военнослужащих, ушедших на фронт, эшелонами стали вывозить из Москвы. В одном из таких эшелонов, составленных из товарных вагонов-теплушек, ехали в эвакуацию и мы с мамой. Последнее, что запомнилось — удаляющаяся в сумерках скульптура Мухиной «Рабочий и колхозница», возвышающаяся на сельскохозяйственной выставке (позже — ВДНХ). Мы долго выглядывали из двери вагона, провожая ее глазами, полными слез. Так закончилось для меня счастливое довоенное время с праздниками в детском саду, со спектаклями в кукольном

театре Образцова, с «Синей птицей» во МХАТе, с купаньями в Серебряном бору.

Ехали долго и трудно. Эшелон подолгу стоял на полустанках, пропуская военные эшелоны на запад и санитарные поезда, следовавшие в тыл, на восток. По звуку мы научились различать немецкие самолеты, летевшие то на задания, то возвращавшиеся, отбомбившись. Проезжали мимо разбитых вагонов таких же поездов, как наш.

За Волгой впервые с изумлением увидели освещенные вечерние и ночные города: «надо же, без светомаскировки»!

Жизнь в сибирской эвакуации началась для нас с размещения прибывших эшелонами сначала в школе, потом по частным квартирам в непривычных одноэтажных домах, с разбитыми перед ними палисадниками и с огороженными заборами дворами, за которыми располагались огороды хозяев этих домов.

С 1 сентября началась учеба в школе. Меня, семилетнюю, все-таки приняли в первый класс, поскольку я уже довольно бегло читала. До нового, 1942 г. пришлось учиться в семи разных школах, поскольку в новых, расположенных в центре города школах, размещались госпитали. Наш класс переводили все в более и более отдаленные школы. Когда началась зима, я добиралась до своей школы ко второму уроку, так как замерзнув, заходила обогреться в те школы, что располагались по пути.

Видя, как сейчас школьников провожают и встречают из школы родители и бабушки, я вспоминаю, что работавшие мамы как-то не беспокоились, найдем ли мы, эвакуированные дети, в незнакомом городе дорогу до школы (обратно мы возвращались всем классом с учительницей).

Отношение к нам, эвакуированным, было хорошее. Ни в школе, ни в очередях за водой у водоразборных уличных колонках, ни в утомительных очередях в магазинах, где «отоваривали» продовольственные карточки, мы не ощущали себя чужаками, беженцами, хотя с нашим прибытием местному населению явно лучше не стало. В детстве, конечно, все воспринимается легче. Конечно, одежда, не рассчитанная на сибирские морозы, постоянное чувство полуголода (просить поесть у мамы нельзя, ведь иначе голодной останется она) радости не доставляли, но ведь всем приезжим было не легче. Тяжело воспринималось ощущение чужой беды, когда в семье одноклассников приходили похоронки, слезы после посещения госпитальных палат с концертами школьной самодеятельности, где особым успехом у раненых пользовалось исполнение именно детских стихов

А. Барто, Е. Благиной, С. Маршака, С. Михалкова. Стихи надо читать бодро, передавая юмор детского восприятия житейских ситуаций. Раненые улыбаются, смеются, а у малолетних исполнителей сердца сжимаются от вида этих доброжелательных зрителей.

И все же, в памяти о Сибири, кроме высоченных снежных сугробов, морозных, но безветренных зим, остались бурные весенние потоки от тающего снега, бегущие по улице и смывающие мусор, который всю зиму жители выносили на проезжую часть улиц. Потоки такие мощные, что перебираться на другую сторону улицы — просто опасно. Помнится и пионерлагерь для эвакуированных детей над широкой Обью, изумительные закаты и лесные костры, у которых, кроме песен военных лет, москвичи пели песни о Москве, ростовчане — «Ростов-город, Ростов-Дон», киевляне и полтавчане — украинские песни, а одесситы — про одессита Мишку. Ожидание писем от отца с фронта...

Низкий поклон и благодарность на всю жизнь вам, сибиряки, за то, что мы не ощущали себя чужаками-беженцами.

В июне 1944 года мы с мамой опять эшелонами возвращались в Москву. Первая радость и радостные слезы, когда ранним утром в вагонном окошке я увидела ту же скульптуру «Рабочий и колхозница». Значит, дома. Мне уже десять лет. Я хожу по узнаваемым родным улицам, переулкам, бульварам, езжу на метро. Ощущение тихой радости. Одно из воспоминаний: после прохода военнопленных немцев по Москве, на улицы, вслед за их колоннами, впервые выехали поливальные машины, и снова радость узнавания порядков довоенной Москвы.

Другое воспоминание связано с ежевечерними салютами в честь освобождения наших городов и дневные вопли мальчишек во дворе — «салют поехал на четырех машинах!» Это из ближней воинской части мимо нашего двора проезжают артиллеристы, чтобы измученные войной люди ощутили радость близкой Победы.

И что еще осталось в памяти на всю жизнь: с окончанием войны несколько лет жили с уверенностью в то, что все плохое закончилось вместе с войной, дальше будет только лучше и радостней.

Беловолов Юрий Григорьевич

Родился 24 июля 1934 года.

Профессор исторического факультета

В ЭВАКУАЦИИ НА МОЛДАВСКОЙ ЗЕМЛЕ

Я родился в шахтерском поселке Румянцево близ г. Горловка 24 июля 1934 года в семье горного инженера. Довоенный период был наполнен важными для нашей семьи событиями — в 1937 году мой отец Беловолов Григорий Григорьевич был арестован по ложному обвинению и осужден как «враг народа». В годы заключения отца основная тяжесть по обеспечению его продуктами питания легла на плечи моей матери Александры Павловны.

Для передачи отцу продуктов матери приходилось выстаивать по две недели в очереди у Артемовской тюрьмы в сыкоть и холод. В результате простудных заболеваний она лишилась слуха и до конца жизни оставалась инвалидом первой группы по слуху.

В 1940 году отец был оправдан по суду и до начала Великой Отечественной войны работал в качестве главного инженера на шахте имени Ворошилова в тресте «Дзержинскуголь» Сталинской области.

О начале войны в Донбассе известный ученый-историк Донецкого государственного университета Н. Ф. Хорошайлов в своей книге «Суровые годы войны» отмечал: «8 октября 1941 года немецкие войска взяли Мариуполь. С 15 октября началась эвакуация из восточной части Донбасса, а 20 октября столица Донбасса — город Сталино — оказался в руках противника».

Как специалист угольной промышленности отец был направлен в Кузнецкий угольный бассейн, где и проработал до конца войны. В своей монографии о ратном и трудовом подвиге славного рабочего

отряда шахтерского края Н. Ф. Хорошайлов писал: «В Кузбасс и Караганду было направлено 25 тысяч шахтеров. В конце 1941 года и в начале 1942 в Карагандинский угольный бассейн из Донбасса приехала значительная группа хозяйственных и инженерно-технических работников, опытных специалистов, прибыли эшелоны с оборудованием, врубковыми и подъемными машинами, электровозами и другими агрегатами»¹.

Оставшись на оккупированной территории, мы с матерью выехали на ее родину в хутор Гурты Горловского района, где в условиях оккупации мать работала в сельском хозяйстве на уборке урожая 1942 года. Мать подвергалась преследованиям и оскорблениям со стороны немецкого прислужника, бывшего кулака, старосты села. Последний, зная, что мой отец был коммунистом, заставлял мать выполнять тяжелую физическую работу — вязать снопы во время уборки и погрузочные работы. В ответ на просьбы матери перевести ее на более легкий труд он кричал: «Роби, твій чоловік партейний». Неоднократно мать вызывалась на допросы в комендатуру.

Политика оккупантов и их прислужников была сосредоточена на выявлении и уничтожении евреев, членов партии и их семей, советских и комсомольских активистов. Арестованных и членов их семей сбрасывали в ствол одной из выработанных шахт Горловки. Опасаясь за свою жизнь и сына, мать принимает решение — примкнуть к группе семей молдаван, жителей большого украино-молдавского села Байрак, что близ Горловки, принявших решение добровольно выехать в Молдавию на историческую родину, хотя сами «беженцы», если их так можно было назвать, и их предки, родились и выросли в Донбассе и не поддерживали никаких связей с молдаванами Бессарабии. Беженцами, скорее, были мы с матерью, и, может, еще несколько семей, члены или родственники которых были коммунистами.

Немецкие власти в оккупированной Сталинской области дали разрешение на выезд 50 семей из Донбасса. Взяв в дорогу самое необходимое, с детьми и стариками, группа в количестве примерно 150 человек, в четырех пультмановских вагонах-товарняках, спустя две недели, прибыли в Молдавию в распоряжение румынских властей.

Беженцы были размещены на окраине села Карманово, на территории бывшей пограничной заставы на левом берегу Днестра, где до войны проходила румыно-советская граница. Нам с матерью доста-

*Любимому брату
от брата Петра
& маме от старшей сестры
Вера Петра
Черноводы 7.6.45,*

Мой дядя Петр. Надпись на фотографии

лась крошечная комната — карцер, выполнявшая роль гауптвахты для пограничников — нарушителей дисциплины, с высоким потолком и единственным зарешеченным окном. В условиях суровой зимы 1942—1943 гг. средства для жизни беженцам приходилось добывать самостоятельно путем обращения к жителям села Карманово. Румынские власти вопросы питания, отопления возложили на самих переселенцев, поэтому мужская половина периодически переправлялась на правый лесистый берег Днестра за дровами для отопления.

К весне 1943 г. по решению румынских властей семьи переселенцев были перевезены в город Григориополь для постоянного проживания. Нас с матерью поселили к хозяйке благоустроенного дома, русской по национальности.

Дети школьного возраста были определены в организованные властями школы, в которых существовала палочная дисциплина. Моей первой учительницей была жена претора (мэра) города Григориополя, обладавшая деспотичным характером. За малейшее нарушение дисциплины она приказывала положить руки на парту и несколько раз ударяла лозинкой по пальцам нарушителя.

Румынские власти потребовали, чтобы все дети беженцев от двух до двенадцати лет приняли крещение. Три румынских священника в присутствии немецкого офицера провели обряд крещения в одной из церквей города, рассматривая беженцев в качестве потерпевших от советской власти. В этом ключе власти приняли решение вручить каждой семье корову. Таким образом, мы с матерью стали

¹ Хорошайлов Н.Ф. Суровые годы войны: Политиздат, К., 1977. — с. 33.

владельцами частной собственности. Однако в условиях войны каждая семья вынуждена была обеспечивать себя самым необходимым, искать работу и т. д.

Правительство Румынии, как достойный союзник нацистской Германии, проводило политику геноцида в отношении неарийского населения — евреев и цыган. В период оккупации по городу неоднократно под конвоем румынских солдат проходили большие группы цыган. На вопросы жителей о конечном пункте их депортации конвоиры называли Черное море и характерным жестом указывали на небо.

Мое школьное образование, начавшись в сентябре 1943 г., продолжилось до осенней распутицы и до того времени, когда резиновые боты моей мамы, в которых я ходил в школу, окончательно развалились. Со школой пришлось расстаться. Осень и зима 1943—1944 гг. прошли в заботах о корове, которая была единственным источником нашего существования. Естественно, мы, как и все переселенцы, находились в полном неведении о событиях на фронтах.

После разгрома немцев под Сталинградом и Курском, форсирования Днепра, освобождения Киева и Донбасса ситуация на фронтах к весне 1944 года окончательно склонилась в пользу Советского Союза. Указывая в своих мемуарах на перелом в войне в ходе названных выше событий, Герой Советского Союза, генерал-майор С. А. Антонов писал: «В ходе ожесточенных боев в апреле 1944 года соединения Советской Армии сломали сопротивление гитлеровцев и к середине месяца вышли к Днестру на участке Гура — Быкулуй — Парканы. Войска 3-го Украинского фронта освободили Тирасполь. Началась борьба за освобождение Молдавии. Выходом на Днестр и захватом плацдармов завершилось наступление 3-го Украинского фронта весной 1944 г. Войска 2-го Украинского фронта 26 марта вышли на государственную границу СССР. Таким образом, эти два фронта заняли выгодное стратегическое положение для развития дальнейшего наступления в Молдавии и Румынии»².

По свидетельству очевидцев и моей матери, отступавшие немецкие и румынские войска направлялись через центр Григориополя к реке, где была сооружена переправа через Днестр. Вместе с собой гитлеровцы увели, практически под конвоем, немецких колонистов из селения Гликсталь, испокон веков живших в Бессарабии еще со времен Екатерины II. С повозками, груженными домашним скарбом, запряженными конями-тяжеловесами немецкой породы, жен-

щины, старики и дети переправлялись через Днестр, подвергаясь атакам советских самолетов с воздуха. Бомбометание и пулеметные очереди заканчивались иногда тем, что в воде оказывались люди вместе с повозками, скарбом и лошадьми.

Отступившие немецкие войска окопались на правом, лесистом берегу Днестра, заняли заранее подготовленные позиции: доты, дзоты, густую сеть окопов. Вдоль высокого левого берега Днестра были установлены артиллерийские батареи крупного калибра советских войск. Таким образом, между окопавшимися немцами на правом, поросшем густым лесом, берегу и советскими войсками на левом в течение двух месяцев шла ожесточенная минометно-артиллерийская дуэль.

Советские артиллеристы круглосуточно обстреливали немецкие позиции по разведанным целям. С правого берега на город обрушивались тысячи немецких мин, уносившие жизни жителей, солдат и командиров Советской Армии. Ежедневно несколько мин попадали во двор нашего дома. Двери, за которыми находилась корова, оказались изрешеченными осколками, но провидение хранило нашу корову.

Немецкие самолеты в 1944 году уже не имели господства в воздухе, поэтому население города, в том числе и мы, все реже пользовались подвалами и убежищами. Осколок одной из разорвавшихся во дворе немецких мин, пронизав оконную раму и прошив фетровую шапочку на голове моей матери, уткнулся в стенку печи. Если бы траектория осколка оказалась на 3—4 сантиметра ниже, я бы остался сиротой в чужой стороне.

Вместе с отступившими из города и всего левобережья Днестра немецкими войсками была изгнана румынская администрация и восстановлена советская гражданская и военная администрации. Главы семей переселенцев призывного возраста были мобилизованы в Советскую Армию и приняли участие в боях за освобождение Европы. Среди них были Брадуловы, отец Михаил и его сын Николай. После окончания войны Николай остался в Молдавии, получил образование юриста и в 60—70-е годы работал заместителем, а затем Генеральным прокурором Молдавской Советской Социалистической Республики.

Кроме немецких мин, с вражеских позиций обрушивался на город шквал ружейных и пулеметных очередей, а в ночное время небо освещали рои трассирующих пуль. Наша попытка с матерью ночью навестить больную соседку, которая жила на соседней улице, могла закончиться трагически, и нам пришлось возвратиться домой.

² Антонов В.С. Путь к Берлину. — М.: Наука, 1975. — С. 125-131.

По решению администрации города, после двух месяцев нахождения в районе боев, семьи переселенцев из Донбасса были эвакуированы в тыл, за 25 километров от передовой в поселок Гликсталь, жители которого были насильно депортированы в Германию с отступающими немецкими войсками.

Семьи беженцев были расселены в опустевших домах немецких колонистов. Другие дома были использованы под госпиталь для раненых. Я и мои сверстники, 10—12-летние мальчишки, воочию знакомились с последствиями войны. О том, что идет война, напоминали окровавленные бинты на телах раненых бойцов, которых привозили грузовики с передовой.

Где-то шли тяжелые бои. Моим главным занятием летом являлась забота о корове. Я выгонял ее на пастбище в окрестностях поселка, разводил в старом окопе костер и бросал в него оставшиеся боевые патроны и пулеметные ленты, их было предостаточно после недавно прошедших боев. Заняв безопасное место и отогнав корову подальше, я испытывал удовольствие, слушая выстрелы рвущихся в окопе патронов.

Однако вскоре с коровой пришлось расстаться: в условиях военного времени негоже было держаться за частную собственность в «образе» коровы. По согласию матери наша корова пополнила мясной рацион раненых военного госпиталя.

Конец лета 1944 года был ознаменован военными успехами Советской Армии, победами над немецко-румынскими войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов, добившихся побед в ходе Яско-Кишиневской операции 23—30 августа. Об этом писал Герой Советского Союза, генерал-майор В. С. Антонов в своих воспоминаниях «Путь к Берлину»: «Наступление двух фронтов завершилось. Немецко-фашистская группировка «Южная Украина» была разгромлена. Из войны на стороне фашистской Германии была выведена Румыния... Разгром группы армий «Южная Украина» привел к коренному изменению стратегической обстановки на Балканах в пользу Советской Армии. Завершив освобождение Советской Молдавии, войска нашего фронта очистили от гитлеровских захватчиков восточные районы Румынии, и вышли к 5 сентября на румыно-болгарскую границу»³.

В конце августа 1944 года семьи переселенцев возвратились в город Григориополь. Одни поселились в частных домах, другие заняли пустовавшие дома и квартиры. Я с мамой и семьей Марии Коль-

чик — с сыном и дочерью моего возраста Валею и Толей — заняли пустовавший дом в еврейском квартале города. В сентябре я стал учеником 1 класса Григориопольской русской средней школы. Зима 1944—1945 года была голодной и холодной. Наши матери работали на ремонте жилья, обеспечивая себе и детям терпимое существование. Задача обеспечения дома топливом легла на меня и Анатолия. В разрушенных соседних домах мы разбирали потолочные перекрытия, извлекали деревянные балки, очищали их от глины и использовали для отопления дома.

Близилась весна 1945 года, а с нею и победа над Германией, породившей фашизм и несчастья сотен миллионов людей во всем мире.

В день Победы мы проснулись от стука наших соседей в окно и двери. Нам радостно сообщили о том, что пришла долгожданная победа. Когда мы, стар и млад, прибежали в центр города, площадь перед городским советом была запружена людьми, которые поздравляли друг друга с победой.

Весной 1945 года я закончил первый класс. У меня до сих пор хранится листок из школьной тетради: «Ведомость успеваемости ученика первого класса Григориопольской русской средней школы Беловолова Юрия за 1944—1945 год» со всеми пятерками от русского (письменного и устного) языка до арифметики, каллиграфии, рисования, пения, поведения и о переводе во второй класс. Для десятилетнего ученика такие оценки не были большой заслугой. Я ведь уже был переростком. Три года учебы забрала война.

Освобождение Донбасса в 1943 году и Молдавии в 1944 году помогло нам наладить переписку с родственниками матери и с отцом, который возвратился из Кузбасса в Донбасс и работал в прежней должности главного инженера на шахте имени Ворошилова в Дзержинске. В 1945 году мы с матерью возвратились в Донбасс в поселок Кирова, где уже работал отец.

В послевоенные годы отец участвовал в восстановлении разрушенных и затопленных водой шахт: имени Ворошилова в поселке Кирова (1945—1948 гг.), Торетской в Дзержинске (1948—1968 гг.). Огромная потребность государства в угле, большая ответственность за восстановление производственной мощности шахт в войну и в послевоенные годы требовали от отца чрезмерного напряжения моральных и физических сил. За работу в угольной промышленности, за многолетнюю и безаварийную деятельность отец был удостоен высоких правительственных наград: медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «За трудовую доб-

³ Антонов В.С. Путь к Берлину. — М., Наука, 1975. — С. 171-172.

лесть», Орденом Трудового Красного Знамени, Знаком «Шахтерская слава III степени», значком Министерства угольной промышленности «Отличнику социалистического соревнования».

У моего отца было 4 брата — Федор, Петр, Василий и Павел и 2 сестры — Антонина и Мария. В годы войны трое из четырех братьев отца — Петр, Василий и Павел, а также сестра Антонина находились в действующей армии. Василий, военный летчик и Павел, пехотинец погибли, сестра Антонина, врач медсанбата и Петр, окончивший войну в Чехословакии, возвратились к мирной жизни.

Прилепская Алиса Николаевна

Родилась 6 января 1935 года.

Доцент международного факультета

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Я родилась 6 января 1935 года, и годы войны прошли по моему детству. С рождения и до 18 лет я жила в г. Новошахтинске Ростовской области. Должна была идти в школу

в 1-й класс в 1942 году, но в это время наш город находился в оккупации. Все школы были закрыты, в них расположились немецкие солдаты, их кухни и службы. Офицеры расселились по жилым домам, выгоняя наших людей в сараи и подсобные помещения. Родители запрещали детям выходить на улицу и попадаться на глаза фашистским солдатам.

Я хорошо помню этот период. Мой отец прямо из института в г. Ленинграде пошел на фронт, я осталась с мамой, бабушкой и бабушкой. Мама до войны работала в редакции местной газеты «Знамя шахтера». Она не смогла вместе с семьей эвакуироваться. Во время оккупации никакого снабжения населения продуктами не было. Моя мама меняла одежду на продукты в сельской местности, собирала колоски и оставшиеся на полях овощи. Полицейские из местных жителей преследовали людей на полях вокруг города, стреляли из винтовок и пулеметов.

В городе бесчинствовала «новая власть». Немцы собирали сведения о коммунистах и евреях, а затем их вывозили за город и в балке расстреливали. Были и такие, кто, спасая свою жизнь, выдавал других, но немцы расстреливали и их.

Дорогую цену заплатили новошахтинцы за победу над врагом. 3200 жителей города не вернулись с поля битвы, многие из них были награждены высокими наградами и стали героями Советского Союза. В городском парке культуры и отдыха, где горит Вечный огонь, в поселках установлены памятники погибшим в борьбе с фашистами на поле боя и в тылу. На предприятиях города открыты мемориальные доски с именами погибших земляков, которые работали там.

Во время оккупации Новошахтинска в городе действовала подпольная организация, которая активно боролась против оккупантов. Благодаря подпольщикам, фашисты не отправили в Германию эшелон, в котором было около двух тысяч советских юношей и девушек. Многие новошахтинцы, которые вели борьбу с фашистами в оккупированном городе, не дожили до Дня Победы.

При освобождении города в его окрестностях шли жестокие бои с тяжелой артиллерией. Мимо наших домов пролетали снаряды и иногда попадали в жилые дома. Немцы бомбили город, разрушали строения, погибали мирные жители. Помню, как мы и наши соседи сутками не выходили из подвалов, спасаясь от бомб и снарядов, как родители закрывали собой своих детей. Но судьба была милостива к моей семье — мы остались живы.

После освобождения города в районе временного аэродрома, который находился в поселке шахты, в балке Бугултай (южная окраина Новошахтинска) было обнаружено 29 рвов с трупами расстрелянных жителей города и окружающих хуторов. За время оккупации гитлеровцы расстреляли на несветаевской земле около пяти тысяч человек. Среди них и мой дядя Алейников Михаил Несторович, которому было 29 лет. Останки погибших перенесли на городское кладбище, захоронили в братской могиле, за которой ухаживают все горожане.

Наш дом был рядом с городским парком. Однажды я и все жители наших домов видели, как по улице Садовой ехал обоз лошадей с телегами, на которых горой лежали трупы в шахтерской одежде, измазанные угольной пылью, в резиновых высоких сапогах. Людей забирали прямо из шахты и везли на расстрел. Это жуткое зрелище стоит перед моими глазами всю жизнь. Такое нельзя забыть никогда.

Братская могила была в центре города, в городском парке, и похороны шли несколько дней. В эту могилу родственники изменников пытались похоронить тела предателей, доносчиков,

прислужников фашистам, но народ стал стеной и не позволил поганить могилу.

Наш город освободили в феврале 1943 года. Началось восстановление разрушенных шахт, предприятий и школ. В начальной школе объединялись в классы близкие по возрасту дети, учеба которых была прервана оккупацией. В ускоренном темпе, за один год мы прошли программу 1-го и 2-го классов. Я закончила школьное обучение в 1952 году.

Жизнь начала восстанавливаться. Но трудные годы войны и годы оккупации навсегда остались в моей памяти как страшный и мрачный период жизни.

Дмитришина Галина Андреевна

Родилась 6 февраля 1935 года.

Доцент факультета иностранных языков

ЭТО ЗАБЫТЬ НЕЛЬЗЯ...

Родилась в городе Сальск Ростовской области. В июне 1941 года мне было шесть с половиной лет. Осенью предстояло идти в школу, но 22 июня 1941 года началась война, которая перевернула жизнь как всей страны, так и нашей семьи.

Я родилась в семье военнослужащего. Отец мой, Дмитришин Андрей Дмитриевич, из Сальска был переведен в г. Ростов-на-Дону, затем в г. Шахты Ростовской области. Специфика его работы обусловила наше проживание и в г. Ростове, и в г. Шахты.

С первых дней войны отец был в действующей армии, в 62-ом кавалерийском полку 5 кавкорпуса Южного фронта.

Мои воспоминания о первых днях войны связаны с рытьем окопов, куда я ходила вместе с мамой, так как оставлять меня было не с кем. В письмах с фронта отец писал, чтобы мама ни в коем случае не оставалась на оккупированной территории. Для тех, кто уезжал, организовывались составы товарных вагонов. В одном из них эвакуировались и мы с мамой. На станции Матвеев Курган Ростовской области наш состав разбомбили. Пикирующие самолеты, падающие бомбы и страшный факел горящего элеватора на всю жизнь остались в моей памяти. После бомбежки оставшихся в живых собрали и сообщили, что состав нас будет ожидать на соседней станции. Необходимо было определенное время, чтобы добраться туда самостоятельно.

Когда восстановили движение по железной дороге, нам с мамой повезло — позволили сесть на открытую платформу, на которой мы и добрались до места сбора, где нас ожидал состав. Осенняя холодная ночь, проведенная на платформе, под брезентом, стала причиной воспаления легких, и в г. Саратов мама привезла меня с высокой температурой. Периодически я теряла сознание.

В ноябре 1941 года немецкие войска захватили г. Ростов. Эта первая оккупация была недолгой. 28 ноября советские части выбили фашистов из города. В этих боях за освобождение Ростова принимал участие и мой отец. При преследовании немецких захватчиков, в бою, в районе Матвеева Кургана, 2 декабря 1941 года он был тяжело ранен. Осколок не удалили, он «прижился» и отец носил его всю жизнь. На излечении он был в госпитале г. Саратова. Об этом нам написала родная сестра мамы. Когда мама нашла этот госпиталь, выяснилось, что отец накануне 14 февраля 1942 года выписался и выехал в г. Ростов в надежде повидать нас. Меня подлечили, и мы немедленно выехали домой.

Но радость возвращения была недолгой. Немецкие войска снова наступали. Нам предстояла вторая эвакуация. Путь был долгим и тяжелым. По Северному Кавказу, при частых бомбежках, мы доехали до Махачкалы, где эвакуированных погрузили на два морских транспорта, чтобы переправить через Каспийское море в Красноводск. Один из этих транспортов был разбомблен. Нам, к счастью, удалось пересечь море. В Красноводске погрузились в «теплушки» (товарные вагоны) и отправились в г. Сарканд Алма-Атинской области. Там я пошла в школу во второй класс, потому что отец научил меня читать, писать, считать еще до войны. Учителя после собеседования сказали, что мне нечего «бездельничать» в 1-ом классе.

Город Ростов-на-Дону был второй раз оккупирован с июля 1942 года по февраль 1943 года. Отец, после излечения, вернулся в свою часть и принимал участие в битвах Сталинградского фронта, а затем в боях за освобождение Белоруссии, Польши, Пруссии, где и находился до конца войны.

Мы с мамой вернулись в г. Шахты. Для нас, как и для всех, самым главным было тогда выжить в то тяжелое время. Мама работала, я продолжала учиться. Здесь мы и встретили День Победы. Но отец, будучи командиром танковой роты, был уволен в запас и вернулся только в августе 1946 года.

С октября 1946 года он служил в органах МВД на оперативной работе. Поэтому судьба нас забросила сначала на станцию Кавказ-

кая (г. Кропоткин), затем на границу с Румынией, а с 1950 года — в г. Черновцы.

Среди боевых наград отца есть орден боевого Красного Знамени, два ордена Красной Звезды, семь медалей.

Я — ветеран труда, имею благодарности и грамоты ДонГУ.

Дети войны... Трудно нам было, но мы выжили и живы, потому что миллионы советских людей жертвовали своей жизнью ради нашего спасения.

Поэтому я позволю себе напомнить о другом. В г. Ростове-на-Дону на перекрестке улиц Семашко, круто спускающейся к Дону, и Ульяновской на стене углового двухэтажного домика, почти на полэтажа вросшего в землю, есть мемориальная доска со следующим текстом:

«Во дворе этого дома 24 июля 1942 года были зверски расстреляны фашистами юные патриоты-пионеры Коля Кизим, Игорь Нейгоф, Витя Проценко, Коля Сидоренко, Ваня Зятин за укрытие раненых советских воинов».

Пусть память об этих детях будет вечной! Они из «породы» орлят и таких было немало. Они навсегда останутся примером стойкости и символом верности Отчизне!

Шульга Виктор Григорьевич

Родился 14 февраля 1935 года.

Доцент экономического факультета

ФОРМЕННАЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ КУРТКА СПАСЛА ОТ СМЕРТИ...

Родился в городе Попасная Луганской области на улице Донецкой. Отец работал на Северной Донецкой железной дороге составителем поездов.

Фашисты захватили Попасную 31 октября 1941 года. Страшные, грязные фашисты забрали у нас в то утро все имевшиеся запасы продуктов, картофеля, муки, круп и остального съестного, а также дрова, уголь и керосин, разбили окна и поломали входную дверь. Было очень холодно. Отец до последнего дня обслуживал поезда — был мобилизован для этой работы советским командованием, а потом, как и многие другие железнодорожники, был брошен им, забыт. Ворвавшиеся в наш домик, сложенный недавно из самана, немцы хотели расстрелять отца и нас: маму, меня, брата

(1937 года рождения) и сестру (1939 года рождения) за то, что на отце была форменная железнодорожная куртка с пуговицами со звездами. Они дико визжали: «Коммунист — партизан!». Но в последний момент выручила находчивость мамы. Она показала фрицам желтый флажок и фонарь железнодорожника с цветными стеклами. Отца забрали в плен, как и многих других мужчин.

До марта 1942 года мы жили на немецкой передовой под непрерывным и днем, и ночью обстрелом советских войск. Спасало нас то, что пули и осколки снарядов и мин не пробивали саманные стены. Окна были заложены песком. Прямого попадания снарядов и мин не было. К тому же в самом доме был погреб. Нас спасало и то,

что немцы брезговали жить в нашем не оштукатуренном домике с земляным полом. Их передовая линия окопов находилась на самой крайней улице им. Воровского. Затем это была ничейная зона. Передовая линия советских войск находилась в 5 км в деревне Новоалександровке (старое название — деревня Рубашкино) и поселке Парусовка. Это был передовой клин Миус — фронта, который рухнул 29 марта 1942 года.

До апреля 1942 года отец был заключенным в Донецком концлагере, из которого он сбежал. За это фашисты бросили всю нашу семью в мае 1942 года в концлагерь. О том, как я, брат и мама с двухлетней сестренкой на руках протопали под фашистскими штыками больше 400-х км летом 1942 года, трудно сейчас даже представить. Фашисты гнали нашу колонну, состоящую из стариков, женщин с малолетними детьми на Запад. Часто гестаповцы имитировали наш расстрел, травили газом. Ослабевших людей, в том числе и детей, убивали и закалывали штыками. Наши ноги за 35 суток движения превратились в пухлое кровавое месиво. Не давали воды и еды. Движение колонны останавливали в сумерки, а с рассветом опять начиналось адское движение. В районе деревни Федоровки в 20 км от Мелитополя всю колонну бросили в бывшие конюшни, огороженные рядами колючей проволоки. Живы остались благодаря титаническим усилиям нашей мамы. Вечная ей память и благодарность! В концлагере эсесовец за то, что мама выползала из лагеря собирать милостыню у немецких колонистов, пытался расстрелять ее. Но мы, трое детей, подняли крик, и рука его дрогнула — выстрелил ей в колено. Шесть месяцев мучилась она без лекарств, навсегда осталась калекой.

Освободили нас 30 октября 1943 года советские солдаты. Мама 50 лет была инвалидом первой группы. Умерла в 1992 году. Все наше детство и юность были сплошным голодным страшным кошмаром. Отец шесть раз после побега переходил линию фронта — все искал нас — и нашел. Огромное наше ему вечное спасибо! Он был более свободным и спас нас от голодной смерти.

После освобождения Донбасса от фашистов продолжал работать на станции Попасная. До ДНЯ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ служил в железнодорожных войсках. На пенсию вышел по Списку № 2. Умер в 1980 году. Похоронены родители в г. Донецке на Мушкетовском кладбище.

Острась Эдуард Сергеевич

Родился 15 июня 1935 года.

Доцент исторического факультета

МОЕ ДЕТСТВО

Жили мы в селе Мартыновка Сумской области. Когда началась Великая Отечественная война, мне было 6 лет. Первые воспоминания о войне связаны с событиями 1941 года.

3 июля 1941 года мой отец, сельский учитель, вместе с другими колхозниками уходил на фронт. Я хорошо запомнил проводы. Жены, матери, дети прощались со своими родными.

Помню небольшой ручей, который протекал в нашем селе. Там же была плотина, у которой расположился сборный пункт. Со всех сторон в сопровождении жен и матерей шли туда мужчины. С этого июльского дня начинаются мои детские воспоминания о войне.

Когда ушли мужчины, в нашем селе уже некому было работать. А ведь оставалось большое колхозное хозяйство, много скота: коровы, быки, лошади... Осенью убирали урожай, до самих снегов и морозов копали сахарную свеклу. Работали с сентября по декабрь. Когда немцы подошли ближе, и были всего в нескольких десятках километров от нас, с амбаров, в которых хранилось зерно, сняли замки, чтобы каждый брал себе зерно, кто сколько мог. В селе все изменилось — скот угнали. Стало нелегко. Кроме зерна-то уже ничего и не оставалось.

Вскоре пришли немцы. Была осень, холодный октябрь, только выпал первый снег. Обувь у немецких солдат и офицеров была грязная, а сами они — небритые и неряшливые. Их головы были укутаны шерстяными платками.

Мальчиков всех возрастов в селе прятали от немцев, в том числе и меня. Это было связано с тем, что распространился слух, будто всех мальчишек оккупанты уничтожают. Я подолгу сидел на печи. Меня загоняли в уголок, подальше, чтоб не увидели.

Обычно, заходя в дом, немецкие солдаты, прежде всего, искали продовольствие — мясо, мед... Отбирали все, что можно было употребить в пищу. Если оставался скот, — забирали. К середине дня немцы разводили на огородах большие костры и жарили забитых свиней. При этом любили хорошо выпить.

Власть в селе была немецкая. Жители пытались как-то отстоять свои права. Кто-то подсказал, что нужно выбрать своего председателя из местных. Выбрали. Ему поручили власть в селе, но немцы вывезли его в поле и расстреляли. Через несколько дней председателем сельсовета был назначен некий Тимошенко. Насколько я мог понимать, он, как в известном фильме, был то за немцев, то за наших, и так несколько раз, пока его не расстреляли партизаны.

Зима 41-го года была лютой и очень снежной. В январе-феврале партизаны (село с трех сторон было окружено лесами) установили с местными жителями тесную связь. Партизанам пекли хлеб, меняли одежду, собирали для них необходимую информацию. Все это делалось тайно. Немцы в это время уже ушли, но назначили очередного старосту, который следил за порядком.

Постепенно в село начали возвращаться солдаты из местных жителей. Кто-то чудом избежал плен и вернулся, кто-то был ранен, кто-то инвалид. В основном они приходили с Юго-Западного фронта.

Предательницей в селе стала директор школы. Она была дочерью бывшего купца и быстро нашла общий язык с немцами. Она умела гадать на картах, предсказывала судьбу, общалась с полицаями, с которыми вместе пили, гуляли, веселились. Стали уже организовывать полицаев из местных селян. Ее сын тоже стал полицаем, ходил с винтовкой по селу, «порядок поддерживал». А в купеческом доме тем временем продолжалось веселье и гадания. Немало людей к ней шло за этим. В купеческий дом часто заезжал Стрижак — старший, который в коллективизацию был раскулачен. У них с директрисой были схожие взгляды. Стрижак играл в карты, любил играть на гитаре. Конечно же, вместе они и пили. На выпивку собирали неплохой урожай буряков, из которого гнали самогон. Пили и местные жители. Лишенные всего, всех средств на существование, они пили от безысходности.

У Стрижака был сын Петр. Он вошел в состав местной полиции. Здоровый, румяный парень, пьянствовал каждый день. У него было

большое хозяйство в то время: две большие хаты, сад, огород... Партизаны убили его. Помню, вместе с ним была убита и какая-то монашка, появившаяся в нашем селе. Вот только за что, никто не знал.

Жестоким оказалось лето 1942 года. Наряду со скотом в Германию стали угонять людей, забирали девушек и женщин.

Зимой женщины-солдатки избрали в селе нового старосту Антюхова. Он — бывший мельник, безрукий инвалид. Воспитал двух сыновей-летчиков: один — майор, другой — капитан и трех дочерей. Староста Антюхов отбирал у людей коров для отправки в Германию. Но если семья была большая — оставлял. В нашей семье было четверо детей, поэтому у нас корову не взяли.

Помню, отобрали корову у тетки Агафьи, она тогда одна жила. Это к ней в 1944 году вторым, из тех, кого ждали с войны, вернулся муж Филипп. Был ранен, ходил на костылях. Наш староста Антюхов не ладил с ними: Филипп жаловался на него в советские руководящие органы, что тот, якобы, служил немцам. Антюхова судили. Это вызвало возмущение почти у всех жителей села. Сыновья Антюхова были на фронте, а потом, после 1945 года, учились в Московской военной академии. Но, когда посадили отца, как врага народа, парней исключили из академии. О дальнейшей их судьбе я не знаю.

Подлинная трагедия случилась в нашей Мартыновке в июне 1943 года. На расстоянии 3—5-ти километров друг от друга располагались 5 сел. Вокруг были леса, в них скрывались партизаны. В один из дней немцы и полицаи ехали из нашего села в соседнее. Они были пьяны. Партизаны расстреляли их всех — 21 человека.

К вечеру 15-го июня в село вошли немецкие танки. Остановились на дорогах. Рано утром 16-го июня всех жителей Мартыновки согнали на площадь. Находясь на площади, мы видели, как немецкие солдаты пошли по селу грабить хаты, выносили все, даже ткани и посуду.

Но трагедия была в ином. Накануне в селе арестовали 16 комсомольцев — подпольщиков. Их пытали, жестоко истязали, были слышны жуткие крики. Потом вывели на улицу, и тянули мимо нас, окровавленных, избитых до полусмерти.

На этом ужасы не прекратились. Полицаи подошли к людям на площади, выбрали 12 человек, в основном мальчишек лет 9—10-ти и стариков, и отвели за церковь. Была слышна пулеметная очередь. Немцы говорили, что расстреляли их за связь с партизанами. Затем снова отобрали 12 человек, отвели за церковь, но, как выяснилось, их не убили, вернули живыми, только пугали пулеметными очередями.

А вот комсомольцев, уже в бессознательном состоянии, бросили в кузов грузовика, отвезли к мельнице и сбросили в шурф. Полицай Петр

Стрижак, который выследил их и сдал, позже сбежал с немцами. Потом от него приходили письма из Канады. Он писал в село родственникам. Боялся, что его могут посадить или казнить, если вернется. Ему ответили однозначно, если вернешься — на куски изрубим.

В тот день измученное население ожидало своей участи. Люди не знали, что с ними будут делать дальше. К вечеру пригнали крытые черным брезентом машины и стали в них «набивать» людей, не объясняя, куда повезут потом. А потом был концлагерь. Он располагался в 7-ми километрах от нас, в селе Олешня. Участок на сухом лугу был обнесен колючей проволокой. Вся наша семья попала туда.

Помню, на территории был размечен прямоугольник. По углам участка, где держали нас, на уровне 2-го этажа стояли немцы — гестапо. Все с собаками и с пулеметами. Еды не было. Единственное, что нам позволялось здесь — пить воду из колодца, который находился на территории. На второй день привезли жителей еще из четырех сел. Два села сожгли дотла за то, что местные жители были связаны с партизанами. Кто-то их сдал. Обвиняли нескольких женщин. В селах Братское и Овадивка женщин загнали в хату, забили ставни и подожгли.

Нас три дня не кормили. В селе Олешня был свой комендант. В свое время там обосновалась религиозная секта штундистов. Местный полицай охранял нас. Староста секты добился приема у коменданта, толстого немецкого капитана, и убедил его покормить людей. По его разрешению староста секты штундистов проехал по селу и собрал, что, кто мог дать на пропитание. На четвертый день запряженные в телеги коровы привезли еду. Подъезжала телега с одной стороны, а мы подходили с другой стороны колючей проволоки. Штундисты раздавали продукты через проволоку. Мне достались две картофелины. На следующий день дали по куску хлеба и миске кулеша.

Через две или три недели пребывания в концлагере нас начали разводить по экономиям (колхозам) для прополки проса и других работ. Но слухи о победе в Курской битве изменили планы немцев. Нам разрешили вернуться в село.

Село было пустое. Ни собак, ни кошек, одни полицайи с женами. Все разорено, разграблено, инвентаря никакого.

19 августа 1943 года нас освободили. На следующий день, как свидетельство восстановления советской власти, кто-то повесил вывеску «колхоз «Червоний жовтень». Через село на запад прошли немногочисленные колонны наших солдат.

Мне шел восьмой год.

Якименко Віктор Іванович

Народився 28 жовтня 1935 року.

Доцент обліково-фінансового факультету

МОЄ ВОЄННЕ ДИТИНСТВО

В моєму житті та людожерна війна була першим усвідомленим викликом долі, а в генетичній пам'яті повоєнних поколінь вона залишиться назавжди, бо ось уже третє покоління митців звертається знов і знов до тих буремних літ — пишуть романи і повісті, в театрах йдуть вистави. Війна не сходить з кіно- і телеекранів.

Про війну щоденно згадують ветерани, пам'ятаємо її і ми, діти війни. Згадувати про той жах необхідно хоча б для того, щоб нинішні покоління не дали втягти себе в подібну смертоносну круговерть недолугим політикам або «вождям».

Безперечно, дитячі враження за шість з половиною десятків років значно трансформовані і навіть міфологізовані, але найбільш пам'ятні епізоди майже без прикрас закарбувались у свідомості.

Про початок війни почув з гучномовця на майдані радгоспу ім. Артема, що на околиці Артемівська, де батьки працювали зоотехніками. Фронт наближався, напруга зростала. Батько мав евакуювати живе поголів'я корів, биків, коней своїм ходом у тил. Сім'ю забрати не міг, бо його батьки були хворі, а ми з сестрою малі. Відвіз нас п'ятьох до бабусі Уляни, маминої мами в село Чуйківку на річці Бахмутці в 20 км від Артемівська. Він запевняв нас, що в таку глухомань німці не заглянуть. Десь під Сталінградом батько здав худобу до військової частини, а сам опинився в армії. Майже чотири роки до кінця війни ми не бачились. Щоправда, після визволення Донбасу він знайшов нас, писав листи і, слава Богові, повернувся після війни живий.

Залишились в селі ми всімох у дідівській хатині й опинились на передовій — село декілька разів переходило від наших до німців і навпаки. На обрії гриміла канонада, небо вночі палахкотіло, село обстрілювали й бомбардували, зазвичай стали автоматні черги й по-свист куль. Кожного разу ми бігли до льоху, поки німці не вигнали нас остаточно. Фугасна бомба розірвалась на повітрі, вибухова хвиля знесла черепицю даху, купиці сіна, як не було.

Німці швидко з'їли всі бабусині припаси, овочі з льоху, ні з чого було щось зварити чи щось спекти. Підступав голод. Така ж доля спіткала й усіх Чуйків, бо майже всі односельці носили таке прізвище і були родичами.

На під'їзних коліях вздовж села стояли ешелони з нафтою, і наші авіатори бомбардували їх. Одного разу, коли ми, хлопчак, катались неподалік на санчатах, червонозіркові штурмовики почали заходити на ціль. Ми, знявши шапки, привітали їх. Та трапилась трагедія — дві бомби розірвались на нашому схилі. Четверо друзів загинули, багатьох було поранено. Всього ж в селі за часів окупації і після визволення, від бомб, снарядів, мін загинуло 14 підлітків і моїх однокласників. Смерть ходила по п'ятах.

Мама жила в постійній напрузі, бо німці знищували сім'ї комуністів. На щастя, односельці не видали. Згодом німці вигнали всіх із села. Два дні йшли в сорокаградусний мороз до Артемівська, аби знайти якийсь притулок, ще й тягли по глибокому снігу, збиті на скору руку дідом Семеном, санки з тяжко хворою бабою Вірою, яка незабаром померла в холодному будинку з голоду. Дід довго вибивав в окупаційній комендатурі перепустку на Полтавщину до дочки з двома дітьми; там осліп і помер влітку.

В місті якось вижили. Матері під обстрілом проникали в село, з-під снігу роздбовували мерзлу землю і приносили, закопане задалегідь збіжжя в оклунках, овочі з льохів. Декілька жінок загинули при цьому від куль патрулів, діти залишились у родичів. Вмирили найслабші й старі, їх хоронили гуртом. Хрести на цвинтарі попалили ще взимку, бо морози були люті, і знайти могили рідних весною було вже неможливо.

Німці іноді виставляли на вулиці польову кухню. Стояли величезні черги. Нам з сестрою теж випадало інколи по кухлю кандьору. Старші хлопці «промишляли» на базарі, то ж дещо діставалось і малюкам.

Пам'ятаю, як німці руйнували пам'ятник Артему біля театру — накинули міцного троса на шию і танк намагався зірвати голову, але залізобетонна конструкція не піддавалась. Танк буксував, натовп схвально реагував. Тоді німці розігнали людей й довели справу до кінця вже без свідків.

Навесні 1942 року мама знайшла роботу в одному з відділків радгоспу ім. Артема. Там німці налагодили якесь господарство, і я, в свої неповні 7 років, з сусідським Іванком працювали їздовими, вивозили воду в бочці з криниці на старому коні, щоправда, запрягати коня допомагав дідусь, бо затягти хомути не вистачало сил.

Весною виливали з нір ховрахів, на конюшні закривали ворота й ловили горобців, смажили на вогнищах, сажали з мамою якусь годину й вижили.

Визволення пройшло майже непомітно, бо бої відгриміли десь далеко за Артемівськом. Німців в селі не було, вони відступали іншими шляхами.

Восьмого вересня селом без зупинки промчалась вантажівка з солдатами і білявою дівчиною у пілотці. Ми бігли поруч, радісно й голосно вітали, а наступного дня вже пішли до школи. До речі, ще першого вересня у класі висів портрет Гітлера і засмучена вчителька відпустила нас, бо наближався фронт.

Після визволення життя стало зовсім іншим: радіо щодня підбадьорювало нас, батько знайшовся і прислав листи, запрацював наш радгосп. Ми з Іваном Пластуном працювали, як і раніш, їздовими. Зранку набирали бочку води, розвозили по господарству, потім бігли до школи. Після уроків виконували всілякі роботи за нарядом, працювали щоденно весь рік без вихідних, бо робочих рук не вистачало. Ми відчували себе дорослими, палили самокрутки з тютюном, розмовляли, як мужики, і мені навіть платили гроші. Коли ж при нагоді в обласному архіві знайшов, чудом збережені, платіжні відомості, аби довести, що ми працювали під час війни, то в них проти мого прізвища значилось замість 9 років 14, бо інакше не мали права платити зарплату. Отож ми з Іваном замість учасників трудового фронту стали просто дітьми війни, хоча в селі ще жили дві бабці, які могли б засвідчити наші трудові звитяги у повоєнні роки. На жаль, я не став займатися цим питанням, знаючи про недосконалість нашого законодавства.

Були й кумедні ситуації. Одного разу, вже після німців, ми з хлопцями знайшли схованку зброї. З автоматами та гранатами в руках демонстративно вийшли на вулицю й покрокували селом з виглядом переможців, та інвалід війни Федір, на одній нозі, наздогнав нас, роззброїв і добре відлупцював.

В кінці зазначу, що в роки війни ми, діти, дорослішали дуже швидко, допомагали сім'ям виживати, вчилися і працювали одночасно, не гнушаючись ніякої роботи. Ті незбагненні сьогодні випробування допомогли мені здолати всі наступні труднощі на досить нелегкому життєвому шляху.

Ярошенко Николай Николаевич

*Родился 8 декабря 1935 года.
Профессор, заведующий кафедрой зоологии
биологического факультета*

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941—1945 гг.

Трудно вспоминать о тех, гнетущих человеческое сознание, оккупационных днях продолжительностью год и два месяца, которые легли черной полосой на наше неокрепшее детство.

В довоенные годы деревенская молодежь из всех уголков огромной нашей Родины — Советского Союза устремилась в Донбасс на строительство новых шахт и развитие угольной промышленности. В числе деревенских девушек в 17-летнем возрасте моя мама приехала из Белгородской области в город Кадиевку (ранее Шубинка, затем Серго, Кадиевка — ныне Стаханов), на тот период это был шахтерский город с многочисленными шахтами вокруг. В одной из шахт под землей в должности плитовой работала мама. Сейчас такую специальность даже никто не помнит. Из рассказа мамы помню, что это был очень тяжелый труд,

которому мама отдала почти 10 лет. Вагонетки с углем или породой доставлялись к стволу, их нужно было направлять в клеть, чтобы поднять на-гора. Если вагонетка бурилась, т. е. сходила с рельс, тогда, упираясь спинами в вагонетку, ставили ее на рельсы. Это называлось «лимонадкой». Часто приходилось «лимонадить» забурившиеся вагонетки. Над новичками даже подшучивали: пойдя, принеси «лимонадку». Новичок, не понимая подвоха, по шахте искал «лимонадку».

Работая на шахте, мама познакомилась с молодым человеком, работающим в управлении шахты. Вскоре они поженились. Родился мальчик, которого назвали Николаем. Спустя 3 месяца после моего рождения отец бросил нашу семью. До сих пор не имею о нем никаких сведений. Осталась его фамилия и отчество как довесок на память. Я даже не помню его облика, т. к. мама уничтожила все фотографии.

До войны мама хорошо зарабатывала и заботилась о будущем своего ребенка, покупала отрезы для костюмов.

Жили мы в рабочем поселке Максимовка на окраине города ближе к городу Ирмино (ныне Теплогорск), откуда пошло стахановское движение. Дома поселка были разбросаны вокруг старого дореволюционного шахтного террикона. За поселком раскинулась степь с балками, оврагами и многочисленными шахтами — мышеловками (шахты без стволов). Рядом проходила шоссейная дорога, которая связывала Максимовку с городом Ирмино и другими городами — Голубовкой и Первомайск. Рядом с поселком до войны работали крупные шахты 6/6 бис, 8/8 бис, 36/36 бис и др.

Летом в июне 1942 года, при отступлении наших войск, шахты были взорваны. Стратегический железнодорожный узел из складов вывозил уголь, который свозили из мелких шахт.

В жаркое лето 1941 года война докатилась до нашего города и поселка. Люди засуетились, забеспокоились, интенсивно вывозился уголь, шли составы за составами. Во дворе нашего дома был длинный подвал, укрытый шпалами и землей. В начале подвала была кухня, под кухней, со стороны подвала, — сухая яма, в которую снесли все вещи и швейную машинку, которая после освобождения города от немцев, нас очень выручила. Мама на пропитание зарабатывала шитьем платьев, рубашек, брюк и другой одежды. В этой же яме мы прятались во время бомбежек железнодорожного узла.

Где-то в июле 1942 года немцы оккупировали город и поселок, предварительно сильно бомбили железнодорожный узел. Затем появились немецкие солдаты. Они обходили все дворы, забирали вещи, которые им понравятся. В подвал немцы не спускались, лишь прострочили из автоматов. Немцы расселились по домам, близко расположенным к железнодорожной станции, которая усиленно охранялась. После бомбежек нашими войсками железнодорожной насыпи немцы сгоняли местное население: женщин и подростков на ее восстановление. Люди сильно голодали. Мама часто уходила в сельскую местность Миллерово, Сватово и другие села менять вещи на муку, крупу, овощи и соль. Последняя была на вес золота. Были

случаи, когда мама возвращалась с пустыми руками, т. к. наменянные продукты отбирал внутренний враг — полицаи.

В холодную и голодную зиму 1942 года наша, пацанов, задача была добывать уголь и дрова для отопления холодных домов. Ходили группами на заброшенные шахты, отыскивали небольшие кучи угля, смешанные с породой, выбирали грудочки угля в полотняные сумки. Нашими рыцарскими доспехами были латанная-перелатанная фуфайка, подвязанная дореволюционным кашне, сапоги, валенки недетского размера, рукавицы с заплатами и кочерга для разгребания снега и породы. Зима была лютая — воробьи замерзали под крышей домов.

Однажды зимой в степной балке неожиданно завязался бой нашей конницы с немцами, бой длился до самого вечера. Утром пацаны и взрослые потянулись к месту боя, где были убиты лошади. Люди быстро растащили столь ценную на то время пищу. Мне также достался кусок конины. Вкус конины сохранился и до настоящего времени. После тяжелой зимы пришла долгожданная весна 1943 года. В ход пошли витаминизированные корма — выюнок полевой (беризка), лобода и другие травы, выливали из нор сусликов. С трудом доставали семена кукурузы, подсолнечника, фасоли, гороха, моркови, свеклы, чтобы посеять на огороде.

В период оккупации зимой ребята находили развлечения: катались на импровизированных санках и лыжах с терриконов, покрытых снегом (своеобразные «Альпы»). В летний период сооружали себе самокаты из досок и подшипников.

Примерно в августе 1943 года частыми стали перестрелки, бомбежки железнодорожного узла. Среди людей ходили слухи, что нас скоро освободят. И вот настал долгожданный сентябрь 1943 года. Со стороны Голубовки стреляли «катюши», небо было в зареве, канонада грохотала почти до самого утра. Затем поспешно, врассыпную, через дворы бежали немцы, бросая оружие. Забегали в дома, хватали различное тряпье, переодевались и скрывались в кукурузных полях. В наш двор вбежали советские воины — солдаты-автоматчики, спросили, куда побежали немцы. Мы указали, где укрывались немецкие солдаты. Потом на станцию привели много военнопленных немцев. Со стороны Голубовки, Первомайска двинулись колонны советских войск и техника: танки, машины «зисухи» и «полуторки», полевые кухни. На обочинах шоссе стояли подбитые немецкие танки, какие-то небольшие танкетки, пушки, телеги и др.

Народ, ликуя, встречал первых воинов-освободителей. Пацаны, переполненные гордостью за наших солдат, старались с ними рядыш-

ком прошагать, представляя себя тоже воинами. Как только прошли колонны, мы кидались лазать по танкам, полевым кухням, где попадались галеты, термосы — круглые ребристые банки, кто-то откручивал блестящие предметы, детали. Хлопцы постарше собирали оружие, пистолеты, гранаты, порох, тол — все, что попадалось под руку. Были случаи, когда в руках мальчишек взрывались гранаты. Затем припрятанное оружие использовалось в так называемой «войне» между поселками и городами, например, Максимовка воевала с Голубовкой и Ирмино. Такое эхо войны длилось почти до 1949—1950 годов, в результате чего погибли и остались инвалидами много мальчишек.

Зимой 1943 года на станцию в теплушках привезли много военнопленных, из них много итальянцев, легко одетых. Мы, как стайка воробьев, шастали по платформам и теплушкам, искали порох, патроны. За такие прогулки по вагонам крепко доставалось от мамы, била капитально, затем сама горько плакала и приговаривала, ну, когда же ты вырастешь. Надо отдать должное, что после таких внущений у меня срабатывал инстинкт самосохранения, и появлялась боязнь к гранатам, минам, бомбам, которых было разбросано вдоволь. Мама поставила мне задачу — вместо «байдыкуванья» заняться заготовкой угля и дров на зиму.

После освобождения Максимовки и Кадиевки 3 сентября 1943 года гулять было некогда — вокруг много разрушенных шахт. Особенно нам подходили шахты-мышеловки, где было много дров и угля; ходили на склад, таскали крупные куски угля. Началось восстановление шахт. Вдоль канатной дороги всегда просыпался уголь, случалось, что терялись доски и обаполы. Это все мы быстро подбирали и прятали в кукурузу, а в сумерках приносили домой.

Затем начались мучительные будни учебы в полуразрушенных школах: без учебников, без бумаги и других школьных принадлежностей. Пока отстраивалась школа в Максимовке, пришлось сменить несколько школ. Школы находились на большом расстоянии от дома, ходить было страшно. Все ученические доспехи состояли из полотняной сумки через плечо, чернильницы, ручки, полотняной азбуки и, в лучшем случае, листка бумаги. Не то, что в настоящее время — только учись.

Мои сверстники после окончания семилеток пошли учиться в ФЗУ, техникумы, на работу на шахты и заводы. По настоянию ныне покойной мамы, я поступил в 1952 году в зооветеринарный техникум в селе Успенка Лутугинского района Ворошиловградской области, за что я ей очень признателен.

Шабельников Виктор Ильич

Родился 22 марта 1936 года.

Профессор исторического факультета

ВОЙНА ГЛАЗАМИ РЕБЁНКА

Родился в г. Мариуполе.

В военное сентябрьское утро 1941 года город Мариуполь был встревожен. В город рота за ротой вступали, уверенные в себе, немецкие части. Хотя я ещё мало, что понимал, но уже испытывал тяжкое чувство обиды, глядя на эту массу солдат и технику. Многие солдаты и офицеры имели железные кресты на груди.

Стоявшие в городе немецкие части представлялись нам, мальчишкам, чудом организованности и деловитости. Офицерство сохраняло свою самоуверенность и высокомерие. Солдаты и офицеры расквартированных у нас немецких частей проявляли воинский энтузиазм. Помнится в связи с этим, разговор между двумя солдатами об очередной победе и обращение в нашу сторону:

«Рус — капут!». Мы уже тогда понимали, что означали эти слова.

Немцы стали по всему городу проводить телефоны для своих военных и административных целей, печатали и расклеивали свои приказы. На улицах и дорогах появилось очень много транспорта, что для нас было неожиданным. Ведь до войны мы по ним ходили почти без оглядки, а теперь двигались бесконечные вереницы машин и другой техники.

Город был переполнен. Дома и квартиры были заняты немецкими офицерами и служащими. На улицах и во дворах было необычное оживление. Повсюду стояли танки, пушки, ящики с боеприпа-

сами, другое оружие. Мы не представляли себе опасность, которой подвергались, когда, играя, пролазили под танками, стоявшими возле того или иного дома.

Помнится, как немцы гнали наших военнопленных, многие из которых были настолько истощены, что не могли идти самостоятельно. У нас, мальчишек, просили хлеба, а где его было взять, когда запасы продовольствия были практически исчерпаны. Дошло до того, что хлеба негде было взять. И все же, люди выходили на дорогу и несли для несчастных и изможденных пленных кислую капусту, яблоки, лепешки из кукурузы и отрубей, рискуя собственной жизнью. Такой гуманизм немцами всячески пресекался.

Навязывать свои порядки немцы начали сразу же. Первым делом стали арестовывать коммунистов и комсомольцев, затем принялись за уничтожение других слоёв населения. Аресты и террор носили массовый характер. Больше всех подвергались репрессиям евреи. На улицах города хватали и избивали людей, которых подозревали в том, что они были большевиками, евреями или просто недовольными новыми порядками. Помню, как отец взволнованно рассказывал дома о том, что немцы согнали еврейское население города на одну из площадей, якобы для переселения в другие места, а на самом деле, их погрузили и вывезли на машинах за город, где и расстреляли. Мародёры из числа местного населения растащили одежду несчастных людей.

Оккупанты проводили также массовые облавы, хватали молодёжь на рынках, в кинотеатрах и в других общественных местах, отправляя ещё совсем юных жителей на принудительные работы в Германию. В их числе оказалась и наша ближайшая родственница. В то время ей еще не было и 18 лет. По возвращению домой она рассказывала о тех ужасах, которые ей пришлось пережить в Германии в качестве оstarбайтера, от которых требовали рабской покорности и изнурительного труда. Многие из них погибли, а часть навсегда осталась на Западе, опасаясь репрессий.

В 1943 году пришла другая беда для жителей города. Незадолго до отступления немцев, город стала сильно бомбить советская авиация. Помню, как мы, дети, вместе с родителями и соседями прятались в подвалах домов от бомбежек. Было очень страшно, когда от разрывов бомб вздрагивала земля. У каждого из нас была одна мысль: «Хоть бы не было прямого попадания бомбы». Мы уже тогда понимали, что господству немцев приходит конец, что скоро придут наши. Однажды немецкие зенитки сбили в районе аэро-

дрома советский истребитель, и мы, мальчишки, пошли посмотреть на останки самолета. Увидев тело пилота, очень сильно переживали за нашего «ястребка». Это чувство горечи до сих пор живет в моем сердце.

Отступая, немцы стали жечь и взрывать все, что еще оставалось целым: заводы, больницы, библиотеки, школы, клубы, детсады, жилые дома. Помню, как взрывали остатки строений завода им. Ильича. Даже издалека были видны облака пыли и дыма. Но самым жутким было то, что на всех действовало особенно сильно и устрашающе, — это пожары. Помнится, как ночью горел детский сад, куда меня водили родители перед самой войной. Из окна нашего дома я с горечью наблюдал за этим страшным зрелищем. Казалось, что пожар поглощал детские радости и мечты.

Немецкие солдаты ходили по улицам с факелами, канистрами бензина и поджигали дома. Как сейчас помню, как они это делали. Под разными предложениями люди дежурили во дворах, чтобы не допустить поджигания домов. Нас, детей, выставляли вперед, чтобы хоть таким способом вызвать сочувствие и понимание всей нашей безсходности в случае потери жилья. Иногда этот психологический прием действовал. Таким образом и моим родителям удалось сохранить свое жилье от пожара.

10 сентября 1943 года в город вошли советские войска. Тысячи людей с ликованием высыпали на улицы. Многие смеялись и плакали от счастья. Всюду слышалось: «Наши пришли!» Все несли солдатам скромную домашнюю еду. Как сейчас перед глазами стоит картина — на нашей улице, с автоматами наперевес, появилась группа солдат, возможно взвод. Они искали оставших немцев. Интересен и тот факт, что группа молодых ребят, которые казались нам уже взрослыми, взялись сопровождать наших солдат для зачистки, как это мне сейчас представляется, территории от врага и тех, кто с ним сотрудничал.

К сожалению, город был сожжен и разрушен. Лучшая улица была превращена в руины. Но страшные муки и тяжелые страдания, которые пришлось всем нам пережить в оккупации, уже были позади. Мы, дети войны, были безмерно счастливы от того, что теперь уже нам не придется бояться за свою жизнь, что теперь мы можем свободно предаваться детским забавам.

Попова Раиса Семеновна

Родилась 7 мая 1936 года.

Доцент химического факультета

ДЕНЬ ПОБЕДЫ!

Начало войны наша семья: родители, брат и я встретила в Узбекистане. И сразу начались беспорядки. Русские спешно покидали работу и жилье, уезжали. Так мы оказались в Западной Сибири, в районном селении Здвинск Новосибирской области. Родители были уже в преклонном возрасте. Отец не подлежал призыву в Красную Армию. Он имел образование — 3 класса церковно-приходской школы. На действительной службе (так он ее называл) до революции он служил в муззвонде и владел нотной грамотой. Мать была вовсе неграмотной. В годы войны выживали тем, что пасли деревенское стадо, летом сажали огород. Какие там были черноземы!

В Здвинске отец из мальчишек организовал духовой оркестр, который играл на проводах на войну молодым призывникам марши «Прощание славянки», вальсы «На сопках Маньчжурии» и др. Было много горя и слез...

И вот наступил долгожданный день 9 мая 1945 года — День Победы! Мы учились в школе, когда пришла эта радостная весть. Всех детей, а мне накануне исполнилось 9 лет, освободили от занятий и отправили на митинг, где выступало районное начальство, ликовал и плакал от счастья народ. Играл духовой оркестр, ярко светило солнышко. Мы, детвора, с березовыми веточками в руках, на которых уже распускались новые листочки, приветствовали тех, кто уже вернулся с войны. На душе было светло и радостно. Таким навсегда остался в моей памяти этот незабываемый праздник.

Прохорова Алла Николаевна

Родилась 10 июля 1936 года.

*Работник управления административной
и хозяйственной работы*

ДЕТСТВО, ОПАЛЕННОЕ ВОЙНОЙ

Проспект Гурова до войны назывался улицей Скотопрогонной. На этой улице, в отличие от теперешней Щорса, до Университетской, стояло 6 домов, в одном из которых я жила. Дом наш стоял на месте третьего учебного корпуса университета.

Нет более счастливой поры, чем детство.

Но эта счастливая пора моего поколения закончилась с началом Великой Отечественной войны. Мы, дети, очень рано столкнулись со всеми трудностями того сурового времени. Наше детство сразу стало взрослым.

Я познакомилась с войной в первый день ее начала, когда папе вручили повестку явиться в военкомат. Он ушел на фронт, а я осталась с мамой и десятилетней сестрой Лилей в г. Сталино. Эвакуироваться нам не удалось, потому что не хватило места в кузове ни одного из грузовиков, на которых отправляли людей в тыл. Когда в город вошли немцы, мы увидели все ужасы войны.

До войны папа работал на станции Рутченково в конторе «Донбассжилстрой» инженером-строителем. Перед отправкой на фронт он сказал маме, чтобы мы переехали на время войны к знакомым в Рутченково, у которых был свой дом.

Именно там мы наблюдали, как немцы вступали в наш город. Шли молча, непрерывной колонной, в касках, с автоматами напе-

*С подружкой Людой Лигостаевой (справа).
На втором плане здание Сталинского пединститута
(ныне филологический факультет), 1939 год*

ревес. Это было так страшно! Даже меня, маленькую девочку, обуял смертельный ужас.

Вскоре мы вернулись домой на улицу Скотопрогонную. Город постоянно бомбили. Люди, как могли, приспосабливались. Есть было нечего. Засевали, чем было, огороды, меняли вещи, в общем, пытались как-то выжить.

По Скотопрогонной улице была проложена мостовая дорога. В войну по этой мостовой несколько раз проводили колонны наших военнопленных. Было очень холодно, но они шли, кто в шинели, а кто раздетый. Со всех сторон бежали люди, мы тоже бежали вместе со всеми вдоль колонны. Пленные протягивали руки и просили что-нибудь поесть. Люди, что могли, выносили из дома и пытались им дать. Мы с мамой и сестрой бежали вместе со всеми. Мама несла чайник с кипятком и кружку. Немцы не разрешали близко подходить к колонне. Люди стали бросать под ноги пленным, что могли. Пленные пытались поднимать брошенное им, а немцы били их прикладами.

В семье соседей, с которыми мои родители прожили более десяти лет на одной площадке, в начале войны родилась девочка Таня,

третий ребенок в семье. Эту девочку оставляли на меня, когда мама с соседкой уезжали менять вещи или обрабатывали огороды. Я ее кормила оставленным материнским молоком. Грела воду, купала эту девочку, одевала ее в кукольные одежды. У меня была большая кукла, которую мне подарил папа до войны, и одежда куклы была впопугу этому ребенку. То, как мне, пятилетней девочке, удавалось справиться с грудным ребенком, теперь удивляет.

Однажды мама с соседкой ушли на огород, сестра Лиля с соседскими детьми пасла коз, а я осталась, как всегда, с маленькой Таней. Смеркалось, началась бомбежка. Я закутала малышку в свое пальтишко и выбежала с ней из дома. Я знала, что когда бомбят, находиться в доме было опасно. Я сидела во дворе и плакала. Мне было очень страшно. Вскоре вернулась мама и Лилия с козами, и весь страх ушел.

В нашей квартире жил немец. Однажды он принес зажаренный окорок и ушел. А Лилия, как раз, притащила бродячего кота в квартиру. Каким образом пробрался кот в комнату с окороком, до сих пор загадка, но когда пришел немец, кот сидел на окороке и наслаждался едой. Немец застал кота на месте преступления. Мы услышали крик немца. Кот сумел убежать, а нам бежать было некуда. Разъяренный немец выскочил из комнаты и закричал: «Лилия! Komm her!» Побледневшая мама обняла Лилию, мы оцепенели. Я понимала, что немец мог застрелить Лилию на месте. Но, к счастью, он покричал, забрал окорок и ушел. Мы были спасены.

Когда немцы ели, запах распространялся по всей квартире. Мы, голодные, буквально теряли сознание от этого запаха. Еда нам снилась по ночам.

Вот таким было наше детство.

Нашим мамам некогда было заниматься нами, мы были предоставлены сами себе, но в то же время, четко знали свои обязанности. Без этого мы бы не выжили.

Там, где сейчас улица Университетская, в районе нашего университета проходила узкоколейка от станции Сталино. По этой узкоколейке однажды зимой подкатил состав, вагоны которого были битком набиты замерзшими трупами наших военнопленных. Они были одеты, кто во что. Многие в одном нижнем белье. Мне было очень страшно, потому что трупы были белые от мороза. Находившиеся в вагонах трупы, плотно стояли и были спаяны льдом. Их не могли оторвать от стен. Женщины подняли страшный крик, который сливался в один общий рев. В каждой семье был кто-то на фрон-

те и все пытались рассмотреть, нет ли среди трупов их родных и близких. Немцы вываливали трупы из вагонов в большие, не очень глубокие ямы, которые были выкопаны в районе перекрестка нынешней улицы Университетской и проспекта Гурова. Одна соседка пыталась прыгнуть в яму, она кричала, что, якобы, узнала своего мужа. Это был дикий ужас для всех и меня в том числе. Увиденное преследовало меня еще очень долго.

Когда в 1943 г наши войска освободили г. Сталино, все стали восстанавливать город. Сразу же начал работать трест «Донбассжилстрой», куда устроилась работать моя мама. Папа продолжал воевать. Мама шила рукавицы из брезента для рабочих строителей. Она работала дома. Шила по 15 часов подряд, а я наматывала нитки на шпульку. Мама будила меня в 4 часа утра, и все время говорила: «Наматывай быстрее». Очень хотелось спать. Это был каторжный труд для ребенка, но я никогда не жаловалась и не отказывалась выполнять эту работу. Сестра сразу пошла в школу №3, которая находилась очень далеко от дома на проспекте Дзержинского. Она вместе со своими сверстниками работала на восстановлении школы. Семиклассники подносили кирпичи на носилках.

Андрей Прохоров
Олеся в память
оконанию Вашей
Анжелики
Годины и оконча-
тельного разгрома
фашистской
силы. От крепко
любимого Папы
в сквер свиданий!
3.6.1945 г.
в воспоминаниях
Р. Ильин

Папа Прохоров Николай Федорович. Надпись на фотографии

Шел 1944 год. Война шла полным ходом. Папа был еще на фронте, а я пошла в первый класс. Вскоре я очень тяжело заболела коклюшем и, как следствие, двухстороннее воспаление легких. Температура за 40°C. Лекарств абсолютно никаких, и жизнь впроголодь. Я умирала. Мама помчалась в горздрав и на коленях стала просить лекарство. Как красноармейке ей дали одну таблетку сульфидина (жаропонижающее). Врач сказала: «Будет кризис, надежда только на организм ребенка». И таблетка тоже сыграла свою роль. Температура как-то стала понижаться и после кризиса болезнь отступила. Я осталась жива, но еще долго болела. Нужно было усиленное питание, а его не было совсем. Под конец года я пришла в школу. Сначала мы учились в здании библиотеки им. Крупской, т. к. здание школы № 2 было разрушено. В классе стояла буржуйка, в которую наша учительница Сара Ильинична подбрасывала уголь. Она посадила меня за свой стол лицом к классу, поближе к печке, и, помню, как дети с любопытством разглядывали меня. Мне стало стыдно и я разрыдалась.

Это всего лишь несколько эпизодов из моего детства.

С мамой Евдокией Тимофеевной и сестрой Лилей (справа), 1945 г.

...Моя подопечная Таня выросла, получила образование, защитила кандидатскую диссертацию и до сих пор называет меня мамкой. Я для нее осталась мамкой с самого дня ее рождения.

Папа прошел всю войну, был в Сталинградской мясорубке, дошел до Берлина. Вернулся домой, и сразу же пошел работать на свою прежнюю работу — строителем.

Мы пережили войну, послевоенную голодовку 1946—1947 гг., выросли, получили образование. Были мы уважаемыми на своей основной работе.

Самое страшное для нас, детей, — это постоянные бомбежки и непрекращающийся голод. Как это можно было перенести детям, теперь трудно даже представить, не только понять?!

...Прошли годы. Дети войны постарели, и почему-то многие оказались на «обочине».

А ведь дети войны достойны самого серьезного внимания, хотя бы за их утраченное детство.

Будзинский Феодосий Васильевич

Родился 18 июля 1936 года.

Доцент учетно-финансового факультета

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Был теплый осенний день. Сентябрь разукрасил листья деревьев багрянцем и теперь шаловливо разбрасывал у школьного порога лепестки нежных флоксов. Я невольно залюбовался группкой детей, которые кормили голубей. Те громко ворковали, доверчиво взбирались детям на плечи, усаживались на ладони и угощались. А дети радостно смеялись и были похожи на этих беззаботных, свободных птиц.

«Какие счастливые ребята», — подумал я. И вдруг сердце защемило, наполнилось печалью и тревогой. Мне вспомнилось другое детство, совсем невеселое, тяжелое, военное. Память о нем постоянно живет во мне и отзывается в сердце непроходящей болью.

Мне было всего лет пять, когда через наше село на Полесье проходили немцы. Они наступали на Киев. Их было очень много. Казалось, не будет конца этим железным каскам и тяжелым сапогам. Как огромные серые крысы они врывались в наши дома, по-хозяйски выгоняли всех нас на улицу, гогоча, зычно выкрикивая что-то. Я, совсем еще малыш, понял, что это злые люди. От бессилия закричал и вскинул свой детский кулак, как-будто хотел уничтожить их.... До сих пор не пойму, как смогла защитить меня мама от озверевшего фашиста.

И начались тяжелые дни, да что дни — длинные годы войны и послевоенной разрухи. Немцы бесчинствовали, убивали и издевались над людьми. Когда они ушли, стало легче, хотя пришла другая беда — голод. Полесская земля была пустой и холодной, потому что обраба-

тывать землю было нечем, коней отправили на фронт. Женщины и дети постарше сами впряглись в плуг. Да и бросить в истосковавшуюся по зерну землю было нечего. Мы, голодные и больные, терпеливо стояли у околицы, чтобы дожидаться подводы, в которой привозили из района скудную похлебку и полужасохшие 100 граммов хлеба.

А наша красавица — земля, как-будто ждала, что это лихолетье скоро пройдет. И снова зацветут поля и луга, до самого горизонта прорастет благодатное зерно, улыбнется тонкий молодой месяц над лесом, разольется деревенская синь над золотистым жнивьем.

В это свято верили и мы, хотя по-прежнему жили очень бедно, носили одну пару сапог на троих, читали при лучине, тяжело работали в поле. Но, главное, мы были свободны, по-детски счастливы, находили нехитрые детские забавы и развлечения в минуты отдыха.

В тяжелых испытаниях прошла и молодость. Мы, дети войны, рано становились взрослыми и мужали вместе со страной. Ее победы были и нашими успехами, ее трудности становились нашими. Каждый возведенный дом, новый завод, поднятый ввысь самолет, запущенная электростанция, заработавшая турбина — все это прошло через наше сердце, наши руки и разум. Везде пригодилась наша закалка, мужество, не по годам серьезность и мудрость. Именно наше поколение дало миру замечательных ученых, известных создателей, талантливых писателей и артистов, знаменитых педагогов. И если сложить все километры, исхоженные моими сверстниками в научных лабораториях, на строительных площадках, в глубинах земли, в школьных и университетских аудиториях, то получится дорога длиною в жизнь. И на этой дороге каждый из нас был и остается, прежде всего, человеком, независимо от того, каких производственных или научных высот мы достигли.

Проходят годы, уходят в далекое прошлое и становятся историей страшные военные годы. И как бы ни переписывали сегодня эту историю, она останется в нашем сердце и нашей памяти как подлинная история страны и целого народа, а память — как исток, как русло, как многоводная река.

Я уверен, что от истоков до устья не иссякнет народная память о тех, кто сохранил нам жизнь. И пусть во всех православных храмах в День Победы поют торжественные гимны: «Вечная память всем вождям и воинам, за Веру и Отечество на поле брани живот свой положившим».

Мы склоняем свои седые головы в благодарность тем, кто сражался за нас и за вот этих счастливых детей, при взгляде на которых становится на сердце тепло и радостно.

Новошицкий Александр Николаевич

Родился 26 июля 1936 года.

Доцент экономико-правового факультета.

СВОИХ ДЕТЕЙ ЖАЛЬЧЕ

Родился 26 июля 1936 года в Ашхабаде. Война застала меня в селе Кумары Первомайского района Одесской области. Жили на берегу речки Кодыма. Отец прятал двух коммунистов (кажется, Сидоренко и Вайсмана). Прятались они в сарае для сена. Немцы их не нашли. Когда было объявлено, что при неявке их в комендатуру будут расстреляны члены их семей, Сидоренко пошел в комендатуру. Думаю, он поступил правильно: у него было много детей. Он должен был их спасти от расстрела. Не выдержав пыток, он, видимо, сказал, что прятался у Новошицкого и, что Новошицкий об этом не знал. Иначе отца расстреляли бы.

За отцом пришли. Привел их сельский староста (фамилию забыл). Отца дома не было. Мать сказала, что не знает, куда он ушел, ее стали бить палкой, на которую натянут гофрированный шланг. Вскоре пришел отец. Староста бить мать перестал. Отца арестовали. Сидел он в здании сельсовета. Под утро, когда немцы уснули, отец сбежал. Но пошел он не домой, а в камыши. К нам опять пришли. Они заставили нас с матерью ходить по камышам и кричать, чтобы отец вышел, иначе нас расстреляют. Когда это ничего не дало, нас опять отвели в дом и предупредили: если отец сам не сдастся, нас расстреляют. Когда они ушли, мать сказала, чтобы я пошел поиграть. Я пошел, но сразу вернулся (забыл игрушку). Зайдя в дом, я увидел, что мать повесилась. Я позвал соседа Фарфурея. Он побежал к нам

так быстро, что я за ним не успевал. Когда прибежал, то увидел, что он веревку уже перерезал и пытается мать оживить. Ему это удалось. После этого я от матери не отходил до самой ночи. Ночью кто-то постучал. Я вышел и увидел бабу, страшнее бабы Яги. Это был отец. Юбку он сделал из какой-то тряпки, на голову натянул другую тряпку и т. д. Он сказал, чтобы мать вышла на Кодыму.

Уже, будучи кандидатом наук, я не мог понять, почему мы своих детей жалеем больше, чем чужих. Мне надо было найти оправдание поведения матери — хотела повеситься, оставляя 5-летнего сына на произвол судьбы во время войны, поведения Сидоренко — сам пошел признаваться, у кого прятался, наверняка зная, что расстреляют, у него было много детей.

Мне надо было найти оправдание или признать вину матери и Сидоренко. Я пошел на биофак ДонНУ, чтобы мне вразумительно объяснили, что у нас в мозгу происходит во время принятия таких решений. Там мне сказали о том, что я знал 50 лет назад: своих детей «жальче», чем чужих.

Помню, как я с матерью и другими женщинами села ходил к военным, прятаясь в камышах в 2—3 километрах от села. Женщины сказали, что принесли им еду. Вспоминаю, как они ее делили: кому достались сало и хлеб, кому — огурец и лук, кому какая-то другая еда. Какой-то офицер подошел к матери и спросил, нельзя ли у неё на время спрятаться и нельзя ли найти какую-то одежду, чтобы уйти к своим. Мать согласилась, а отец нет, поэтому мать договорилась с подругой Дорой, что он временно спрячется у нее. В том же доме жил батюшка. Как только офицер пришел к Доре и спрятался в копне соломы, батюшка его выдал. Последовал арест. К счастью, он остался жив. После войны приезжал в деревню, привез мне подарок — велосипед.

Так как деревня много раз переходила из рук в руки, оставалось много всякого оружия. Я собирал и прятал его, на всякий случай. Когда бои отошли, мы развлекались тем, что взрывали оставшиеся снаряды и гранаты. Сжигали скаты танков на резиновом ходу. Было интересно. Чудом мы оставались живыми.

Через какое-то время отца вызвали в военкомат для призыва в армию. Перед уходом отец стал учить меня, как пользоваться винтовкой и автоматом. Но через пару дней отец вернулся: на войну его не взяли по состоянию здоровья.

Когда родители развелись, мать отвезла меня к бабушке в Сталино (сейчас Донецк). Бабушка была директором кладбища. Писать и

читать она не умела. Когда она уходила на базар, в магазин, мне показывала, где разрешать копать могилы. Я эту работу выполнял. Хотя был голод, мне на кладбище жилось терпимо. За то, что я показывал, где копать могилу, люди давали еду: кто кусок хлеба, кто пряник, кто конфету. Кроме того, я ухаживал за могилками людей, похороненных раньше, и получал за это вознаграждения — деньги и продукты. Одним словом, на кладбище жить было можно. В разбомбленной школе рядом с машзаводом пряталась группа мужчин, занимавшихся, видимо, кражами и грабежами. Они меня подкармливали. Убийств и краж в то время было много. Но на убийства и на кражи я с ними не ходил, был мал ростом и возрастом, но выполнял мелкие поручения: узнать, где живет, есть ли собака, и т. д.

В с. Кумары я окончил 6 классов. Приехал в г. Сталино, поступил в 7 класс школы № 81, но преподаватель истории сказал директору, что я не умею читать. Меня вызвали к директору и попросили прочитав абзац. Я прочитав не смог, так как в деревне ходил в школу 1 или 2 раза в месяц. Был голод. В весенние и летние дни «выливал» сусликов: мясо съедали, а шкурки сдавали за деньги. Кроме того, ели траву лободу. Я до сих пор ее ненавижу, так она мне в войну надоела. Собиравать колоски после уборки урожая нельзя было: это была кража, за которую — тюрьма.

Меня 3 раза исключали из школы: 2 раза за курение и 1 — за драку. В школе учился очень «блатной» Г. Донец, которого все боялись и, который всех бил по праву сильнейшего. Но я из деревни, а потому не знал, что его надо бояться. Однажды он оповестил всю школу, что на большой перемене будет бить «хохла». Сбежалась вся школа посмотреть. Драка прошла «нормально». После драки приехала скорая помощь, его забрала, а меня — в третий раз исключили из школы. Когда я рассказал об этом отцу, он пошел к директору и меня восстановили. После этого меня никто не бил. Сработало правило: бьют того, кто позволяет себя бить. Потом судьба сводила меня с Г. Донцом еще 2 раза — в судебных процессах по привлечению его к ответственности за кражи.

Мне было только четырнадцать лет, а впереди — вся жизнь.

Авдеева Лариса Ивановна

Родилась 21 февраля 1937 года.

Доцент экономического факультета

МОИ «ПОМНЮ»

Мы с мамой жили в г. Макеевке, я там и родилась. Мои воспоминания начинаются с того, что нас, детей, собрали в погреб (а может это была просто яма во дворе), а по небу летели красные шары. Это было интересно, и мы норовили высунуться, чтобы посмотреть, что это такое. Помню, как мимо пробежал человек весь в огне и пламени, стало очень страшно. Дальше не помню.

Очень часто звучало в разговоре взрослых слово «менять». Горожане меняли все, кто, что имел ценного, на что-то съедобное у сельских жителей. Один такой эпизод я запомнила. Это было зимой, ночью. Мы шли вдоль леса, несколько женщин с детскими санками, а на них поклажа. Я шла рядом с санками, ведь на них была швейная машина. Вдруг нас освещает (как режет) луч прожектора. Бежим, плачем — дальше не помню.

В селах просились на ночлег. Мама предлагала услуги портнихи. Что пошить, или перешить, всегда требовалось. В тепле я, наверное, сразу засыпала, ведь мне тогда было чуть больше пяти лет. Спустя много лет я с восхищением вспоминала, что пускали на ночлег в свои жилища совсем чужих, с неизвестными помыслами людей, кормили, чем могли, делились. Как сильно мы изменились с тех пор.

Помню, мы с братом в нашем городском парке (он тогда был очень большим) собирали хворост для печки. Макеевка уже была оккупирована. И вдруг наткнулись на зенитку с немцами. Естествен-

но, замерли и обмерли. Но пожилой немец (так мне тогда казалось) позвал меня и протянул котелок с фасолевым супом. Я, то ли с испуга, то ли с голода, начала его пить, а он приговаривал: «Пей Маруся, пей!» Ох, какой это был вкусный суп! У меня уже живот раздулся, я хотела остаток дать брату, но немец сказал строго: «Найн!» Брат был старше меня на пять лет. Всякий раз, вспоминая этот эпизод, я думаю о том, что войну начинают эгоисты-нелюди, а погибают в ней нормальные люди, у которых, как и у этого пожилого немца, остались дома дети, а я ему напомнила о них.

Помню тревожные разговоры взрослых о том, что на площади повесили «наших». Люди на улице жили дружно. Нас, детей, оберегали, прятали, но взрывы, расстрелы детей случались все чаще.

Вспоминаю большую черную «тарелку-радио». Оно молчало, но метроном постоянно «отстукивал» время, это почему-то тревожило, держало в напряжении.

Потом из этой «тарелки» слушала передачи для детей. Нам читали сказки. Сказки учили трудолюбию, занятию рукоделием, а еще запомнила сказку, как сын падишаха, которого украли, дал о себе знать. Он соткал ковер и в узор зашифровал свое послание, которое смогли прочесть его близкие. Эту сказку я воспринимала осознанно, ведь помнила, как моя мама, умея шить, могла прокормить нас. Отсюда занятие рукоделием.

Город освободили, но война продолжалась. Трудности продолжались. Мама работала в швейной мастерской, где шила шинели и другие военные заказы. После работы мама выполняла заказы местных модниц.

Мы все много трудились. Малолетние дети, оставаясь дома одни, выполняли посильную работу. Мы же, старшие, убирали, стирали, как могли, чисто и не очень, с мылом и без, но одежда должна была пахнуть свежим. В огороде сажали свеклу, картошку. Помню восхитительный вкус сахарной свеклы, скибочки которой мы поджаривали прямо на горячих плитах.

Из «звонких» радостей, помню новый год, когда после освобождения города пошла в школу. В первом классе у нас были разновозрастные дети, от шести до девяти лет. Собрались все, кто дожил до дня открытия школы в освобожденном городе. На наш первый Новый год в освобожденном городе ученикам первых классов дали в подарок от Деда Мороза булочку из белой муки и мандаринку в яркой бумажной обертке. С булочкой все понятно было, а что делать с этим ярким шариком в кулачке, я не знала. А какая елка была —

самая лучшая в моей жизни до сих пор. Это были самые яркие, радостные события из того времени.

Потом было ликование — кончилась война. Это описать невозможно. Ликовал даже воздух. Он был так наэлектризован радостью, что, наверное, и лампочки, смогли бы светиться, если бы были подключены.

Потом начались рабочие будни. Возвращались с войны в орденах и медалях бывшие героини-солдаты, которые трудились на благо Родины, совершали трудовые подвиги.

Медовников Станислав Васильевич

Родился 21 апреля 1937 года.

Доцент филологического факультета

ЧТО Я ВИДЕЛ

Моя малая родина — небольшой город Конаково в центральной части России. От нашего дома до Волги два километра, до Калинина (Твери) — 70, до Москвы — 150. Вниз, по течению Волги — Кимры, Калязин, Углич, Ярославль. Наш городок расположился среди лесов и болот.

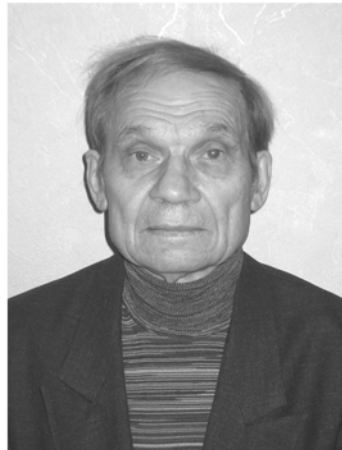
«Война» была четвёртым или пятым словом в моей памяти после таких необходимых понятий, как «мама», «папа», «хлеб», «дом», «огород».

Война не пришла внезапно: её ожидали, о ней говорили постоянно. Вся жизнь разделилась на три промежутка: совсем короткое, яркое, как вспышка, время «до», потом — война, ни начала, ни конца которой я не помню, и — долгое-долгое «после». Я и сейчас живу после войны. И не спрашивайте меня — какой!

Для предшествующего нам и нашего поколения реальна лишь одна война. Она заполнила всё пространство и оказалась равновеликой жизни, судьбе, стране, миру.

В начале лета на пустыре, напротив нашего дома, вырыли довольно глубокую яму. Плотные пласты влажного зернистого песка надолго остались в памяти. А потом поставили деревянные столбы, повесили «чашечки», ролики, провода. Чёрная воронка репродуктора заговорила и заиграла в нашем доме как раз накануне.

В первые дни после начала войны в магазинах было много продуктов, больше, чем до войны. Но это продолжалось недолго.

В раннем возрасте время не разделяется на отдельные дни и недели. Солнечное утро... Отец в новых коричневых брюках в мелкую клетку вместе с дядей Колей сидят на скамейке под яблоней и спорят, кто уйдёт первым.

Уж стало прохладно, прошли дожди, земля сделалась вязкой, мягкой. На западной окраине города мама и другие женщины копали глубокий ров — от леса до реки. Как потом выяснилось — противотанковый. А я увивался возле матери.

Раза два или три нас бомбили. Бомбы падали где-то в районе ремонтно-механического завода, за рекой. Кроме Волги в черте города были ещё две речки. От нас до завода всего метров 400—500. Жарко полыхал большой железнодорожный мост (был ещё и маленький). У этого моста были высокие деревянные перила. Они обугливались и трещали, как поленья в печке.

Прошел слух, что линия фронта проходит всего в десяти верстах от нашего города. Много позже я узнал от старшего брата, что топкие торфяные болота оказались непроходимыми для немецких танков. Но немцев в военных мундирах я всё-таки увидел — только пленных. Враг в город не вошёл.

Однако до того пришлось пережить ещё и эвакуацию. Это слово я хорошо запомнил, так же как и «затемнение», «карточки», «контузия», «тридцатка», «заём», «облигация», «дуранда», «тюря», «жмых» и другие слова из лексикона войны.

Эвакуация была недолгой и недалёкой. Мы ехали на восток в санях по ноябрьскому снегу..

Крепко закутанный во всякую одежду, я всё-таки разглядел нечастый зимний лес, танки посреди кустов, и на одном из них, прямо на башне сидел маленький (так мне показалось) танкист в чёрном шлеме. Рядом горел костёр.

Примерно месяц мы прожили в селе Ильинском, за Кирами. Спали на полу в деревенской избе, пили чай из самовара, ели картошку и капусту.

Вскоре, после того, как немцев разгромили под Москвой и отбросили аж до самого Ржева, мы вернулись домой. Дома нас ждал кот Барсик. Сам дом и дворовые постройки остались невредимыми, все вещи были целы. Вернулся и отец. Он сражался в истребительном батальоне и был отозван для ответственной работы в тылу. А дядя Андрюша и дядя Серёжа погибли.

Ещё один эпизод. Лето. Я один дома слушаю радио. Сперва тихая, спокойная музыка, а потом голос, торжественно-ровный и су-

ровый: «После тяжёлых, продолжительных боёв наши войска оставили город Ворошиловград». Это был первый украинский город, сохранившийся в моей памяти.

Война затем откатилась далеко на запад, туда, откуда она и пришла, но долго ещё в ближних, пригородных лесах мы, послевоенные мальчишки, обнаруживали её зримые следы. Мы залезали в брошенные доты и блиндажи, находили повсюду каски, гильзы от патронов и снарядов, заржавевшие винтовки и автоматы, неразорвавшиеся ручные гранаты. Иногда гремели взрывы. Война убивала и калечила уже и в мирное время.

В первом классе у нас были уроки военного дела. Наш военрук Василий Миронович учил нас построениям и ружейным приёмам на школьном дворе в метель и стужу.

Пусть война навсегда остаётся только в наших воспоминаниях, ибо на свете много интересных и стоящих дел и помимо «военного».

Вашунь Зоя Михайловна

*Родилась 7 мая 1937 года.
Старший научный сотрудник
физического факультета*

ДЕТСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЙНЕ

Родилась я 7 мая 1937 года в г. Сталино. Проживали близко от аэродрома, и война для меня началась с бомбёжек аэродрома. Зрелище страшное: небо всё чёрное от дыма, земля горит. Было море огня и непрерывные оглушительные взрывы. Так продолжалось более трёх суток. Бомбы падали и на наши дома. Нас выселили. Мы сняли квартиру вблизи железнодорожного вокзала (сейчас остановка трамвая Куинджи). Родители перевезли вещи. Осталась последняя ходка. Уложили шифоньер на тачку, на шифоньер усадили меня и поехали. Вот тут-то я и увидела первых немцев. Нас остановили, забрали шифоньер (сказали для офицера) и тачку. Дальше мы пошли пешком. Потеря сказалась острой. Тогда ездили по деревням, меняли вещи, посуду на продукты.

Только мы устроились на новом месте, начали подходить немецкие войска и расселяться «по хатам». Нам подселили офицера с денщиком. Они заняли большую комнату, а мы, 4 человека (родители, я и брат-подросток), ютились в маленькой кухне. Офицер был очень важный, надутый, как индюк, ни с кем не разговаривал. Папа и брат старались не попадаться ему на глаза. Солдат вёл себя иначе. Когда был уверен, что офицер придет поздно, включал приёмник, звал маму: «Матка, матка, Москва» и давал послушать. Так мы знали, что делается на фронте. Мужчины тайком собирались и обсуждали события. Родители старались изо всех сил, чтобы достать какие-то

продукты. На базаре буханка хлеба стоила 150 рублей. Крупа продавалась на стаканы. Мы, дети, выживали, как могли: ели зелёные «калачики», паслён, цветы акации... Спасали свекла и кукуруза. Свеклу варили, запекали в духовке. Однажды из промёрзшей картошки сделали крахмал и сварили кисель из свеклы. Кисель был очень красивый, но есть его было невозможно из-за запаха. Кукурузу жарили прямо на печке. Получались вкусные «баранцы».

Шёл 1943-й год. В мае месяце мама родила дочку. Этот маленький ребёнок почти всё время находился в погребке, в дом его заносить было нельзя. Очень редко, когда в доме не было немцев, выносили девочку на улицу. Лето приближалось к концу. Немцы засуетились, стали злые, нервные. Наши войска приближались. Уже слышна была канонада. Мужчины прятались. Мы вырыли яму в огороде, накрыли досками, сверху положили лист железа и засыпали землёй и травой. Там прятались папа с братом. Кушать им приносили только ночью. Вскоре немцы начали уезжать, точнее — «драпать». У нас была очень длинная улица, и в конце её находился их штаб (бывшая школа). Немцы почти все уехали, кое-кто собирал последние бумаги в штабе.

Был очень тёплый, ясный день и вдруг послышалась стрельба из автоматов. Это убегали последние немцы. Ехали они на мотоцикле. Один вёл мотоцикл, а другой сидел сзади и непрерывно строчил из автомата. Просто так. Несколько человек ранил.

Наступило затишье. Вдалеке были слышны отголоски боёв. Как-то рано утром раздался стук в окно и крик: «Наши, наши, идём встречать!». Быстро собрались, выскочили на улицу. Со стороны железнодорожного вокзала ехали наши танки. Все кричали «ура», плакали. Танки остановились, открылись люки и показались танкисты. А на горизонте, за спинами наших бойцов, всходило солнышко. Все обнимались, танкисты брали детей на руки, усаживали на танки. Было всеобщее ликование. Немцев быстро выгнали из города. Но они ещё «огрызались». Делали налёты, бомбили и сопротивлялись. Даже мы, дети, научились различать по звуку наши самолёты от немецких. Люди стали больше общаться, дети спокойно играть.

Как-то я отпросилась пойти поиграть к подружке на этой же улице. Встретившись, мы решили пойти к нашей общей крёстной матери. Вдруг начался налёт немецкой авиации. Все спрятались по подвалам. Бомбили где-то совсем близко. Когда всё утихло, и мы вышли на улицу, то узнали, что бомба упала во дворе дома моей подружки. Дом разбомбило. Мы все побежали туда, и я увидела, что мои

мама с папой в слезах ищут меня среди обломков. У подружки из семьи в 5 человек остался в живых только трёхлетний братик, который залез под кровать.

Месяц воинская часть стояла в городе. Всех юношей призвали в армию. Их наскоро обучали стрелять. Когда наши пошли в наступление, в первом же бою многие из них погибли. Брата ранило в руку и ногу. Он лечился в госпитале, который находился в здании школы на нашей же улице. Мы, дети-дошкольники, бегали в госпиталь и для раненых пели песни, читали стихи, танцевали.

Вскоре восстановили Путиловский завод (почтовый ящик). Родители пошли работать. Нам дали «квартиру». Это была отремонтированная комната в разбитом доме с цементными полами.

В город из освобождавшихся областей Украины приезжали на работу люди. Работы хватало: стройки, восстановление дорог, шахт. Для работы на шахтах брали даже женщин.

Жизнь налаживалась. Открывались школы, которые отапливались углём. Не было тетрадей, учебников, в наших чернильницах-непроливайках замерзали чернила, но мы учились. Было очень тяжело и голодно. За хлебом, да и вообще за продуктами, выстраивались огромные очереди. Восход солнца я часто встречала в очереди за хлебом. Но жизнь и молодость брали своё. Несмотря ни на что, жизнь была интересной, и мы были счастливы.

Боронина Надежда Николаевна

Родилась 12 мая 1937 года.

*Работник управления административной
и хозяйственной работы*

МОЕ ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Был 1941 год. Страна жила мирной жизнью. Взрослые работали, дети ходили в школу или садик. Еще ничто не предвещало грозного времени, когда на страну нападут фашисты и превратят наше детство в кошмар.

Мне исполнилось четыре года. Наша семья жила в украинском городе Красном Луче. Город был небольшой. Мама работала на одной из шахт машинисткой, а папа учился в горном институте в г. Днепропетровске. Как мне помнится, я ходила в детский сад, мне там очень нравилось.

Девочкой я была веселой, любила петь, танцевать, рассказывать стихи, которые мы учили в детском саду. Детство мое было светлым и безмятежным. Огорчал только нас, детей, соседский петух. Это был петух моей подружки. Он почему-то не любил детей. Целыми днями он сидел на заборе, высматривая нас, и стоило только появиться около забора или пройти мимо, — как он тут же слетал с него и клевал в самую макушку. Петуха мы боялись больше любой собаки. Это, наверное, было единственным моим огорчением.

И вот началась война... Папа ушел на фронт, а мы с мамой остались в оккупированном городе. Закончилось мое безмятежное веселое детство. Мне помнится, что город бомбили ежедневно. Мы с подружкой во время бомбежки прятались у нее во дворе в кустах сирени.

Маме выдали хлебные карточки. Однажды, в очередной день бомбежки, я их потеряла. Мама очень огорчилась и поехала менять вещи

на продукты. Привезла она только жмых. К тому времени я нашла карточки — они лежали в кустах сирени. Мы с подружкой их случайно нашли, когда прятались от очередной бомбежки. Моей радости не было предела. Мы с мамой были спасены.

В доме подружки поселился немецкий офицер и в коридоре постоянно находился часовой. Он часто засыпал на посту, так как было лето и стояла жара. Часовой сидел напротив двери, которая была постоянно открыта. Петух к тому времени перестал преследовать нас и начал охотиться на немецкого часового. Он терпеливо сидел в засаде, наблюдая за часовым, и только тот, засыпая ронял голову на ружье, — петух неслышно подбегал к нему, взлетал и клевал часового в голову, а затем моментально убегал и прятался. Часовой резко вскакивал, громко ругался по-немецки, но не смел, как я думаю, покинуть свое место на посту, чтобы искать петуха. За всем этим мы наблюдали, сидя в кустах сирени, и очень веселились. Это было, пожалуй, единственное время, когда нам во время оккупации было весело. Мы ценили действия петуха и, хотя сами голодали, подкармливали его.

Мы, дети, тоже пытались, по мере своих возможностей, вредить врагу. Как-то мы пошли на пустырь пасти коз. Редко у кого они в то время еще были. У нас козы не было, я пошла просто так, за компанию. По пути мы увидели, что по дороге движется колонна машин с немцами.

Из рассказов взрослых мы знали, что, если перейти кому-нибудь дорогу, то его постигнет несчастье. Мы начали перебегать дорогу перед машинами. Колонна остановилась, немец что-то закричал, раздались выстрелы. Мы забыли про коз и бросились бежать во весь дух, кто куда. Теперь я понимаю, что немцы стреляли в воздух, иначе бы я не писала сейчас свои воспоминания о моем, можно сказать, взрослом детстве. Я прибежала домой и спряталась под кровать, мне казалось, что там было безопаснее. Мама, каким-то образом, узнала о наших проделках и наказала меня ремнем очень сильно. Я была возмущена тем, что мама не оценила моего подвига, моей

Надя, 1941 г.

мести врагам, и закопала ремень в палисаднике. Мама так и не смогла найти ремень. С тех пор меня больше не наказывали. Вскоре наша жизнь резко изменилась.

Судя по погоде, это было в сентябре 1941 года. Немцы оккупировали наш город. Мама была коммунисткой, они каким-то образом узнали об этом. Маму арестовали, а заодно прихватили и меня. Нас посадили в тюрьму. В тюрьме находилось порядка десяти женщин. Камера была большой, нары располагались в два ряда, но мы все разместились внизу. Из камеры никого не выпускали. Кормили нас один раз в день, давали маленький кусочек черного хлеба и кружку кипятка. Мне тоже давали такой паек. Каким образом к зиме у меня появились теплые вещи, я не помню. Меня стали выпускать на прогулки по территории тюрьмы. Женщины говорили, что об этом просили начальство кухонные работники. Помню, что во время моих прогулок работники кухни подкармливали меня и даже передавали хлеб в камеру. Хлеб прятали под пальтишко, но так продолжалось недолго. Немцы узнали об этом и перестали выпускать меня из камеры.

Иногда в камеру заходил немец, называл фамилию и уводил женщину, больше она не возвращалась. Говорили, что их допрашивают, а потом расстреливают. Мама все боялась, когда вызовут ее, что тогда будет с Надей. Так мы просидели в тюрьме, как кажется по моим нынешним представлениям, до мая 1942 года. В мае нас почему-то выпустили. Петуха к тому времени уже не было. Подружка рассказала, что немец все-таки поймал своего «мучителя» и свернул ему шею. Они и с людьми-то так поступали, а уж с птицей и подавно.

На свободе мы были недолго, в июне маму арестовали снова. Пришел полицейский и повел нас в тюрьму на допрос, т. е. он увел на допрос маму, а она вынуждена была взять меня с собой. Мы с мамой сделали попытку скрыться в развалинах здания, мимо которого проходили, но полицейский стал стрелять в нашем направлении. И мы смирились. Думаю, мама просто боялась за мою жизнь. Привели нас в тюрьму за высоким забором из досок. Помню немца, на нем была фуражка с высокой тульей. Мне и сейчас становится не по себе, когда я вижу высокую тулью. Он задавал маме вопросы, мама отвечала. Но какие были вопросы, и что отвечала мама, я уже не помню. Еще в комнате сидела машинистка в белой шали с длинными кистями и печатала на машинке. Потом немец что-то сказал, вошел мужчина, поднял меня на руки и стал выносить из комнаты. Я громко кричала и отбивалась, как могла — ведь меня разлучали с мамой,

но он держал меня крепко. Вынес за ворота и спросил, есть ли у нас родственники в городе. Я сказала, что нет, и тогда он посоветовал мне бежать в детский сад. Дело в том, что во время оккупации работали детсады и был детдом.

Я прибежала в свой детсад. Рассказала воспитательнице, что произошло. Она взяла меня на ночь к себе, а на второй день определила в детдом. В детдоме я была самая маленькая, но меня никто не обижал. Кормили нас отрубями, запаренными кипятком. Сначала я ничего не ела и все время плакала. Воспитательница, как могла, утешала меня. Ведь это не просто так — в пять лет остаться сиротой. Иногда, очень редко, нам давали маленький кусочек хлеба. Я не ела этот хлеб, а берегла, чтобы отнести его маме в тюрьму. И что самое ценное, голодные дети ни разу не съели мой хлеб. Они знали, почему я собираю эти кусочки хлеба. Однажды старшие дети взяли меня с собой погулять за пределы детдома. Мы нашли на одном из городских мусорников гнилые дыни. Как мы пировали! Наелись досыта этих дынь, но самое удивительное, — ни у кого после такого «пира» не было проблем с животом. Воспитательницы, естественно, ничего об этом не знали. И я хорошо понимала, что не могла проболтаться и выдать своих товарищей. Скажу, что в детдоме среди нас, обездоленных детей, была настоящая дружба. Только в детдоме могли понять, помочь, в меру своих детских возможностей, и оберегать, потому что ты нуждался в этом.

И вот я отправилась на свидание с мамой в тюрьму. В заборе была дырка от выпавшего сучка. Я прокричала в эту дырку какой-то женщине на территории тюрьмы, чтобы позвали мою маму, Татьяну Семеновну. Часовой на вышке меня видел, но никак не прореагировал на мое присутствие.

Через некоторое время с той стороны забора подошла мама. Она спросила, где я живу, я ответила, что в детдоме. Мама сказала, что это очень хорошо, и еще, она надеется, что меня никто не обижает. Я спросила, как передать ей хлеб, который я принесла, но она категорически отказалась его принимать, сказала, что в этой тюрьме их кормят хорошо. Мне трудно было в это поверить, ведь я-то помнила, как кормят в тюрьме. Убедить маму взять хлеб я никак не могла. Что стало с этим хлебом — не помню. Разговор шел, конечно, через маленькую дырку в заборе. Это был последний раз, когда я видела маму в живых. Когда через неделю я пришла снова и попросила позвать маму, мне ответили, что маму перевели в другую тюрьму в г. - Макеевку.

В 1943 г. при освобождении Донбасса, немцы поспешно всех узников этой женской тюрьмы посадили в машины, отвезли на шахту и живьем сбросили в шурф, а затем опустили на них вагонетку. Так рассказывали местные жители моей тете. Отец мой погиб на фронте. Меня после войны разыскала мамина сестра и забрала из детдома. Помню, что когда в 1945 году объявили об окончании войны, я так надеялась, что мама скоро вернется. Тогда тетя скрывала от меня, что мама погибла.

И еще одно памятное событие. Когда мы шли в школу в первый класс, пленные немцы брали воду из колодца. Один немец почему-то именно меня спросил, иду ли я в первый класс, и я ответила утвердительно. Тогда он достал, вырезанный из газеты, гимн Советского Союза, подарил его мне и пожелал отличной учебы.

Трудное было у нас детство во время войны, но в памяти моей остались светлые воспоминания о детдоме, о воспитателях, которые заботились о нас, утешали и помогали нам, как могли, а иногда приносили нам что-нибудь из еды, о моих товарищах, которые сами обездоленные, опекали меня, не давали мне печалиться о маме, потому что я тогда в этом очень нуждалась.

Я знаю, эти дети выросли настоящими людьми, способными сострадать и сопереживать ближним, ведь это самые ценные человеческие качества.

Прошла целая жизнь... Теперь я говорю всем им спасибо, ведь без их участия и помощи я могла бы и не выжить в то время. Детдом многому меня научил в эти детские годы, научил ценить дружбу.

Я хочу пожелать будущим поколениям не знать слово «война», и, чтобы на всей земле спокойно спали дети.

Єнальєва Людмила Яківна

Народилася 7 листопада 1937 року.

Доцент хімічного факультету

НЕ ЗАБУТИ МИНУЛЕ

Коли розпочалась Велика Вітчизняна війна, батько мій служив у Червоній Армії, а ми з мамою жили в місті Дніпропетровську, де мешкали усі наші родичі, у селищі Діївці-1. А поряд з нашим було ще селище Діївка-2. За часів козацтва на цьому місці розташовувались перший та другий козацькі полки полковника Дієва. Звідси і назва селищ. Так говорять історики-досліджувачі. Зараз там височать житлові масиви Комунар, Червоний Камінь. Вулиця, де стояв наш дім, в якому проживали батьки мого тата — дідусь Федот та бабуся Ганна, ми з мамою, — знаходилась близько біля Дніпра. В нашому районі було розташовано багато різних підприємств.

Так склалося, що ми не встигли евакуюватись, тому опинились в окупації. На той час мені було майже чотири роки, я була малою, але в пам'яті збереглись спогади, які ніколи не забуваються.

Перші спогади пов'язані з бомбардуванням. Було дуже страшно. Особливо вночі, коли мама будить, поспіхом одягає, бере вузлик і біжить зі мною через двір, щоб сховатись у льосі. А чорне небо освітлюється перехресно прожекторами; стоїть страшений гуркіт, рев і то з одного боку, то з іншого чути вибухи. У дідуса був дуже глибокий льох, туди набивалось багато сусідів. Діти плакали, дорослі намагались їх заспокоїти і молились. Коли все стихало, дідусь вибірався наверх, потихеньку обходив подвір'я, виглядав на вулицю, а потім повертався і говорив: «Ідіть, дітки, поки що все стихло». І ми

всі вибирались на подвір'я, раділи, що залишилися живі. Але тиша теж була страшною і продовжувалась недовго...

На нашій вулиці перші німці з'явилися на мотоциклах. Гуркіт моторів, незнайома мова. Мотоциклісти зупинялись, забігали з автоматами у двори, іноді стріляли. Люди всі поховались, вулиця не наче вимерла. Потім по дорозі проїхали танки, гармати, колонами йшли солдати, цокаючи чобітьми по бруківці.

Німці квартирувались по хатах, часто виганяючи хазяїв, не дивлячись, що там були малі діти, старі люди. Сім'ї або тіснились у маленькій кімнатці, або переселялись до літньої кухні, у хлів. Окупанти встановлювали свої порядки: за найменшу провину — розстріл.

В місті почалися облави, людей відправляли до Німеччини. На щастя, маму, татову молодшу сестру і мене дідусь багато разів встигав сховати. В місті працювала підпільна організація і декілька разів уночі нас попереджували про облаву. На жаль, людину, яка це робила, вислідили і розстріляли. Одного разу ми теж потрапили під облаву: мама зі мною, татова шістнадцятирічна сестра і мамина старша сестра з двома дітьми. Зібрали нас всіх в одному місці, людей було дуже багато. Вистроїли в колону і погнали в напрямку селища Шляховка під конвоєм. Конвоїри на конях гарцюють вздовж колони. Діти плачуть, дорослі ідуть мовчки, а обличчя у них почорнілі. В одному місці дорога йшла повз поле, на якому стояли скирти зрубаної кукурудзи. Так вийшло, що на цю мить конвоїрів біля нас не було: одні були позаду колони, інші проїхали вперед. Люди з колони кинулись до скирт і старались сховатись в них. Ми теж побігли і встигли сховатись. Коли це помітили конвоїри, вони почали стріляти по скиртах, протикати їх штиками. Наша скирта мабуть була заговорена, бо ми всі лишилися живі, а зліва і справа було чути стогін, крики, плач. Надвечір, коли вже колона пройшла і була далеко, ми спустились до яру і сховались там у норі, з якої до війни люди брали глину, щоб мазати у хатах стіни. Там ми прожили майже тиждень. Надворі стояла пізня осінь, ранком з'являлись вже заморозки і було дуже холодно, але розпалити вогнище, аби зігрітись, ми боялись, щоб не видати себе. Харчувались сирою кукурудзою з початків. Одного ранку мамина сестра тітонька Килина, вибравшись з нори, побачила на краю яру чоловіка і очам своїм не повірила — це був мій дідусь. Яка то була радість! Пізніше бабуса Ганна розповідала, що коли німці нас забрали, дідусь не знаходив собі місця, а потім сказав їй: «Збери, що є в нас із харчів, я піду шукати дітей». На бабусині відмови відповів: «Прийде син з фронту, питає, де моя жінка, донька, сест-

ра?, що я йому відповім?». Зібрався і пішов. Дідусь розповідав: «Іду стежкою через поле, кручею, а стежка роздвоюється. Постою, помолюся Богу, куди ноги ступають, тою стежкою і іду». Так він нас знайшов. Додому повертатись не можна було, і вирішив нас дідусь сховати у свого товариша в селі. Йшли довго. Та, коли прийшли, побачили страшно: хати розорені, людей немає. Зайшли в уцілілу хату, там все перевернуто, подушки розірвані, кругом пір'я, посуд перебитий, все переламане, але ми дуже втомились і вирішили тут перепочити. Мама хотіла зняти з мене валянки, але мої ніжки так розпухли, що валянки зовсім не знімались. Після недовгого перепочинку дідусь нас знову повів. Вирішили сховатись у маминої мами, бабусі Секлети. Вулиця, на якій вона жила, розташована далеко від нашої вулиці і простягалась аж до залізничної станції Діївка. Вона і зараз існує під тою ж назвою. Коли ми прийшли, то у бабусі в льосі вже знаходилися кілька жінок, теж ховались від німців. Прожили ми тут декілька днів, та нас вислідили. На подвір'ї з'явилися солдати, почали виганяти усіх з льоха. Хто вийшов першим, встиг втекти, а ми вийшли останніми. Солдатів було двоє. Мама як закричить і показує на горище хати та хліва: «Партизани, партизани там». Німці кинулись туди, а ми через вулицю перебігли і городами втекли. Позаду чули постріли, думали, що бабусю вже в живих не побачимо. Коли бігли додому, по дорозі напроти школи на старій акації побачили повішеного партизана. Я не бачила його обличчя, але на все життя запам'ятались його сині ноги з понівеченими пальцями і обірвані штани... Багато років після визволення міста на цій акації висіла табличка, а біля неї завжди росли квіти.

Дніпропетровськ був визволений від німецьких окупантів у жовтні 1943 року. Були страшні бої. Дуже важко далась переправа через Дніпро. Коли з'явилися перші червоноармійці, люди вибігали назустріч, виносили їжу в кого, що було, пригощали солдатів, запитували про своїх рідних: «Дітки, ви мого синочка Васю не бачили?», «Чоловіка мого, Яшу, не бачили, чи він живий?». А солдати розуміли їх хвилювання і відповідали: «Ми їх бачили, вони живі, вони біжать там, позаду», а самі запитували, чи є тут де німці і йшли далі. Вони вселяли у людей надію про близьких, що вони живі. Це були такі радісні хвилини.

Татусева старша сестра зі своєю сім'єю жила по другу сторону Дніпра. За весь час окупації ми нічого про них не знали. Після звільнення дідусь вирішив навідатись до них. А дорога одна: на човні через Дніпро, а далі пішки. То дідусь розповідав, що коли на човні

перепливав річку, то нікуди було опускати весла, — стільки пливло по річці тіл загиблих солдат. І плавні були устелені тілами убитих...- Дорогу ціну заплатив радянський народ за визволення своєї Батьківщини.

Тато мій воював на Чорному морі, він морський десантник. Севастополь, Керч, Новоросійськ, з якого його пораненого відправили до шпиталю у Тбілісі. Після демобілізації він ще довго лікувався у шпиталі. Мав поранення у руку, ноги, на одне око зовсім не бачив. Мамин брат, мій хрещений батько, брав участь у Сталінградській битві, а потім воював у загоні Ковпака. Повернувся інвалідом. Взагалі, у нас була велика родина і всі чоловіки воювали, але живими повернулись не всі.

До школи я пішла у 1945 році. У першому класі нас було 46 учнів. Вчителька наша Олена Андріївна тільки-но закінчила одинадцятий клас нашої ж школи. Бракувало вчителів, тому при школі відкрили одинадцятий клас, де готували вчителів початкових класів. Під час переклички в класі нам задавали питання: «Батько є?», і більша частина класу відповідала: «Не прийшов з війни, загинув на фронті». З якою заздрістю діти дивились на тих, у кого батько живий і поряд, поранений, покалічений, але ж живий. Дітям, у яких не було батьків, надавали допомогу.

У 1946—1947 роках був страшний голод. Ми бачили, як на вулицях падали і вмирили люди від голоду. Ходили пухлі... Поряд з нашою школою було розташоване кладовище (тепер його немає), і ми кожного дня спостерігали з вікон школи великі захоронення людей.

Зима була дуже холодна. Багато дітей до школи не ходили, бо не було у що вдягтись. Коли я зараз показую дітям-школярам, молоді фотокартку нашого першого «В» класу середньої жіночої школи № 88 м. Дніпропетровська, деякі посміхаються і запитують: «А чому вони так одягнені, що це у них за взуття?» Але ж ми — діти війни. Наше дитинство — це роки війни, юність — це роки відбудови. Разом з батьками ми раділи кожній малесенькій збудованій хатинці, кожному відбудованому будинку, кожному заводському цеху, що знову став до роботи. Наша школа розташована на кінцевій зупинці трамвайного маршруту № 3, і коли в п'ятидесяти роки цей маршрут відновили, яке то було свято. А на території завершення цього маршруту дуже довго ще залишались сліди від окопів.

Ми, діти, допомагали дорослим, як могли. Збирали металобрухт, якого кругом було дуже багато, вибирали з розвалин цеглу, ходили з дорослими на берег Дніпра саджати деревця, де потім виріс ліс

замість вирубаного і скошеного снарядами у війну. Ми не стояли осторонь. В шкільні роки у піонерському таборі я познайомилась з дівчинкою, яка була в евакуації і під час війни у шість років разом з мамою працювала телефоністкою.

Так ми жили. Я написала частину того, що врізалось у дитячу пам'ять і пройшло зі мною через все життя.

Від всього серця я бажаю, щоб теперішнє і майбутні покоління людей не знали тих страхіть і страждань, які випали на долю дітей війни і старшого покоління, людей, що боронили свою Батьківщину від ворога у бою, працювали на перемогу у тилу, які зазнали концтаборів, які залишились на займаній території, але теж, як могли, чинили опір ворогові. Знати правду про ті роки і не забувати минуле — це обов'язок кожного покоління.

Котенко Нина Григорьевна

*Родилась 10 января 1938 года.
Заведующая учебной лабораторией
химического факультета*

ВОЙНА — ГЛАЗАМИ РЕБЕНКА!

К началу Великой Отечественной войны мне исполнилось 4,5 года. Отец до войны работал в г. Харькове на заводе «Свет Шахтера».

После эвакуации завода отец вместе с дедушкой ушел на фронт, а маму привез к бабушке в богатое и красивое село Караван, что в 60 км от Харькова. Мы никуда не уезжали, т. к. мама ждала ребенка. В июле 1942 года появилась моя сестричка. Мы жили при новой власти в течение года. Кормились продуктами, выращенными на своих огородах. Староста в селе был человеком терпимым, чего нельзя сказать о полицаях. В нашем доме оставались жить только мама, бабушка и двое детей. Новая власть нас не тревожила, разве что курей воровали со двора. Во время бомбежки прятались в погребе.

Когда г. Харьков освободили первый раз, наши родители с соседями собрались в эвакуацию: колхозные подводы, в которые впряжены были наши коровы (4 семьи — 11 детей и 7 взрослых, в т. ч. один старик), везли наш скарб и детей. По пути следования кормились молоком и тем, что оставалось от урожая на колхозных полях: помидорами, огурцами, кукурузой, а также плодами богатых колхозных садов. Доехав до Днепра, нас опять догнал фронт. Мы остановились в вишневом саду в деревне с таким же названием Вишняки. При помощи жителей села выкопали землянку и в ней мы жили все это время до окончания войны. Ели в основном молоко, благо

на полях хватало корма для наших кормилиц. И спасибо жителям села Вишняки, которые поддержали нас в то трудное время.

Об окончании войны мы узнали от местных жителей. Сразу же засобирались домой. На тех же подводах, в которые были впряжены наши кормилицы, отправились в дорогу. По дороге достать или найти еду помогали дети, которым было от 10 до 14 лет. Они бегали по бахче, заходили в заброшенные сады, бегали от хаты к хате, прося кусочек хлеба, меняли оставшуюся одежду на еду.

Запомнился случай в селе, название не помню. В доме за столом сидел старик, рядом стоял военный, наверное, в отпуске был, на кухонном столе женщина постарше лепила пироги, а молодая ей помогала. На нашу тихую просьбу: «Дайте кусочек хлеба, мы едем домой из эвакуации», — они всполошились — пироги еще не испечены. Военный ответил словами, которые я, малышка, запомнила на всю жизнь: «В чем проблема, положи в тарелку начинку и дай детям» (начинка — картошка с печенкой). Это был настоящий праздник в нашем обозе за 2 года войны. Я до сих пор вспоминаю этот дом и того военного.

Через сутки мы добрались до своего села. Все наши запасы были разворованы, хотя все было закопано в землю. Изба наша уцелела, а еду нам давал лес — орехи, яблоки, груши. Начали восстанавливать колхоз. Маму кормили в столовой раз в день, нас с сестрой кормили в школе, а 100 грамм хлеба мы приносили бабушке. Так и пережили голод, который никто не вспоминает. Главное — была Победа, которую мы встречали на площади в центре села с огромной радостью и сплошным плачем. В село с войны вернулись единицы и те — калеки.

Сотни имен наших односельчан высечены на мраморной плите сельского памятника «Воину освободителю», среди которых и имя моего отца — Грубника Григория Петровича.

Когда я бываю в своем родном селе, то первым делом иду к этому святому памятнику, чтобы возложить цветы и поклониться светлой памяти моего отца и тех, кто не вернулся с той страшной войны.

Бокова Тамара Васильевна

*Родилась 22 февраля 1938 года.
Старший инспектор ректората*

МНЕ БЫЛО ТРИ ГОДА

Я родилась в 1938 году, в городе Кулебаки Горьковской области. Мне было 3 года, когда началась война. Отец ушёл на фронт, а мама осталась с тремя детьми. Хорошо, что у нас была бабушка, которая нам много помогала.

В шесть лет я стала ходить в школу. В школе нам давали стакан молока и поклёванную булочку. Это та еда, которую не могли дать дома. В классе я была самая младшая. Когда отмечали Новый год, нам всем давал подарки Дед Мороз. В каждом подарке была ёлочная игрушка. Все из класса подарки приносили домой, потому что у каждого были сёстры и братья.

Летом часто ходили в лес за грибами и ягодами. С нами обязательно ходили учитель и ребята постарше. Грибы собирали только белые, подосиновики, подберёзовики, грузди. Ягоды — чернику, малину, землянику, ещё собирали дикий лук. Мальчишки ловили рыбу. Летом дети много помогали родителям: работали на огородах, копали, сажали картофель, морковь, помидоры.

Ежедневно слушали радио. По радио передавали фамилии погибших на войне. Мама просила нас слушать, чтобы знать, жив ли отец. Слушали, в основном, брат и сестра.

Когда выходили гулять, то все наши игры были про войну. Все хотели быть советскими разведчиками, а фашистами быть никто не хотел.

В 1945 году окончилась война. Сколько было радости и слёз!. Все ждали своих сыновей и мужей. Каждый день мы с братом бегали на станцию, чтобы встретить отца. Весной 1946 года мы бежали на станцию. Я всю дорогу говорила брату, что наш папа «жёлтый». Оказалось, что я была права. Папа заболел желтухой и приехал домой на лечение. Нашей радости не было конца.

Маме было тяжело нас всех кормить, потому что на хлеб была карточная система. Я никогда не забуду декабрь 1947 года, когда отменили карточную систему. Мы смогли покупать муку и хлеб сколько хотели.

А впереди была вся жизнь...

Пелашенко Ірина Іванівна

*Народилася 1 травня 1938 року.
Доцент факультету іноземних мов*

ПРО ПОКОЛІННЯ ДІТЕЙ ВІЙНИ КРИЗЬ ПРИЗМУ СПОГАДІВ

Запрошення взяти участь у створенні третього тому спогадів ветеранів університету викликало у мене суперечливі почуття. З одного боку — це дуже почесне доручення, а з іншого — це велика відповідальність

свідчити про цілу епоху, про ціле покоління людей, котрих називають «дітьми війни». Відразу постав сумнів, наскільки адекватними тій дійсності можуть бути спогади — свідчення дитини, якій на початку війни виповнилося лише три роки. Проте десь із глибини душі несподівано з'являється переконання: писати треба, адже ці події відбувалися на твоїх очах. Але у якій формі? І знову свідомість підказує: це, очевидно, має бути діалог двох постатей в одній особі, що уможливить поєднання образного

дитячого сприйняття з раціональною оцінкою і баченням тих подій на основі широкої і водночас неоднозначної інформації людиною з великим життєвим досвідом. У такий спосіб описувані події мають постати перед молодим читачем у більш осяжній і рельєфній формі.

Повертаючись у думках до тих далеких часів, помічаю, що образи і картини, які залишилися у пам'яті, схожі на деякі кадри з фільмів про війну. Отже, перший кадр зафіксував у моїй пам'яті таку картину: серед білого сонячного дня над нашим містечком Оріхів, що на Запоріжжі, з'явилися німецькі літаки. Вони летіли так низько, що можна було розгледіти чорні хрести і навіть постаті пілотів. Зчинився галас, лунали зойки, крики: «Німці летять, будуть бомбити

місто...». Всі кинулися ховатися. Моя родина: бабуся Анна, три сестри, бабусині доньки, які на початку війни після мобілізації чоловіків з'їхалися з різних міст до батьківської хати, і троє дітей побігли ховатися у погріб. Це була споруда неподалік від хати, добре облаштована для зберігання всіляких запасів на весь рік ще моїм дідусем Федотом разом з синами. У погріб прибігли незабаром і кілька сусідів, бо такий фундаментальний погріб був на нашій вулиці один. Двері зачинили, і всі наче заціпеніли. Але навіть за зачиненими дверима було чути вибухи, які на всіх наводили жах. За декілька хвилин, які здалися вічністю, все затихло. Хтось боязко виглянув, обережно прочинивши двері. Зрозумівши, що літаки, скинувши бомби, полетіли, всі вийшли на подвір'я і з відчаєм побачили, що сталося за лічені хвилини з містом. Хоча наша хата та й більшість інших хат уцілила, однак враження було таке, наче палає все місто, і особливо яскраво у центрі. Заклопотані дорослі не помітили, як я, мій молодший братик і двоюрідна сестричка вибігли на вулицю, а потім подалися в центр. Мабуть, незвичайна картина і проста дитяча цікавість були сильніші ніж страх, а центр знаходився неподалік. Нас вразили руїни і згарища, які ми побачили. Ще більше налякані, ми помчали додому, де нас уже розшукували перелякані мама і бабуся. Як з'ясувалося із розмов дорослих, були зруйновані всі важливі будівлі міста: міська рада, двоповерхова школа, бібліотека, будинок культури, швейна фабрика, млин та інші споруди. Очевидно, це було цілеспрямоване бомбардування.

Ще одна картина виринає із пам'яті. На світанку наступного дня німці увійшли в Оріхів, прорвавши лінію оборони з боку Гуляй-Поля, де були задіяні всі чоловіки міста і навколишніх сіл, там вони всі й полягли. Зайнявши місто, німці відразу ж почали запасатися продовольством. Оріхів за своїм укладом був скоріше селом аніж містом, тому кожна родина жила в основному з того, що вирощено на присадибній ділянці, у полі, в садку. У кожному дворі були кури, качки, гуси, свині, а у багатьох ще й корови, бо треба було виростити здоровими дітей, котрих у сім'ях було двоє-троє, а то й більше. Не оминули німці й наше подвір'я. Я бачила, як кілька солдатів забігли у двір і почали ловити курей і качок, тягли за задні ноги кабанця. Все це вони завантажили у кузов машини і поїхали, зовсім не зважаючи на голосіння та благання мами залишити хоча б щось для дітей.

У містечку військова частина затрималася недовго, дуже скоро вона посунула далі, залишивши намісників — поліцаїв із місцевого населення. А голодне і холодне містечко, жінки з дітьми та старі,

залишилися виживати. Потягнувся довгий, виснажливий військовий час. Але дитяча пам'ять чіпляється за більш приємні спогади, і на думку спадають наші дитячі розваги. Чомусь краще запам'ятався зимовий період. Зими були люті, з великими кучугурами снігу, тріскучими морозами, які вночі розмальовували примхливими візерунками шибки підсліпуватих вікон, з сильними снігопадами. Розповідали, що за ніч сніг так засипав хати, що деякі сім'ї опинилися у сніговому полоні і не могли без допомоги сусідів вибратися з хати. Проте в моїх дитячих спогадах ті зими залишилися казковими і чарівними. Отак, прокинувшись вранці, швидко поснідавши, ми втрюх вибігали на вулицю, де вже збиралися діти з нашої вулиці. Вся ватага дітлахів, взявши санчата, у кого вони були, прямувала до «плантажів». Так мешканці Оріхова називали пагорби на околиці міста. На цих пагорбах, за розповідями бабусі, колись росли розкішні сади, серед яких був і сад, який належав бабусиній родині. На родючій землі, під ласкавими сонячними променями вирівали надзвичайно смачні фрукти. Багатого врожаю вистачало на продаж, на їжу для багатодітної сім'ї бабусі, у якої було дванадцять дітей, і на заготівлю сушених, квашених різносолів, різних сортів варення. Пізніше ці сади конфіскували, вони стали нічийми, а відтак скоро щезли, і лише поодинокі дерева і кущі нагадували, що колись тут квітнули сади.

«Плантажі» приваблювали нас своїми пагорбами, з яких можна було азартно мчати на санчатах, а то й просто на якій-небудь дощечці. Тут ми почувалися безтурботними, забували про голод, холод і навіть про час. Додому ми поверталися лише тоді, коли відчували, що від морозу задерев'яніли руки і ноги, промерзли ніс і щоки. Бабуся, яка залишалася вдома на «хазяйстві», зустрічала нас докорами і неодмінним запитанням: «Де вас чорти носили?»

Притягувала нас, наче магнітом, і річка Конка, яка через Оріхів прямує до Дніпра. Там була чудова, але досить ризикована ковзанка, на якій завжди було багато дітей з усього міста і де можна було ковзатися без ковзанів. Попри всі застереження дорослих, ми наважувалися ходити і на річку. Заборона робила ці походи таємничими, хоча про цю таємницю майже відразу довідувалася мама, і мені, як старшій, діставалося за ці авантюри.

Та найбільше мені запам'яталися вечори, коли вся родина збиралася у хаті, і дорослі могли приділити увагу дітям. Довгими зимовими вечорами основним заняттям було читання і розповіді. Особливу роль у вихованні у нас любові до читання, до слова відіграла стар-

ша мамина сестра — тітка Марія. Вона закінчила класичну гімназію і вважалася в родині дуже освіченою і начитаною. З її вуст ми вивчили багато віршів, байок, балад, оповідань, вона рано навчила нас читати. Полюбили ми слухати і бабусині казки. І через роки я пам'ятаю ту особливо затишну родинну атмосферу, дух колективізму і взаємної підтримки, які панували серед дорослих і дітей. Пам'ятаю місцевість і природу. Все це стало невід'ємною частиною моєї свідомості і витоками глибокої пошани та любові до близьких, до рідного краю.

Помітивши мій потяг до читання, мама записала мене до бібліотеки. Після того, як німці розбомбили довоєнне приміщення, бібліотека знаходилася у тісній кімнатці у центрі міста. Мене мало турбувало убоге приміщення, воно здавалося мені особливим мабуть тому, що саме у цій бібліотеці для мене відкрився захоплюючий світ самостійного читання. Читала я багато, без особливого розбору і надзвичайно швидко. Бібліотекарка спочатку недовіркою поставилася до незвичайної читачки, але згодом, пересвідчившись, що я дійсно уважно читаю всі книжки, на певний час стала порадицею у виборі книг. З погляду сьогодення, читання книг, відвідування бібліотеки можна визначити як основну прикмету того часу, бо не тільки у нашій родині, але й у інших і дорослі, і діти масово читали, обговорювали прочитане, а бібліотека була улюбленим і найлюдянішим місцем. Книга була не тільки джерелом інформації, але й важливим засобом формування мисленнєвої діяльності дітей. Це я могла спостерігати на власному досвіді, бо ще у дошкільному віці навчилася слідкувати за розвитком подій і поведінкою персонажів, оцінювати і порівнювати їх, зіставляти прочитане з дійсністю, шукати відповіді на численні запитання. Книжки, поряд з родиною, визначили мої вартісні орієнтири і стереотипи поведінки.

З військових років запам'яталися ще два епізоди. Перший пов'язаний з тим, що одного дня у місті з'явилися поклеєні листівки. Прочитавши одну з тих листівок, а потім із розмов вдома я дізналася про Зою Космодем'янську і її подвиг, про що і йшлося у листівках. Ця подія сколихнула все місто, всі тільки й говорили про те, що сталося. На дитячий розум ця подія справила незабутнє враження. Героїня не здавалася мені абстрактною фігурою, вона була конкретно людиною, схожою на тих, хто мене оточує, але водночас було зрозуміло, що це особлива, неординарна людина, особистість. Її сміливість, рішучість, готовність пожертвувати життям задля інших викликали роздуми і захоплення. І коли пізніше, у старших класах,

ми писали твори про героїв війни (це була улюблена тема того часу) висловлювання на кшталт «величність подвигу»; «пожертвувати своїм життям»; «відданість Батьківщині і народу»; «вдячні нащадки вічно пам'ятатимуть, кому вони завдячують своїм життям» — не були для нас просто гарними, гучними словами і фразами. Це було переконання і типове сприйняття тих подій, сформоване під впливом особисто пережитої дійсності.

Другий епізод повертає мою пам'ять до тієї щасливої, радісної миті, коли прийшла звістка про закінчення війни. Неможливо знайти слова, щоб передати ту атмосферу радості і щастя, змішаних з болем, скорботою і відчаєм, бо майже всі жінки, ще молоді, залишилися з дітьми без чоловіків. Не повернувся з війни і мій батько. Але в ту щасливу мить усіх об'єднувала надія і упевненість у краще майбутнє.

Якщо воєнні роки збереглися у пам'яті як окремі кадри, то спогади про перший клас і повоєнні шкільні роки можна порівняти з повнометражним фільмом того часу. Я добре і в подробицях пам'ятаю той період мого життя не лише тому, що я стала дорослішою, але й тому, що моя мама, Катерина Федотівна, була вчителькою молодших класів. Школа, шкільні будні і свята стали тією стихією, у якій формувалося розуміння і бачення моєї майбутньої професії, мого місця у житті.

Згадуючи про ті роки, я низько схиляю голову перед громадянським подвигом вчительок післявоєнного періоду і, в першу чергу, перед світлою пам'яттю моєї мами. Сьогодні важко повною мірою осягнути і осмислити, як у тих жахливих умовах, коли класи розміщувалися у тісних, темних і холодних приміщеннях, розкиданих по всьому місті, коли в класах було по 45 учнів різного віку, адже в перший клас пішли одночасно діти восьмирічного віку й ті, котрі через війну не мали змоги своєчасно піти до школи, коли бракувало абсолютно всього, годі й перелічувати, їм удавалося навчити всіх читати, писати, розв'язувати задачі, навчити основ історії, географії, природознавства. Зрозуміло, що досягалося це ціною неймовірних зусиль і нестримним бажанням та прагненням виховати освічених і всебічно розвинених дітей.

Я добре пам'ятаю, як прокинувшись удосвіта, мама поспішала у свій клас, що знаходився на околиці міста, а я вирушала трохи пізніше, бо мій клас знаходився ближче до нашої домівки. Моєю першою вчителькою була мама подруга Олександра Марківна. Поверталася мама надвечір, бо після п'яти-шести уроків вона зали-

шалася у класі й допомагала виконувати домашні завдання або пояснювала матеріал тим учням, котрі не зрозуміли його на уроках, котрі з якихось причин не встигали або чий батьки не могли допомагати дітям у навчанні, чи прослідкувати за їх навчанням. Таких дітей збиралося багато і до кожного треба було знайти підхід і кожному допомогти.

Повернувшись додому, мама допомагала бабусі впоратися з домашніми турботами. А потім при світлі газової лампи (електрику і радіо провели на нашій вулиці пізніше) готувалася до наступного дня, перевіряла зошити. Я помітила, як від голоду, постійного перевантаження і клопотів змарніла мама, і мені дуже хотілося чимось допомогти їй. Уже в другому класі мама довіряла мені перевіряти зошити кращих учнів, бо знала, як уважно і прискіпливо перечитує я кожний рядок, кожний приклад і задачу. До того ж вона була впевнена, що в каліграфічно написаних роботах її відмінників майже не буває помилок.

На моїй пам'яті якість навчання учнів молодших класів жорстко контролювали інспектори з районного відділу освіти. Знання з основних дисциплін перевірялися письмово й усно, контрольні роботи складали самі перевіряючі і зміст їх був суворо засекречений. Звичайно, і вчителі, і учні хвилювалися підчас таких перевірок. Я полегшено зітхала, коли мама, повернувшись після чергової перевірки, стомлено і з гордістю повідомляла, що відмінники підтвердили п'ятірки, а решта учнів справилися з завданням, звичайно, з різним успіхом. Я поділяла мамину гордість, бо й сама знала, як нелегко було виконати всі завдання, а ще важче було підтвердити відмінні оцінки.

Співи, фізкультура, малювання не належали до основних предметів, які перевіряли й оцінювали інспектори, але до цих уроків учителі ставилися не менш відповідально. Уроки співів були фактично майстернею для підготовки програми огляду художньої самодіяльності учнів, який на першому етапі проводили серед класів, а потім кращі номери від класів, шкільний хор і солісти брали участь у районній олімпіаді, на якій визначалися переможці серед шкіл міста. Заключним етапом огляду була обласна олімпіада, на якій місто представляли кращі з кращих. Ця добре відома і на перший погляд зовсім проста система організації художнього виховання, давала вражаючі результати. Кожен учень, починаючи з молодших класів, відчував себе причетним до цього художнього дійства. А олімпіади перетворювалися на справжні свята мистецтва, на яких ніхто не за-

лишався байдужим, незалежно від своєї ролі: глядач, вболівальник, безпосередній учасник або й призер олімпіади.

Особливе місце у шкільному житті займало фізичне виховання школярів. У школі завжди вирувало жваве спортивне життя: численні секції, спортивні команди, змагання, спартакиади, підготовка і здача норм ГТО... Тут, дійсно, кожен міг знайти собі заняття до вподоби. Але любов до фізичної культури виховували ще в молодших класах, і цьому сприяла велика програма, яку здійснювали вчителі. Це не тільки уроки фізкультури, які і взимку, і навесні проводилися на свіжому повітрі і були насичені цікавими іграми, різноманітними комплексами вправ, змаганнями. Майже систематично проводилися також екскурсії, походи, просто прогулянки після уроків. І все це робили вчителі за покликом душі....

Сплили роки і десятиліття, зросли нові покоління, і вони, звичайно, інші, і це природно, але не можна не помітити, що на генетичному рівні вони успадкували все те краще, що було властиве попереднім поколінням, у тому числі й поколінню дітей війни.

Пицюга Вероника Николаевна

Родилась 26 мая 1938 года.

Ассистент химического факультета

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О МОЕМ ДЕТСТВЕ

Мой отец, Литвинов Николай Никонович, 1905 года рождения родился в г. Ленинграде. Был кадровым военным с 1926 года. 6 июля 1941 года погиб на фронте Великой Отечественной войны в г. Речице Гомельской области при отступлении войск. Отец служил командиром роты ПВО в 23 стрелковой дивизии (75 гвардейской) 117 полка. Этот полк дислоцировался до войны в Латвии на берегу Даугавы (западная Двина) в военной крепости. Наша семья до начала войны: отец, мать, десятилетний брат, я, трехлетняя, и восьмимесячная сестра жили год в крепости. Отцу разрешили эвакуировать семью за Волгу только после объявления войны. В дороге наш состав разбомбили самолеты врага, и нас пересадили в проходящий поезд. За Волгой состав разгрузили прямо на песчаном пустыре. Без документов, сгоревших в разбомбленном вагоне, в бескрайнем, казавшемся пустынным поле, оставаться умирать не хотелось, и тогда мама решила вернуться к своей матери в Курскую область, где еще не было немцев. По дороге к бабушке от голода умерла моя сестра. Мы с братом оставались живы, т. к. могли съесть какую-то корочку. Бабушка жила у старшей маминой сестры. Сюда через некоторое время приехала мамина младшая сестра с четырьмя детьми. Год жили все вместе, а потом перешли на частные квартиры. Мама продавала вещи, которые отец переправил нам багажом, это помогло не умереть от голода.

В 1946 году нам назначили пенсию за погибшего отца. Мы с братом все-таки надеялись, что папа жив, и, когда закончилась война,

еще долго ходили встречать машины, привозившие демобилизованных солдат домой. Но в район возвратилось очень мало живых. Началось трудное, очень голодное время. Люди умирали на улице. Городок был маленький, все друг друга хорошо знали, и смерть каждого была общим горем. Очень страшно было нам, детям, видеть тела умерших на крыльчке, под забором и в самых неожиданных местах. Брат не выдержал, оставил учебу в школе, поступил в ФЗУ. Ему досталось в жизни еще больше, чем мне — голод, холод, тяжелый труд. Семьи у него не было. Умер в 51 год от инсульта. Пока был дома брат, он мной занимался. Ходили на рыбалку, в лес и там собирали все, чем можно было питаться. Ели акацию, шавель, дикий чеснок и т. д.

Пошла в школу в 1946 году. Пока было тепло — еще ничего, а потом начались холода. Одеть и обуть мне было нечего, брат давал свою одежду и обувь. Пока в школу добреду — ноги мокрые, пальто волочится по воде, сама мокрая, а в школе холодно. Благодаря тому, что дети помогали друг другу (училась с детьми из детского дома), — это нас спасало. Летом, конечно, было легче. Все это время не было достаточно хлеба, света, жили по частным квартирам.

Прошлое очень тяжело вспоминать, но и забывать нельзя. Хочется, чтобы мои дети и внуки такого никогда не пережили.

Беспалов Николай Егорович

Родился 21 мая 1939 года.

Профессор, заведующий кафедрой истории славян исторического факультета

ДЕТСТВО, ОПАЛЕННОЕ ВОЙНОЙ

Родился в поселке Ахтуба Владимировского района Астраханской области.

Я из рабочей семьи. Отец, Беспалов Егор Михайлович, всю жизнь работал на железной дороге (Приволжская) путевым обходчиком. Мать, Беспалова Марфа Петровна, была домохозяйкой, хранительницей домашнего очага. Семья состояла из девяти человек — семи мальчиков и родителей. Я был самым младшим в семье.

Трудными оказались годы моего детства. Через два года началась Великая Отечественная война. Фашизм отнял у меня и моих сверстников детство. Хотя станция, где жила наша семья, не была оккупирована немецко-фашистскими захватчиками, однако ее постоянно бомбили вражеские самолеты, так как через нее потоком шли эшелоны с военной техникой и бойцами Красной Армии к Сталинграду.

В моей памяти осталось немного воспоминаний о военном времени, но глубоко врезались в сознание бомбежки, страшные взрывы бомб, истощный вой пикирующих фашистских «юнкерсов», едкий дым пожарищ. Многого забылось, но эти ужасные картины забыть нельзя. Они постоянно всплывают в моей памяти. Жители нашего поселка увидели реальную войну, реальные кровь и смерть.

Вспоминаются проводы на фронт, которые продолжались в течение всей войны. Расставание со своими отцами и родственниками,

плач матерей — все это было большим потрясением для нас, детей. На войну ушли и два моих старших брата.

Тем, кто остался в тылу, было не легче, чем на фронте. Особо хочу сказать о рабочих-железнодорожниках, к которым относился и мой отец. Они работали днем и ночью, в жару и под холодным осенним дождем, под бомбами и снарядами, потому что регулярные налеты фашистской авиации на идущие поезда разрушали железнодорожное полотно, и его срочно надо было восстанавливать. Я горжусь железнодорожниками, в том числе и своим отцом, которые мужественно переносили все трудности, работали самоотверженно, недосыпая и недоедая. Они отдавали все силы, чтобы помочь фронту.

В конце войны было разрешено фронтовикам присылать посылки домой. Хорошо помню, как и нам пришла от моего старшего брата Ивана посылка, в которой было пшено. Мама наварила каши, и нам казалось, что вкуснее этой каши ничего нет на свете.

Следующий эпизод, который всплывает в моей памяти — это возвращение фронтовиков домой. В первую очередь возвращались тяжелораненые и инвалиды. Однако вернулись далеко не все. Война многих осиротила, искалечила не только физически, но и психически. Многие в детстве потеряли отца или мать, а некоторые и вовсе остались сиротами. Вспоминаются безутешные матери, потерявшие своих сыновей. В семье нашего соседа ушли на фронт четыре сына и все погибли.

Вспоминаются жены фронтовиков, получившие похоронки и оставшиеся одни, с кучей ребятишек, их отчаянный плач и крик. С тех пор я не могу переносить женские слезы. Сразу всплывают в памяти жуткие картины военной поры, и мне становится не по себе.

В памяти остались вернувшиеся с фронта солдаты без руки, без ноги, слепые на один глаз, а некоторые и на оба глаза. С тяжелыми ранениями вернулись с фронта и мои братья: один почти глухим, другой — с обмороженными ногами, которые приносили ему страдания всю оставшуюся жизнь.

Послевоенные годы были крайне тяжелыми для нашей большой семьи. Продолжала действовать карточная система снабжения продуктами питания и промышленными товарами. Она могла обеспечить лишь наиболее низкий, полуголодный прожиточный уровень. Я хорошо помню черный, как уголь, сырой хлеб, который можно было получить по карточке, выстояв длинную очередь. Хлеб резался только в том случае, если нож предварительно опускался в ведро с водой.

Ситуация усложнилась засухой 1946 года. Поэтому первые три послевоенных года были самыми тяжелыми для нас. Прокормить многодетную семью на одну небольшую зарплату путевого обходчика было просто невозможно. Наша семья вынуждена была переехать на железнодорожный пункт «26 километр», где легче было выжить: здесь можно было вести подсобное хозяйство (огород, бахча, корова, овцы, куры). Хотя налоги в то время были очень большими, но все же кое-что оставалось и семье после их уплаты. И еще следует сказать, что в самые голодные годы нас во многом спасли суслики, которых в астраханских степях водилось превеликое множество. Мы их ловили, мясо варили и ели, шкурки за деньги сдавали заготовительным организациям (спрос на пушнину тогда был достаточно большим). Суслики помогли нам решить еще одну проблему. В первые послевоенные годы не было мыла. Поэтому мама, используя сусликов как сырье, и покупая дополнительно необходимые составляющие, сама варила мыло.

В течение нескольких лет наша семья вынуждена была жить в вырытой землянке. Зимой, когда были сильные морозы, в землянку в поисках тепла, иногда заползали змеи. Однажды среди бела дня, посреди комнаты я увидел большую змею. Хорошо, что отец был дома. На мой зов он пришел и быстро расправился с непрошенной гостьей. Затем мне долго снились змеи, якобы стремившиеся укусить меня за ногу, и я вскрикивал по ночам.

Содержание послевоенного детства было крайне обедненным. Игрушек мне, как и многим моим сверстникам, никто никогда не дарил. Играли мы тем, что находили на улице: палки, деревянные чурки, камни. Еще любили мы лазать среди груд искореженной военной техники, сгоревших машин, разбитых вагонов, цистерн, которыми была завалена территория по обе стороны железной дороги на десятки километров. Наша железная дорога в годы войны была одной из основных магистралей, по которой доставлялась военная техника к Сталинграду. Естественно, не вся техника доходила до места назначения из-за налетов фашистской авиации. И после войны прошло немало лет, пока эти горы разбитой техники и изуродованного металла были разобраны.

Говоря о содержании детства, следует сказать, что на железнодорожном пункте, где мы жили, не было ни радио, ни электричества, ни библиотеки, не было абсолютно никакого очага культуры. Зато всем членам семьи от мала до велика находилась работа: один сын помогал отцу косить сено, другой — пасти коров, третий — ухажи-

вать за бахчей и огородом. Кому-то приходилось ловить сусликов или ходить по колхозным полям и собирать пшеничные колоски, которые остались после уборки. Наша мама вертелась, буквально, как белка в колесе. Помимо большой работы, связанной с домашним хозяйством и приготовлением пищи для большой семьи, ей необходимо было шить брюки, пиджаки, косоворотки (рубашка со стоячим воротником, застегивающимся сбоку), а также стирать огромный ворох белья и одежды. Отец также не знал ни сна, ни отдыха. После основной работы на железной дороге занимался домашним хозяйством: косил и перевозил сено на телеге, в которую приходилось впрягать корову, стоговал его, что-нибудь ремонтировал, плел лапти (ходить нам было не в чем), ухаживал за живностью. Одним словом, все силы взрослых и детей направлялись на то, чтобы не умереть с голоду, выжить. И благодаря четкой организации, вовлечению в трудовую деятельность всех детей, наша семья выжила, никто не умер в голодные 1946—1947 годы.

Из других тяжелых последствий войны, которые произвели огромное воздействие на мое детское сознание, — это почти полное отсутствие мужчин в деревнях и селах, на фермах и отделениях колхозов, которые окружали наш железнодорожный пункт. Остались почти одни женщины-вдовы и девушки. Мы тогда быстро выросли, многое сами понимали, да и слышали разговоры взрослых о том, что большинству девчат не суждено выйти замуж, так как их женихи полегли на фронтах войны. Это была трагедия целого поколения. Мне было больно и обидно за них. Я еще больше возненавидел войну и фашизм, ее породивший.

Постепенно жизнь налаживалась. Государство построило для железнодорожников добротные деревянные дома, и наша семья с большой радостью справила новоселье, покинув землянку.

В 1947 г. была отменена карточная система на продукты питания. После этого каждой весной проводилось снижение государственных розничных цен на промышленные и продовольственные товары. Эти меры не только улучшали наше материальное положение, но и вселяли оптимизм, веру в лучшее будущее.

Родители стремились привить детям не только трудолюбие, но и дать образование. Но трудность состояла в том, что ближайшая школа находилась в 25 км от дома. Приходилось жить в интернате, созданном в поселке Ахтуба в основном для детей железнодорожников, которые жили на небольших станциях, разъездах и отдельных пунктах. Домой мы ездили только на выходные дни.

Следует отметить, что в то время государство заботилось о том, чтобы все дети учились в школе. Представители районного отдела народного образования специально объезжали все даже самые отдаленные пункты и деревни, выявляли детей, которые не ходили в школу, и принимали меры по их охвату школьным образованием. Многодетным семьям представлялись различные льготы. Так, например, из нашей семьи в интернате обычно находилось не менее трех детей. Однако родители оплачивали полностью проживание и питание только одного ребенка, второго — 50 %, а третий и последующие дети находились на государственном обеспечении.

Об интернате у меня сохранились самые теплые воспоминания. Дети там были трудолюбивые, любознательные, отзывчивые. С ними приятно было учиться и проводить свободное время. В интернате были хорошие воспитатели: строгие, но заботливые и доброжелательные. Они много рассказывали нам, знакомили с интересной литературой, пробуждали интерес к знаниям. Воспитывали нас на живых примерах Великой Отечественной войны патриотами советской страны, формировали образ волевого строителя будущего, бескорыстного, честного, преданного высоким идеалам, презирающего мелкое мещанское благополучие. У многих школьников уже тогда появилось желание стать летчиком или полярником, знаменитым врачом или выдающимся ученым и прославить страну своими достижениями или геройскими поступками. Это действительно была страна мечтателей, страна героев. Почти каждый школьник тогда имел благородную мечту и верил в ее осуществление. Воспитатели приводили нам сотни примеров того, как дети из рабочих и крестьян достигали выдающихся успехов, становились известными людьми не только в нашей стране, но и во всем мире. Мы гордились своей страной.

Симоненко Анатолий Ефимович

Родился 27 ноября 1939 года.

Доцент филологического факультета

ОТЕЦ

Этот очерк я начал писать довольно давно. Часть его была помещена в факультетской стенгазете 22 апреля 1985 г.

Есть слова, которые хорошо знаешь, но никогда в жизни не произносил вслух. У меня одним из таких слов, к сожалению, является слово «папа». Правда, если быть совсем точным, я все же произносил это слово, но был еще таким маленьким, что не помню — отец ушел на войну, ушел навсегда, когда мне не было еще и двух лет. Он был кадровым военным и дома бывал так мало, что тогда я чаще называл его дядей. Меня поправляли, я говорил несколько раз «папа», но тут же забывал и снова называл дядей.

Естественно думать, что отца я не помню. И все же это не так. В моей памяти сохранился такой эпизод. Я сижу на коврикe в каком-то коридорчике и «исследую» гармонь (потом я узнал, что у моего старшего брата Володи действительно была гармонь — возможно, игрушечная?). Вдруг широко распахивается входная дверь и шумно входит мужчина — прямо передо мной его сапоги. Это — папа. Но я помню только его большие сапоги, а также то, что пришел папа. Обычно мне не верят, что я мог это запомнить в свои полтора года. Но это так.

Его лицо я представляю только таким, каким оно сохранилось на немногочисленных фотографиях: только в анфас, строгое, серьезное, глаза смотрят прямо на меня...

Он не любил фотографироваться, рассказывала мама, и делал это под большим нажимом или в исключительных случаях, когда отказаться было невозможно. И как я благодарен этим случаям и тем неизвестным фотографам, которые оставили эти дорогие снимки!

Говорят, он был очень общительным, шумным, веселым, заразительно смеялся. Любил петь (самой любимой была песня «Широка страна моя родная...»), любил друзей, компанию, был очень влюбчивым. Женился в 17 лет! (Боялся, чтобы никто другой не «перехватил» маму, которая была на четыре года старше). В восемнадцать стал отцом. Спешил... Как будто знал, чувствовал, что не доживет и до тридцати. Может поэтому ни на одной фотографии он не улыбается — прямой строгий взгляд, плотно сжатые губы... И почему-то очень грустные глаза.

Сын беспросветного бедняка, он в тридцатые годы после службы в Красной Армии связал с ней остаток своей недолгой жизни. Закончил в Никополе (Днепропетровская область) — ближайшем от места рождения и детства (с. Большая Знаменка Каменско-Днепровский р-н Запорожская обл.) городе — военную школу младших командиров и был направлен на Дальний Восток. Там, в г. Бикин Хабаровского края России, вскоре после событий на Халхин-Голе, родился я.

Война застала нас в дороге, мы узнали о ней в поезде по пути в Москву — мама везла меня и старшего брата к бабушке Акулине в Украину. Часть Украины уже горела под бомбежками, и мы, не доехав до столицы, повернули назад — на Дальний Восток, к отцу.

На советско-японской границе была тишина, а там далеко черная волна гитлеровских полчищ подкатывалась все ближе к Москве. Именно поэтому большинство офицеров дивизии полковника А. П. Белобородова (позднее — генерал армии, дважды Герой Советского Союза), в которой служил мой отец, подавали рапорт за рапортом с просьбой направить их на защиту столицы. Их настойчивость увенчалась успехом — в начале осени 1941 г. 78-я стрелковая дивизия стала готовиться к срочной переброске под Москву.

Перед отправкой на фронт офицеры полка, в котором служил отец, сговорились не сообщать женам о дне отъезда. Эту дату некоторое

*Мой отец Симоненко
Ефим Петрович*

время удавалось-таки скрывать, хотя этого и не требовала обстановка. Так бы и уехали, не попрощавшись, — в эти дни офицеры жили в казармах. Но не выдержало чье-то сердце — кто-то из офицеров накануне дня отъезда дивизии к месту сбора (подразделения, приданные 78-й дивизии, стягивались к, известной из песни, станции Волочаевка, ок. Хабаровска — саперы, связисты, артиллерия и проч.) открыл секрет своей жене. Ночью об этом знали уже все женщины...

Поезд притормозил на станции рано утром. Офицеры вышли покурить — в новехоньком обмундировании, блестят и поскрипывают новые сапоги, ремни, командирские сумки... И вдруг из-за вокзальчика пестрой стайкой выпорхнули женщины — крики, плач, слезы, поцелуи... Какими скоротечными были эти украденные секунды расставания!

Отец и тут остался верен себе — рассердился: как же — кто-то не сдержал слова, выдал. Но выяснять было некогда, состав уже нетерпеливо подрагивал, оставались мгновения. «Береги детей», — повторял отец, поднимаясь в вагон. Это были его последние слова.

Так мама, благодаря случаю, проводила на войну отца, попрощалась с ним. Мы с Володей в это время крепко спали...

В ноябре 1941 года за успешное отражение натиска 252-й пехотной, 10-й танковой и моторизованной дивизий СС «Рейх» под Дедовском и Красногорском (в 40 км от Москвы) 78-я стрелковая дивизия, в которой мой отец командовал пулеметной ротой, получила звание гвардейской, 9-й гвардейской.

Затем было декабрьское контрнаступление. Немцев погнали от Москвы. 9-я гвардейская воевала хорошо. В составе 16-й армии Западного фронта она без остановок продвигалась на запад. Впереди был древний Смоленск — город-ориентир, через который проходили с Запада почти все «охотники» за Русью. Тем же путём, как правило, они бежали и назад. Но до Смоленска отец не дошёл... На пути были не только Волоколамско-Истринские успехи, освобождение многочисленных сёл и городков, но и Вяземская катастрофа, когда были расчленены и разгромлены немцами около двух наших дивизий, в составе которых было и подразделение моего отца...

С января 1942 г. мы перестали получать письма с фронта. Правда, нас (маму и двоих детей) эвакуировали в один из глухих уголков Алтайского края. Письмам было трудно нас разыскать, хотя мама, думаю, не раз писала и разыскивала отца. Мама долго успокаивала себя и нас этим... Но писем от отца больше не было никогда... Только в 2009 г. я впервые увидел документы, написанные рукой отца, его две новые фотографии и даже личную подпись (!). А еще тогда,

в 1944-м году, когда после всех тягот эвакуации, мы добрались к бабушке на недавно освобожденную Украину, на запрос мамы пришёл ответ, что отец «... пропал без вести...». Так мы с братом были причислены к «безотцовщине» (в эвакуации на местном диалекте — ещё ярче: «выковоренные», то есть «эвакуированные»). Первый запрос мамы ещё из Алтая и ответ ей у меня сохранились, привожу их ниже:

<На типографской открытке>	
☆	Гр. <u>Симоненко Н.Т.</u>
С С С Р	Для установления местонахождения тов. <u>Симоненко Е.П.</u>
Народный Комиссариат Обороны Союза ССР	сообщите на него следующие данные: полностью фамилию, имя и отчество год и место рождения, военное звание, какое военное училище окончил, в каких войсках служил (кавалерия, артиллерия, авиация и т. д.), какую занимал должность, когда прекратилась письменная связь и его подробный воинский адрес.
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАДРОВ НКО СССР	Пом. начальника отдела (ПОДПИСЬ) Зав.делопроизводством ПОДПИСЬ
Учетно-Статистическое Управление	
4-й ОТДЕЛ	
“30—“ Января—194 4 г.	
№ УСУ 4 3007	
<Вписано от руки>	
<На лицевой стороне открытки — в основном написано от руки>:	
Куда Алтайский край Егорьевский р-н с. Сросты Кому Симоненко Нине Т.	
<u>Из более поздней переписки:</u>	
№ УСУ 4 УЧЕТНО-СТАТИСТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ	
Штамп: Министерство обороны Союза ССР ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАДРОВ	
(Написано от руки) Вх № 58 22.04.83 г.	
На Ваш запрос сообщая, что по учетным документам Главного управления кадров значится командир стрелкового батальона 131 стрелкового полка 9 гвардейской стрелковой дивизии старший лейтенант СИМОНЕНКО Ефим Петрович, пропал без вести в марте 1942 г.	
Других сведений о его судьбе в Главном управлении кадров не имеется.	
НАЧАЛЬНИК 2 ОТДЕЛА 4 УПРАВЛЕНИЯ ГУК ПОЛКОВНИК (Подпись) ПРОКОПЬЕВ	

Как же это случилось? КАК?

С начала 80-х годов поисками обстоятельств и места гибели отца занялся мой старший родной брат Владимир Ефимович, который пошёл другим путём — выйдя на военную пенсию, а значит — получив достаточно свободного времени, он стал налаживать переписку с оставшимися в живых однополчанами отца. Вот что я прочитал в письмах однополчан и в некоторых официальных документах позднее:

ЛЕНИНСКО-СНЕГИРЕВСКИЙ НАРОДНЫЙ МУЗЕЙ БОЕВОЙ И ТРУДОВОЙ СЛАВЫ Истринского района	НАЧАЛЬНИКУ ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ КАДРОВ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
143590 п.о. Снегири, Московской обл.	103160, г Москва, К-160
Исх. № 37	
«27» февраля 1983 г.	
Совет музея просит сообщить о месте гибели и захоронения старшего лейтенанта командира пулеметной роты 131 стрелкового полка 78 (9 гв.) стрелковой дивизии СИМОНЕНКО ЕФИМА ПЕТРОВИЧА, 1912 года рождения, уроженца с. Ильинка Каменского р-на Запорожского округа /ныне с. Ильинка Каменско-Днепровского р-на Запорожской обл./, <u>призванного в армию Каменским райвоенкоматом примерно в 1937 г. После окончания курсов командиров в г. Никополе Днепропетровской обл. в звании мл. лейтенанта был направлен на Дальний Восток.</u>	
Защищал Москву на истринской земле. Связь с семьей прекратилась в марте м-це 1942 г.	
Директор музея	(Подпись) С. Гришаев
<i>Штамп:</i> Министерство обороны Союза ССР ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАДРОВ (Написано от руки) Вх № 58 22.04.83 г.	
На Ваш запрос сообщая, что по учетным документам Главного управления кадров значится <u>командир стрелкового батальона 131 стрелкового полка 9 гвардейской стрелковой дивизии старший лейтенант СИМОНЕНКО Ефим Петрович, пропал без вести в марте 1942 г.</u>	
Других сведений о его судьбе в Главном управлении кадров не имеется.	
НАЧАЛЬНИК 2 ОТДЕЛА 4 УПРАВЛЕНИЯ ГУК ПОЛКОВНИК (Подпись) ПРОКОПЬЕВ	

Штамп: Министерство обороны Союза ССР

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАДРОВ

(Написано от руки) Вх № 58

22.04.83 г.

На Ваш запрос сообщая, что по учетным документам Главного управления кадров значится командир стрелкового батальона 131 стрелкового полка 9 гвардейской стрелковой дивизии старший лейтенант СИМОНЕНКО Ефим Петрович, пропал без вести в марте 1942 г.

Других сведений о его судьбе в Главном управлении кадров не имеется.

НАЧАЛЬНИК 2 ОТДЕЛА 4 УПРАВЛЕНИЯ ГУК

ПОЛКОВНИК (Подпись) ПРОКОПЬЕВ

«14» апреля 1983 г.

25.04.83 г. ЛЕНИНО–СНЕГИРЕВСКИЙ <на конверте>

НАРОДНЫЙ МУЗЕЙ БОЕВОЙ СЛАВЫ

143590, п/о Снегири

Истринского района, Московской обл.

УВАЖАЕМЫЙ ВЛАДИМИР ЕФИМОВИЧ! <Рукопись>

Посылаю Вам ответ ГУК на запрос музея о Вашем отце — Ефиме Петровиче Симоненко — Он не утешит Вас, но другого нет. А сколько таких примеров встречалось нам за 16 лет работы музея! И больше всего это было в первый год войны.

Может быть, что-то другое ответят Вам однополчане Ефима Петровича, знавшие его. Вы, наверное, писали им по нашим адресам?

Желаю Вам мужественно и стойко пережить потерю самого близкого человека.

Поздравляю от имени Совета музея с майскими праздниками. Желаем Вам и Вашей семье здоровья, успехов и всякого благополучия в жизни.

С уважением

А. Н. Антонова

220033, Минск-33, ул. Судмалиса, 26—20, ВЕЛИЧКО И. М. (на конверте)

Уважаемый Владимир Ефимович, здравствуйте!

Я получил Ваше письмо. Сразу же оговорюсь, что чего-либо утешительного я Вам не сообщу. Отца Вашего я знал очень и очень мало, так как мы с ним были в разных подразделениях, но в боях приходилось встречаться. Постараюсь вкратце обрисовать обстановку того времени, сложившуюся на участке боев 31 гв сп.

В феврале м-це 1942 г. нашу дивизию (9 гв) вывели из состава 16 армии и срочно преобразовали в направлении г. Вязьма, в состав 33-й армии, которая прорвалась далеко в глубь немецкой обороны (до 70 км в глубину и 6—8 км в ширину). И вот наша дивизия в полном составе должна была войти в этот коридор. Где-то во второй половине февраля дивизия двинулась в путь вдоль фронта в этот прорыв.

Зима в это время была снежная, даже очень снежная, морозы достигали до — 40. 31-й сп первым подошел к этому «коридору» и схода был брошен в бой. **Мы прошли деревни Пинашенские хутора, Белый камень и взяли направление на дер. Захарово. Деревня эта была большая, сильно укреплена немцами потому, что она находилась на высотах, над рокадной дорогой Гжатск-Юхнов. Завязались ожесточенные бои. В дальнейшем полк был расчленен противником, и батальоны попали в окружение, из которого потом выходили до конца февраля небольшими группами. Впоследствии, несмотря на упорные бои, Захарово было взято.**

Да, перед дер. Захарово протекает р. Дежна и была небольшая дер. Замытское (на карте обозначалось — село Замытское).

Затем дивизия почти до середины апреля вела бои в междуречье Угры и Воры. На каком именно направлении был 31 гв СП, я, к сожалению, уже не помню. В начале марта я выбыл из дивизии, и после излечения в ее состав не попал. И после войны никого не встречал, т. к. дивизия была переброшена на Восток, участвовала в войне с Японией, а после была расформирована.

Вам я описал пункты боев с тем, чтобы Вы написали письмо в **Вяземский РК ЛКСМ**, я точно не знаю, эти деревни Вяземского ли района, и попросить их, чтобы они дали бы Вам адреса школ этих деревень, возможно, школьные Красные следопыты что-либо знают, возможно, есть братские могилы. Ведь не исключена возможность, что сбор и захоронение трупов павших бойцов и командиров был организован весной, когда сошел снег, а снег был очень глубокий и каждый день были снежные метели. Возможно, что-либо и прояснится. Вам же, к большому моему сожалению, сообщить ничего больше не могу.

123103, Москва, Д-103, Глаголева, 25—1-123, М. [БРОННИКОВ] — на конверте и в письме.

Здравствуйте, Владимир Ефимович!

Получил Ваше письмо с просьбой рассказать о вашем отце Ефиме Петровиче, который служил в 131 стр. полку командиром пулеметной роты — это на фронте.

Прошло уже более 40 лет с того времени, когда два батальона 131 сп (31-го сп) под Вязьмой были отрезаны от полка и остались в окружении противника.

Выходили из окружения группами солдаты и офицеры, но их фамилии не запомнились, но по данным архива у меня сохранились некоторые их имена: Вот, например [зачеркнуто: командир роты] Зайцев Иван Степанович, был он тогда старшим сержантом. Проживает сейчас в г. Биробиджан, ул. Шалом-Алейхема, д. 46 кв 4.

Они вышли с политруком роты Крикуном Василием Прокофеевичем, он был [жив] в 1944 году, учился на курсах при Академии Ленина, и рассказал о том, как они воевали в окружении и как выходили из окружения. Данных о нем у меня нет, жив ли он, я не знаю. **Части, окруженные врагом, вели жестокие бои в районе, главным образом — около населенного пункта Замыцкое — Темкинский район Смоленской обл.**

В архиве сохранилась такая запись: «В деревне Замыцкое, где находился наш (2-й 3-й) батальон, к переднему краю нашей обороны подошел немецкий офицер и солдаты, замаскированные под женщин, и на русском языке заявили: не стреляйте, мы свои, и когда несколько наших бойцов вышли им навстречу, чтобы убедиться в этом, то они открыли по нашим огонь из автоматов. Был убит командир 2-й роты 131 сп и один боец. К сожалению, фамилии нет. Мне кажется, что **командиром 2 пулеметной роты, по рассказу тов. Смолина Н. П., был именно тов. Симоненко Е. П.,** но утверждать не могу.

Я сообщу еще некоторые фамилии товарищей, которые находились в это время в окружении под Вязьмой.

1. Быстрых Федор Степанович 131 сп 420066 г. Казань, ул. Короленко, д. 19, кв. 75.

2. Панов Александр Григорьевич 131 сп. 330001. Запорожье, ул. Победы — 38, кв. 3.

3. Солопенко Михаил Ефимович 131 сп. г. Белая Церковь Киевской обл. 1-й Замковый пер. д 5, кв. 2.

4. Луниц Михаил Александрович 131 сп, 307012 п/о Камышин, Курский р-н, Курская обл.

5. Мищенко Евгений Сергеевич, бывший командир саперной роты 89 саперного батальона. Они были в том же районе, где сражались бойцы 131 стр. полка. Эти адреса я даю Вам; может что-нибудь они и знают о тех событиях и в том числе и о Вашем отце.

Вот все, что я смог выяснить, как видите, не смог ответить о главном — об отце вашем.

Извините, что я не смог вам помочь, но если еще найдутся люди, которые были там, я Вам дополнительно сообщу.

До свидания, с уважением к Вам

М. Бронников /Подпись/

24.01.83 г.

Обнимаю и разделяю с Вами вашу горечь утраты дорогого человека — отца, и горше то, что — «пропал без вести». Такова судьба моего брата, тоже офицера, пропавшего без вести в августе 1941 г. где-то на Новгородском направлении. Он до войны служил в Двинске (Латвия). И мои поиски не увенчались успехом. Не обидьтесь на меня за это письмо. Будьте здоровы. Большой привет вашей семье. С уваж. к Вам — Ив. Ив. Величко.

26/XI. 82 г. г. Минск. Подпись.

P. S. Если что-либо Вас будет интересовать, пишите, спрашивайте, не стесняйтесь.

256400 Киевская обл. г. Белая Церковь, 1-й Замковый переулочок, дом 5, кв. 2

СОЛОПЕНКО Михаил Ефимович (на конверте)

23. XI.1982

Многоуважаемый Володя! Получив твое письмо, на которое немедля даю ответ, хотя сильно расстроился, тем, что не могу помочь в этом сложном вопросе. Но может быть, хотя и то, что я опишу вкратце, окажет какую-либо помощь в розыске твоего дорогого отца, а моего однополчанина, которого я так и не знал.

В сентябре 1941 года в составе 131 с. п. в качестве военветфельдшера я был направлен с Хабаровска в бой под Москву. Стало быть, твой отец тоже (как жаль, что незнакомы мы были).

Как тебе известно, мы там стали гвардейцами, но части были сильно потрепаны и нас направили в г. Рузу на отдых (это было перед новым 1942 г.). Но вскоре без отдыха и формирования оставшихся направили под г. Вязьму. Не дойдя до неё, «коридор», по которому

мы двигались, немец замкнул. Мы, т. о., оказались в окружении, где уже в составе 33-й армии находились до выхода, т. е. до апреля 1942 г.

Ты пишешь, что отец пропал без вести в марте 1942. Так вот мы как раз в это время и были в том «коридоре». Я лишь после войны узнал, что мы, находясь в этом коридоре январь, февраль и март, отвлекали немцев на себя для защиты Москвы.

Находясь в этих условиях под Вязьмой, мы голодали, все запасы вышли, население-то [е] ще объели. С самолетов сбрасывали боеприпасы, часть их попадала к немцам. Набралось много больных и раненых (я болел тифом). Ели лошадей и т. п. А начальство все обещало, что скоро прорвем кольцо и соединимся со своими. И так дотянули нас до апреля 42 г. И вот в начале апреля по команде «Все, кто может передвигаться, — вперед на соединение со своими». Раненых и больных погрузили на санки, накрыли их попонами. Лошади удерживались ездовыми до команды «Вперед»! Но так этой команды и не поступило. Нас при выходе разбили, а раненые на санках так и остались. Конечно, они все погибли. Я был контужен в лесу (при артобстреле немцами), [я] прятался под дерево [м] и сбитой веткой меня ошарашило так, что я очутился в плену. (Потом отошел 42 г.). Володя! В плену я был с 11 апреля по сентябрь 1943 г. И смотри: твой отец пропал без вести в марте, т. е. в то время, когда мы были в окружении. С плена я бежал в партизаны, где был подрывником. И частично отомстил гадам за пережитое мной и твоим отцом. Но мало. Где это все происходило? Под Вязьмой, Смоленская обл., г. Сычевка. Всех пленных свозили к церкви (апрель — холодно, в церкви еще холодней). Туда привезли немцы и труп Командующего 33 армией, в составе которой мы прорывали кольцо. Он сам себя расстрелял. Сейчас (немцы разрешили) в Сычевке сооружен ему памятник. Мы его на носилках в его шинели так и похоронили на территории, что возле церкви, с надписью на фанерке (...). Вот чем кончился наш прорыв на реке Угра под Сычевкой. Часть пошли вплавь ч/з Угру и её расстреливал немец с [к (... оторван уголок...)].

Дорогой Володя! Нужно, очевидно, написать в их местную газету о твоем отце. Возможно, что прояснится.

Кроме того, обратись к нашему однополчанину, к-ру саперной роты (судьба аналогична) по адресу: **330000 Запорожье ул. Победы дом 38, кв. 3 Панов Александр Григорьевич.**

Прилагаю адреса однополчан, и с ними советую связаться.

Вот все, что я смогу, мой друг, тебе описать, посоветовать и помочь. Прошу, напиши мне хоть маленькие штрихи в розыске.

Желаю крепкого здоровья, счастья, успехов в работе и благополучия тебе и твоим близким и родным.

Пусть будет мир на Земле. Пиши. Жду. Дом. адрес, инициалы: М. Е.

Моск. обл. г. Химки-6 <на конверте>

Библиотечная, 18, кв. 12

СМОЛИНУ Н. П.

5. XII.1982 г.

Уважаемый Владимир Ефимович!

Здравствуйте!!

Получил Ваше письмо и, конечно, читал я его не без волнения; приятно то, что, хотя прошло уже больше 40 лет после героической смерти Вашего отца, а нашего боевого друга Ефима Петровича, <но> Вы свято храните о нем светлую память и, видимо, можно думать и надеяться, что, уходя от нас, Ефим Петрович воспитал и оставил достойную смену.

Владимир Ефимович! Читая твое письмо, **передо мной зримо встал твой отец, командир роты, наш однополчанин, ветеран 131 стр. полка, с которым вместе я служил на Дальнем Востоке (Волочаевка), с которым вместе прибыли в октябре 1941 г. по <д> Москву, чтобы грудью заслонить фашистам дорогу к нашей столице — Москве. И можешь гордиться своим отцом, он с честью выполнил свой долг перед Родиной, семьей и тобой. У меня самые хорошие и чистые воспоминания о твоём отце.**

Первый этап разгрома фашистов под Москвой закончился в конце <...> бря. И **наша дивизия перешла к обороне по р. Руза, однако в обороне мы стояли недолго; перегруппировав свои силы, гвардейцы (78 СД переименована в 9-ю гвар. красноз. СД.),** пошли снова в наступление. Бои были тяжёлые, фашисты упорно сопротивлялись, но мы упорно двигались вперед. В конце января 1942 г. дивизия получила приказ поддержать наступление на Вязьму, наш полк (13 — зачеркнуто) 131 СП, двигался в авангарде дивизии. Фашисты разгадали маневр и с флангов атаковали наши подразделения крупными превосходящими силами, и полк был расчленен — 2 стр. б-на и час (т) ь артподразделений осталась в окружении, а оставшаяся часть полка в составе дивизии получила новый приказ. Оставшиеся в окружении подразделения возглавил зам. ком. полка капитан Сугарков (Сергарлов — неразборчиво), с ними поддерживалась связь, дрались они стойко, мужественно, но силы были неравные, попытки про-

рвать кольцо окружения не удались, вплоть до весны из окружения выходили отдельные группы наших бойцов, но твоего отца не было, многие там погибли. В лесах под Вязьмой и р-не Замытское. Как погиб твой отец — и тем более — где похоронен, трудно сказать, но знай, он погиб как герой.

Р. С. Владимир Ефимович! Подробности этой операции отражены в книге: А. П. Белобородова «Всегда в бою». Если нужно как память, то ее могут выслать или я или И. Б. Бело (вов).

343750, Донецкая обл., г. Снежное, ул. Гагарина, 49—83, ПРОШКИНУ Мих. Афан. <На конверте>. На штемпеле Снежного: 26—11—82.

Уважаемый Владимир Ефимович и все Ваше семейство — здравствуйте!

Примите горячий пламенный привет от Прошкина Михаила Афанасьевича, бывшего командира пулеметного взвода 131 с. п. 78 С. Д. Я очень взволнован Вашим письмом, и волнение это передалось большой болью в груди через 40 с лишним лет, но это было как вчера. Дорогой Владимир Ефимович, кто так точно подсказал Вам написать мне письмо? Но это неважно, главное то, что **я отлично знал Вашего отца как необычайно, на редкость смелого и мужественного командира, до конца преданного своей Родине. Вы, Владимир Ефимович, в полном праве можете гордиться своим отцом, замечательным бесстрашным командиром и человеком того грозного времени.**

Дорогой Владимир Ефимович! Я был командиром пулемётного взвода пулеметной роты, в которой командовал Ваш отец. Мы с ним брали г. Истру и освободили очень много населенных и районных центров Московской области. Притом, когда лишились пулемётов, он командовал стрелковой ротой, а я взводом. 11-го янв. 42 г. я был тяжело ранен и вернулся обратно в свою дивизию где-то в июле м-це 42 г. в Оренбургскую обл. гор. Саракбаш — дивизия была на формировании. Где-то в сентябре 42 г. мы обратно едем на фронт — где-то в район Великих Лук. Нас кадровых были единицы, но я из разговоров знал, что в марте и апреле м-це 42 г. противник делал прорыв на флангах наших 2-х армий, где много было жертв от танков и авиации. Насчет плена — не было...

Так что, дорогой Володя, больше мне ничего не известно о Вашем отце. Спасибо за суровую память.

С уважением — Прошкин.

Это письмо показалось мне простой отпиской, поэтому **27 февраля 1983 г.** я побывал в г. Снежное, разыскал Прошкиных, беседовал с Михаилом Афанасьевичем и записал беседу на магнитофон. Вот отрывки из его рассказа:

[... Я...] только что заканчивал военное училище, не дали закончить, младших лейтенантов присвоили (я в Ярославле учился в военном училище) и направили под Смоленск. Это моя родина, кстати, — Смоленщина. Направили туда. Ну что? Дали мне взвод стрелковый и хаотически отступали. Попал я в 135-ю дивизию... Её наголову разбили. Потеряли мы весь командный состав, потеряли и знамя... Разбили... Просто, значит, разбили в пух и прах. Остались нас единицы до осени. Осенью вступили в Московскую область... И Московскую область начали постепенно оставлять. И вот когда остались единицы из 135-й дивизии..., попадаем мы в город Звенигород (недалеко от Москвы) и село Шарاپово... В этом селе... собрали нас: со Ставки Верховного командования есть представитель, явиться к нему... Скомплектовали нас в боеспособную единицу где-то в порядке так батальона из всех бродячих таких... батальон по уничтожению вражеских танков.... И откуда ни возьмись является с Дальнего Востока дивизия... в район Истры... и командование решило [вливать нас в эту дивизию].

Очень была, так сказать, диковина для нас — посмотрели мы на них, у них, значит, даже чемоданы кое у кого есть... Я же был в ботинках с обмотками... И нас в полном составе (это человек где-то около трёхсот было) — в эту дивизию... На автомобили, на ЗИСы, и — туда...

У Вашего отца был, значит, лексикон такой: «Цыц! Замолчи! Цыц! Что ты нюни развесил?!».

[Старший группы спросил у меня:] «Кем ты [воевал]?» [Отвечаю:] «Училище кончал, пулемётчик...». [Он и говорит:] «Есть тут.. пулемётная рота, вот пойдёте, значит, [туда], командир роты такой-то».

Прихожу [к Вашему отцу], докладываю. Посмотрел, значит, на меня, говорит: «Ну хорошо, будем знакомы. Что ж вид такой? Ну-у-у.. И ботинки грязные...». А они как огурчики ходят, ещё ж в боях не участвовали... Их где-то приехало так тысяч до 15-ти [, а] Надо было создать где-то тысяч 20—22 человек...

— Ну, расскажите про себя, что, значит, Вы из себя представляете. Я, говорю, вот так и так, значит... Началась война, нам... сразу же досрочно присвоили младших лейтенантов... — Ага-а-а. Не видно, что ты офицер (командир, значит).

Я говорю: «Ну что ж, вот — ни кубиков не сохранилось, ничего...». — Ну хорошо, я вот дам Вам кубики, дам... бритву (бритва не безопасная, а опасная), а то у меня две — тяжело носить...

Потом говорю: «Ну что ж, я Вам, товарищ командир, дам танковые часы...». [И дал].

...Характерный был, характерный, да. «...кстати, ясно: раз отступал, значит наступать ты не умеешь...».

В роте, было, кажется, всего три или четыре пулемёта — старые «Максимы», но я, кстати, всю войну с ними прошёл... Наш путь пошёл от Истры... Мы командовали с ним, но только пулемёты наши побили... Присылали новых стрелков... И таким образом, значит, в снегу купались с Вашим отцом вместе, из одного котелка ели. Кстати, я и его первым заместителем был...

Я демобилизовался в звании капитана. После Германии попал на Дальний Восток и дошёл до Порт-Артура...

А ещё раньше был серьёзно ранен 11-го января, еще, когда мы вступили на стык Калининской и Смоленской областей (Московскую область к тому времени уже очистили). В госпитале 1320 лежал в Уфе, а вернулся в строй в августе или июле в город Саракташ (сюда дивизия была прислана на переформирование). Мне уже звание лейтенанта присвоили, а я не знал, медаль «За отвагу» присвоили — за Москву, за те бои... Представлял меня к этому Ефим Петрович Симоненко, а награждал Калинин в Москве.

Когда я прибыл в дивизию, создали гвардейский пулемётный батальон. Но я ж-то своего командира роты хорошо помнил, говорю: «Где?» — «Да ты знаешь, трягнули нас тогда крепко... Мы ж такого горя тяпнули — это только ни пером описать, ни рассказать... Нам дёру такого дали, что где-то около трети дивизии в окружение попало...».

Когда я в Саракташ попал, Симоненко был у меня в уме... Спрашиваю: «А кто ж у меня командир роты?». Говорят: «Да вот прибыл Колесников». — А [Симоненко]? — Наверное, погиб, а может, в плен попал... — А в какой ситуации? Ситуацию я знаю. Там мне называли и место, примерно где (я уже сейчас не помню)... Наша дивизия уже после опыта боёв под Москвой вклинилась в глубину сил противника и её немцы с флангов [охватили], и остались все там, в тылу у немцев...

* * *

В последние годы судьбой дивизии отца, его собственной судьбой и изучением боевого пути дивизии отца занималась моя дочь **Наталья Анатольевна СОЛОВЬЁВА**, которая живёт в г. Балашиха Московской области и уже с использованием современных средств

и методов поиска нашла бесценные для меня материалы об отце, продолжает эту работу и сейчас... Много помогли дочери различные группы поисковиков, с которыми она познакомилась и сотрудничает. В этом году я побывал у неё, а также в некоторых местах, где воевал отец, посетили мы и ЦАМО в г. Подольске, откуда привезли копию личного дела моего отца, две его фотографии, которых не было в нашем семейном альбоме, автобиографию, написанную рукой самого отца, его личную подпись (автограф!), а также Архивную справку Министерства обороны Российской Федерации о награждении отца орденом Ленина за бои под Москвой. Поиск продолжается...

Бут Александр Никитович

Родился 22 июня 1940 года.

Профессор исторического факультета

МЫ ИЗ ПОВОЕННОГО ДЕТСТВА

О войне немало написано, в том числе воспоминаний.

Мой отец, Никита Самойлович, с 1929 г. завербовался из Полтавщины вместе с семьёй в Донбасс, работал на железнодорожной станции Дебальцево-сортировочная токарем вагонного депо. На второй день войны ушёл добровольцем и находился в действующей армии до Победы над нацистской Германией.

Отец мне не без гордости рассказывал, что он, как железнодорожник, имел право брони, то есть не призываться в действующую армию до особого распоряжения, но он по личному заявлению стал добровольцем.

Мама, Александра Ивановна, старший брат Николай двенадцати лет и я (мне исполнился один годик) остались на станции. По мнению отца, война должна быть краткосрочной и победоносной, но быстрой и победоносной войны не получилось. Уже в конце лета немецкие войска дошли до родного Дебальцева, захватив наш рабочий посёлок Октябрьский. За посёлком было пшеничное поле. Урожай 1941 года оказался хорошим. Поле было не убраным, на нём вместе с колосьями была разбитая техника Красной Армии и захватчиков. По полю проходила заградительная линия, обозначенная полосами колючей проволоки.

Как оказалось, наши семейные запасы быстро закончились, помощи ожидать было не откуда и не от кого. Державе было не до нас. Поле начиналось через улицу, в нескольких десятках метров от посёлка.

Оккупационное военное командование в прифронтовой полосе, где оказался и посёлок Октябрьский, среди прочих мер поручило охрану поля местным полицаям.

По воспоминаниям мамы и старшего брата, в помощники полицая был записан Владимир Юшкевич, 16-ти или 17-ти лет.

После очередной бомбёжки советскими лётчиками нашего посёлка летом 1943 г., именно он обратил внимание, что бомбовым ударом был в нашем дворе разбит сарай, где находился погреб, в котором мама пряталась с нами во время налётов авиации, обстрелов артиллерии. В сарае также хранился уголь и дрова для отопления нашей хаты.

Сарай был разбит, а взрывной волной перенесло уголь на крышу лаза в погреб. Это означало, что мы оказались в подземной ловушке. Мало того, что я оказался очень серьёзно травмированным (только в 1990-х годах перестал стыдиться медкомиссий и оформил инвалидность), мы целый день не знали, как выбраться из погреба. И вот в этой ситуации нашим спасателем оказался помощник полицая Владимир. Он заметил, что случилось в результате налёта, освободил нас от завала и таким образом спас нас. Без него мы не смогли бы выбраться никогда.

После освобождения Дебальцево через несколько месяцев начались расследования сотрудниками НКВД относительно тех, кто оставался на временно оккупированной территории. Володя вместе с соседом, руководителем полицейского пункта, был осужден на 10 лет советских лагерей. Возвратился Володя еле живым, но сразу стал помогать в посёлке восстанавливать хаты. Он оказался хорошим печником (никогда не «курила» печь), но вскоре умер от болезни. Что же касается его бывшего «старшего», тот пришёл здоровым, розовощёким. Видя всё это, проходя мимо него, мой старший брат не мог удержаться, чтобы не назвать его полицейской шкурой.

Я к тому времени уже был студентом и во время каникул отец просил переговорить с Николаем, чтобы он не трогал его, бывшего полицая. Вот тогда мой брат и рассказал, как в первые месяцы оккупации этот полицай собственноручно отбирал у них, пацанов, сумочки с колосками пшеницы, когда они выползали из-под колючей проволоки, установленной немцами для ограды пшеничного поля. Брат рассказывал, как он приходил домой и плакал, так как нечего было кушать маме и мне, самому младшему в семье.

С освобождением Донбасса мама решила отвезти нас на родину, на Полтавщину. Там она работала в колхозе, где выращивали сахарную

свеклу. Она рассказывала, как до декабрьских снежных дней, в суровые морозные дни, дотемна они обрезали ботву на, вырванной вручную, сахарной свекле. Согревались надеждой на возвращение мужей с войны, согревались песнями (она всегда была запевалой). Там она и потеряла здоровье, застудила почки и очень рано ушла из жизни.

По окончанию войны, возвратился отец на радость всем. Мы снова вернулись в родное Дебальцево. Он опять пошёл работать на железнодорожный узел, был одним из лучших токарей, а позже мастером вагоноколёсных мастерских станции Дебальцево-сортировочная. Я помогал брату пасти козу. Когда же он закончил семилетку и поступил в техникум, я почувствовал самостоятельность. С такими же соседскими пацанами научился курить (ещё до школы), выжигал напалм из разбитых танков (и немецких, и советских), которых осталось на поле до двух десятков. По очереди, которую строго соблюдали, ходили собирать «бычки» на железнодорожную колею Дебальцево-Ворошиловград (ныне Луганск). Их выбрасывали взрослые курцы в окна проходящих двух пассажирских поездов. Речь идёт о 2—3-х «бычках» и то, если повезёт. Нас же, пацанов, было 8, ясное дело, хватало не всем. Было, что, не собрав ни единого окурка, вся «братва» крутили «ножку» из газеты, наполненную кленовым листом. Ух, как ядовито было, до слёз!

Так было и в период учёбы в начальной школе № 67. Курить я бросил только будучи студентом третьего курса истфака Харьковского госуниверситета. Однажды на занятиях по общевоинскому профилю на танкодроме Танкового высшего военного училища я так замёрз, что грелся куревом. Накурился до «жёлтой струйки», до серьёзного отравления. С тех пор, находясь в разных ситуациях, никогда даже в мыслях не было желания закурить.

Вот такие немногие факты подтверждают, что дети войны пережили не простые испытания, преодолели трудности повоенного времени, нашли своё место в жизни. Сегодня остались в живых считанные одноклассники. Я с большим удовольствием посещаю родные места, обязательно собираемся вместе в последнюю субботу июня. Готовимся к 100-летию семилетней и 75-летию средней школы, которую я закончил с золотой медалью. Эти встречи незабываемые, но самое главное — это возможность услышать запах малой Родины, насладиться стрекотанием сверчков в длинные летние вечера, вспомнить босоное детство повоенной поры.

Шевченко Надежда Александровна

Родилась 2 декабря 1940 года.

*Работник управления административной
и хозяйственной работы*

ВОТ, ЧТО Я ПОМНЮ

Родилась в поселке Григорьевка Щегловского района.

Когда началась война, отец ушел на фронт. Я осталась с мамой, которая работала на шахте им. Феликса-Кона в поселке Гладковка. Оставлять меня было не с кем, и мы переехали к тете. Дядю забрали на фронт, детей у них не было. Немцы пришли в город, когда мне было около года. Тетя меня и мать поместила в погреб, чтобы немцы нас не видели. Мама обложила меня подушками, чтобы я не кричала. Немцы поселились в квартире, а на погреб поставили пулемет. Так мы просидели там около недели. Одни немцы уходили, другие вселялись. Были и итальянцы. Нас освободили из погреба и все жили в одной комнате, где стояла и моя люлька. Немцы жили с овчаркой. Когда они ели, а я была в люльке, они меня дразнили, давали шоколад, печенье, а когда я протягивала ручки, они все отдавали собаке. Я плакала, а они, довольные, смеялись.

Кушать было нечего. Тетя и мама где-то что-то добывали, так мы спасались от голода. Когда я научилась ходить, то бегала и собирала огрызки от яблок на рынке, который был недалеко. Временами травилась, теряла сознание от голода, и знакомые люди приносили меня домой. Ходила по мусорникам, собирала очистки от картофеля, мама все варила с добавкой крапивы и других трав, от которых у меня было расстройство желудка и сильные боли. Так мы жили до 1943 года.

Помню, когда наши солдаты входили в город со стороны лесопосадки, немцы бросали все и убегали. Я видела, как с чердака школы, которая была недалеко от нашего дома, немецкий пулеметчик стрелял в наших солдат. Женщины приносили раненых в дом, и мы ухаживали за ними.

Вот так я помню военное время.

Шкредов Валерий Маркович

Родился 26 декабря 1940 года.

Заведующий отделом специального конструкторско-технологического бюро «Турбулентность»

БОСОНОГОЕ ДЕТСТВО

Мне, рожденному за полгода до начала войны, сложно рассказывать о военном времени, но в моей памяти об этих днях осталось одно воспоминание.

В Донецке, где я родился и проживал во дворе на 19 линии (ул. Кальмиусская), проживали семьями три папиных брата и сестра. Отец и два брата были призваны в армию. На время войны родственники, спасаясь от бомбежек, вырыли во дворе бункер, который был укрыт бревнами и стальными толстыми листами. Помню, в конце лета 1943 года, после авиационного налета, мама вынесла меня на руках из бункера. В то время все родственники с детьми смотрели, как в районе Буденновки прожекторы освещали небо, пытаясь обнаружить самолет.

Были видны облачка дыма от выстрелов зениток, освещенные этими прожекторами. Это увиденное настолько мне, маленькому ребенку, врезалось в память, что, когда мы с братьями и сестрами посещаем наш двор, в моей памяти всплывает эта картина.

Оккупация принесла много горя всему населению нашего города. У меня всегда возникал вопрос, как мы жили во время войны, чем питались, где доставали продукты. Это время нельзя сравнить с бедностью, это не поддается сравнению. Мама рассказывала, что кормила меня, заваривая просеянные отруби, и через марлю давала мне еду, как из соски. Помню, как родная тетя угощала мамалыгой и чаем с сахарином. Эти моменты жизни сложно забыть.

Послевоенное время оставило много воспоминаний, которые помню до настоящего времени.

Наша улица была, как плацдарм для всяческих игр и развлечений. Босоногое детство, оно и было босоногим. Эти босые ноги бегали по любому грунту, крышам, заводским дорогам, лазали по деревьям. В самом начале 19 линии на карьере, куда свозили мусор, была площадка. Здесь проходили игры в футбол между линиями. У многих детей после игр колени, локти, бока были покрыты ссадинами.

Коксохимический завод, террикон и металлургический завод — это места детских развлечений и шалостей. Зимой спускались с терриконов на лыжах и санках, ходили купаться на градирни коксохимического завода, как в бассейн, играли в хоккей на речке. Иногда на тонком льду проваливались по пояс, а затем бежали домой отогреться. На четвертом участке металлургического завода, ранее он назывался «шкраб», куда привозили на переплавку непригодное оружие, пушки, двигатели и другой металлолом, искали патроны и клапаны с авиационных моторов. В этих клапанах находился металл натрия, который при попадании в воду воспламенялся и громко взрывался. Забавы с порохом, натрием и рогатками многим детям на всю жизнь оставили след. Родителям сложно было уследить за детскими шалостями, и иногда случались несчастия.

Мы, дети улиц, с 6—7 лет умели сделать рогатку, самокат на подшипниках, самопал, умели плести сети, делать подхваты для ловли рыбы и раков на нашей речке.

Игрушки делали тоже самостоятельно. Вырезали футбольные мячи из пористой резины колесных баллонов машин «студебеккер». При достаточном усилии мяч получался очень хорошим, высоко подпрыгивал, но принимать на голову этот мяч было сложно, так как он весил достаточно много, и от приема болела шея. Первый кожаный настоящий мяч мне пошил отец, а камеру склеил из резины мой дядя. Мне было шесть лет и старшие ребята всегда брали меня в свою команду, чтобы играть настоящим мячом.

В 1947 году отменили хлебные карточки и даже нам, детям, это было большой радостью. В этом году я пошел в школу № 8, расположенную на 8 линии. Мама пошила сумку с лямкой через плечо для тетрадей, книг и карманом для чернильницы. К зиме мне пошили фуфайку и сапоги, на которые одевались калоши. Для меня это было большим подарком.

В школе учиться было легко, так как почти все мы умели читать еще до школы, потому что наши мамы, бабушки и старшие дети

вечерами читали нам книжки, и мы старались научиться сами читать. Основным увлечением школьного детства было чтение книг и занятия спортом.

Я и мои сверстники с нашей и прилегающих линий — «дети войны», прошли, если можно так сказать, экстремально-интенсивное детство, которое определялось голодным и холодным военным и послевоенным временем.

Обучение в школе, занятия спортом позволило нам успешно окончить школу и достичь определенного профессионального уровня.

Победа в Великой Отечественной войне — это подвиг солдат, защитивших нашу Родину, подвиг матерей, нас выкормивших и воспитавших в тяжелейшие военные годы.

Хижнякова Лилия Михайловна

Родилась 10 июня 1941 года.

Работник управления административной и хозяйственной работы.

Я БЫЛА НА ГРАНИ СМЕРТИ

Папа ушел на фронт в начале войны и вернулся после контузии в июле 1944 года.

Нас у мамы осталось двое детей: старшая дочь 1938 года рождения и я. Нам было нелегко. Я, конечно, не помню начала войны, а все, что знаю — со слов мамы. Только одно запомнилось: мне было два годика, мама держала меня на руках, ворвались во двор немцы, искали пленных, и забирали все, что было из продовольствия. У мамы было две курицы — забрали, и спрашивали «яйки, яйки», а мама отвечала, что киндер маленький и просила оставить хоть одну курицу. Но нет.

Детство было очень тяжелым, голодным и холодным. Зимой бродили по полям, собирали, что находили. С приходом весны ели всякую траву, после чего очень болели.

В 1943 году я была на грани смерти, но спасла сестра. Мама из ревеня и мороженой картошки сварила кисель. Моя сестра накормила меня этой едой, и я пошла на поправку. Спасибо ей.

Весной 1945 года начала налаживаться жизнь. Чем смогли, засеяли огород. За семенами мама ходила в Артемовск. Подрабатывала мама, где могла. Весной было легче: собирали и ели съедобные травы, но чувство голода было постоянным. стакан-два фасоли и столько же муки делили на крохи и так жили.

Решающую роль играли сплоченность родителей, взаимопонимание между соседями. Все вместе потихоньку жили и выживали. И если сейчас говорят «плохо», я никому не верю. Живите, работайте и все будет хорошо.

Билоброва Алла Ивановна

Родилась 11 июня 1941 года.

Декан международного факультета

В ТОТ ДЕНЬ БУЙНО ЦВЕЛА СИРЕНЬ...

Июнь 1941 года разделил жизнь наших людей на «до» и «после». До июня 1941 года мои родители жили в г. Самборе Дрогобычской области, совсем рядом с украинско-польской границей. Отец был военнотружашим. Жизнь была налажена и, по словам родителей, вполне обеспеченная. В семье росла 10 летняя дочь Мария. Я родилась 11 июня 1941 года, а 21 июня было выписано свидетельство о рождении.

Уже на следующий день после налета немецкой авиации нас посадили в поезд, отходящий на восток. Отец в это время был в командировке и только благодаря его сослуживцам, мы были спасены, потому что впоследствии дом, в котором жили мои родители, был разрушен.

В поезде находилось много людей, бежавших на восток: раненные в одном белье, освободившиеся из-под завалов, обезумевшие от боли и ужаса происходящего. Движение поезда постоянно прерывалось налетами авиации. Не было пищи, воды и необходимых принадлежностей.

Через 2 недели нам с трудом удалось прибыть на станцию Ромодан на Полтавщине. В 7 километрах от станции жили родители отца. Это расстояние мама, со мной на руках, и сестра прошли в полуобморочном состоянии. Нас потом спасали всем селом, настолько мы были истощены. Так рассказывали мне мама и сестра, спустя много лет.

Первые мои впечатления детского сознания связаны с пустой хатой, в которой всегда холодно. Зимой маленькие окна закрыты

снаружи половой, а через оставшиеся верхние стекла видны бескрайние заснеженные поля. Печь топилась один раз в сутки соломой, тепла хватало ненадолго. Спасала немного теплая лежанка. Теплой одежды и обуви не было, но очень хотелось узнать, как там на улице. Часто, в отсутствие родных, я босиком оббегала вокруг хаты, набиралась впечатлений и возвращалась назад. Потом были разборки, поскольку следы босых ног четко отпечатывались на снегу. Мама и сестра были постоянно заняты работой, а я им помогала, как могла: пасла гусей, отбеливала на солнце полотно, сотканное мамой. Из этого полотна потом шили белье, вышивали скатерти и рушники. Света в деревне не было. Вечерами зажигали керосиновые лампы, и при таком свете ткали, шили, читали. На чтение собирались соседи. Читала, как правило, моя сестра. Помню, как плакали все женщины, когда слушали «Наймичку» Т. Г. Шевченко. Его сборник передавали по селу из рук в руки.

Помню голодную весну, очевидно, 1947 года. Мы на огороде перекапывали землю, собирали перемерзлые остатки картофеля, из него пекли блины с отвратительным запахом, которые приходилось есть.

Детское сознание также высвечивает случаи получения похоронки. Обычно к дому, в который приносила почтальон похоронку, собирались все люди. Они молча стояли длительное время на дворе у ограды.

Потом начали возвращаться с войны немногочисленные селяне. В нашей семье из 4 братьев отца — один пропал без вести, второй умер после многочисленных ранений, третий был угнан в Германию на работы, четвертый вернулся инвалидом.

Как только по селу разносилась весть о возвращении солдата, к его дому бежали люди, принося с собой все, что могли. Во дворе ставили столы и угощались до вечера. А мы, дети, висели на заборах, наблюдая, как плакали и радовались одновременно в семьях вернувшихся солдат.

Мой отец вернулся в мае 1946 года. Его часть после победы один год находилась в западной Украине. В тот день я с соседкой подружкой находилась на своем посту — на пастбище. Кто-то из сельчан сказал, чтобы я бежала домой, вернулся Иван. В тот день буйно цвела сирень, и я с букетом сирени мчалась туда, где собрались все родственники. Это была первая встреча с отцом с момента моего рождения. Так распорядилась война.

Всю последующую жизнь между нами существовала необъяснимая духовная связь. Мы понимали друг друга с полуслова, с одного взгляда.

Трудности послевоенных лет сказывались не только на нашем быте, но и на учебе. У нас, первоклашек, не было ни тетрадей, ни дневников, ни книг. Не было одежды и обуви, ходили в школу, в чем могли. Будучи школьниками младших классов, мы занимались общественно полезным трудом — весной собирали вредителей на свекольных полях, а в конце лета собирали колоски на хлебных полях, помогали родителям в уборке урожая. Руки и ноги были постоянно изодраны сухими стеблями соломы.

Но, что примечательно, тогда все дети были совершенно в одинаковых условиях, никто ничем не выделялся. А какую радость мы получали от познания нового! Помню, в деревне был такой энтузиаст, который сделал детекторный приемник и позволял нам слушать в наушниках непонятный шум. Один раз в месяц в деревенский клуб привозили передвижное кино.

Вот в таких условиях жили мы до начала 50-х годов, а уже со второй половины 50-х жизнь немного улучшилась.

С 1955 года я ходила в железнодорожную школу за 7 км от дома. Порядок в школе был отменный. Все дисциплины читались специалистами своего дела. Кроме обязательных занятий, работали различные кружки — нам читали автодело, учили вождению автомобиля. Директором школы был Павел Андреевич Бакуменко, он же преподаватель истории, впоследствии — заведовал кафедрой в Киевском пединституте. Многие учителя были фронтовиками. Какие это были великолепные люди — мои школьные учителя и преподаватели вуза, в котором я училась в Харькове с 1960 по 1965 год!

Донецкий национальный университет стал единственным местом моей работы. Вот уже 45 лет я работаю здесь, 25 лет из них — на руководящей должности, в прекрасном коллективе.

Да, у моего поколения было тяжелое детство, но наши родители и учителя воспитывали нас своими примерами трудолюбия, честности, порядочности, сострадания и мудрости.

Губарева Людмила Савельевна

Родилась 1 января 1942 года.

*Работник управления административной
и хозяйственной работы*

Я ПЛОХО ПОМНЮ ВОЙНУ

Родилась в селе Мыслино Ленинградской области Волховского района. На этой территории в 1941—42 годы шли тяжелые бои. Фашист рвался к Ленинграду. Село Мыслино было занято немцами. Разумеется, я плохо помню войну. Знаю об этом тяжелом времени больше по рассказам родителей, но какие-то воспоминания сохранились. Остались в памяти крики и рыдания женщин-соседей по дому, получивших похоронки на мужей или сыновей. Помню, как рыдала моя мать, когда пришло известие о смерти моего брата. Брат, 14-летний подросток, в составе подпольной организации принимал участие в борьбе с оккупантами, их группа поддерживала связь с партизанами.

К сожалению, организация была раскрыта, взрослых подпольщиков немцы сразу расстреляли, а брат попал в концлагерь. Мама до конца войны ничего не знала о нем, и только в 1945-ом году пришло известие о его смерти в госпитале после того, как наши войска освободили узников этого концлагеря.

Запомнились пленные немцы, которые восстанавливали разрушенную железную дорогу и мост. Они приходили к нам и говорили: «Матка, картошка, кухня». Так они просили разрешения сварить картошку. И что характерно: русские люди, пострадавшие от фашистов, не проклинали этих пленных, не отталкивали их, а даже помогали, чем могли.

Больше запомнились послевоенные годы. Родители целыми днями на работе, а мы, дети, старались помочь им. Все домашние дела лежали на нас. Да, тяжелое это было время, но люди выжили, победили трудности благодаря тому, что были сплоченными, сочувствовали друг другу, заботились друг о друге.

Горе было общим для всех и радость тоже.

Жевновата Майя Дмитриевна

Родилась 10 мая 1942 года.

Преподаватель кафедры физического воспитания и спорта

ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЙНЕ

Мои воспоминания о войне базируются на рассказах родителей, родственников.

Эпизод 1. В 1942 году из Полтавской области эвакуировались в район Сталинграда. Месячного ребенка негде было искупать, перепеленать. На всю деревню остался один дом. В нем разместился штаб. Маме с детьми решили расположиться тоже в этом доме. Солдаты приходили посмотреть на маленького ребенка, вспоминали о своих детях. Война и новорожденный — это жизнь. Солдаты оставляли, кто, что мог: кусочек сахара, мыло, хлеб, консервы.

Через несколько минут небо стало черным от налета вражеских самолетов. Мирные жители спрятались в окопах, а солдаты, кто, где. Ребенка оставили в доме, пожалели, не захотели будить. И только бабушка не могла успокоиться: под бомбежкой вынесла меня из дома, а через минуту — прямое попадание в хату. Погибли все, кто был там и рядом. Я осталась жить.

Эпизод 2. Моя бабушка была членом партии. Кто-то из соседей сообщил об этом в гестапо. Бабушку арестовали вместе со мной. Нас бросили в погреб с водой. Двое суток мы находились там. Вода по колено, холодно, есть не давали. Моя бабушка выстояла, не уронила меня.

Эпизод 3. В нашем доме — немецкий штаб. Убирая, мама увидела в немецкой газете карикатуру на Сталина, прочла. Оглянувшись, а за спиной немецкий офицер и дуло пистолета у затылка. Вывели маму во двор на расстрел, но увидев троих детей, облепивших женщину, офицер не выстрелил, дрогнул. Штаб перебазировался, мы остались живы.

Эпизод 4. Квартировал у нас немецкий офицер. Проснувшись однажды утром, он не обнаружил золотого кольца на пальце. В пропаче обвинил детей. Он угрожал нас расстрелять, если кольца не будет через полчаса. Мама нашла кольцо за спинкой дивана. Мы остались живы.

Вовенко Виктор Федорович

Родился 11 октября 1943 года.

Старший преподаватель филологического факультета

СЛАДКИЕ БАКЛАЖАНЫ

Вот уже много лет подряд в третью субботу июня сразу после полудня во дворе первой красноармейской школы (ныне это гимназия) собирается наш выпуск — десятиклассники 60-го. Радостный шум, объятия и поцелуи, цветы нашим давно уже поседевшим девочкам, бесконечные расспросы: «Ну, как ты?», «А Володьке звонили, он приедет?», «Тебя, Лида, муж уже не ревнует?». А ещё — немой вопрос у каждого в глазах — все ли живы? Потому что из шестидесяти семи (в двух классах) некогда молодых и красивых, устремлённых в будущее счастливых выпускников, сейчас, полвека спустя, осталось немногим больше половины. Остальных унесли в мир иной болезни, которыми нас, детей войны, щедро наградила судьба.

Совсем недавно мы проводили в последний путь Лёшку Чижю, ещё раньше простились с Павликом Топалом и Толей Киричком, Валею Германом и Виталием Дулиновым... Их имена, как и имена других школьных друзей и незабвенных учителей наших, звучат ежегодно во время встречи. Как на солдатской поверке, мы проводим переключку одноклассников и наставников своих, с которыми породнились ещё в детстве и — на всю жизнь. Когда учились в школе, у многих не было отцов, а то и обоих родителей, их воспитывали престарелые дедушки и бабушки. Многие из тех отцов, которым посчастливилось уцелеть в огне войны, домой пришли инвалидами и недолго протянули после неё. Но были инвалиды войны и среди детворы. Хотя тогда, в школьные годы, ребя-

та старались скрывать свои увечья, чтобы избежать лишних вопросов, а то и насмешек ровесников.

Не только одноклассники, но и соседи, друзья долго не могли понять, почему внешне здоровый, физически крепкий и симпатичный Толя Федоренко не служил в армии, кто-то даже считал, что родители «откупили» его. Лишь самые близкие знали: ещё в 1943-м, когда он был совсем крохой, осколок фашистской бомбы, которыми удирающие оккупанты буквально засыпали наш город и окрестные сёла, отрубил ему пальцы на ноге. Годы спустя Анатолий Николаевич получил травму в шахте, и снова пострадала та же нога! Только после этого врачи «заметили» и первую, ещё военную рану, признали его инвалидом войны.

Вспоминаю других своих школьных друзей, ставших жертвами военного лихолетья уже в мирное время. Один подорвался, пытаясь разобрать мину или снаряд, найденный в поле или лесопосадке, у другого прямо в руках под партой взорвался запал от гранаты, кто-то получил сильные ожоги, когда ковырялся в сигнальной ракете, а она неожиданно вспыхнула... Случалось, хоронили сразу нескольких отчаянных пацанов — их разнесло в клочья неизвестным «взрывоопасным предметом», брошенным каким-то сорвиголовой в костёр. А уж сколько догнали и уложили навсегда шальные трассирующие пули, красиво разлетающиеся из костра, — одному Богу известно.

В Красноармейске, который пережил два освобождения — в феврале и в сентябре 1943-го — и, по свидетельству очевидцев, своими страшными руинами напоминал маленький Сталинград, боеприпасы, брошенная техника были везде — на улицах и во дворах, на полевых аэродромах, на западной и северной окраинах города, в посадках и прудах, в колодцах. Так, за углом соседнего с нашим домом стояла, накренившись на одно колесо, подбитая противотанковая пушка, на улице им. Фрунзе долгие годы пугал прохожих страшный своей ржавой чернотой сожжённый немецкий танк, а у трансформаторной будки по переулку Карла Маркса замерла наша изуродованная взрывом «тридцатьчетверка»... Конечно же, детвора «обследовала» их и растащила всё, что можно было снять и унести, и не только оттуда. Земля тогда была щедро нашпигована разным смертоносным «добром». Горы патронов и ржавого стрелкового оружия, неразорвавшиеся гранаты и мины мы находили в развалинах домов, в кюветах возле железной дороги и, к ужасу родителей, приносили их домой. Даже через двадцать лет после войны, когда на улице Первомайской на месте разбитой школы строили новую ОШ №5, стро-

ители и, помогавшие им старшеклассники других школ, почти ежедневно приносили в штаб стройки не только рваные осколки и пробитые каски, чёрные солдатские медальоны, но и вполне пригодные, а потому опасные боеприпасы. Ну, а у нас тогда нередко случались и более страшные находки: иногда под тонким слоем грязного песка и щебня вдруг оказывались полуразложившиеся трупы красноармейцев, погибших в феврале 1943-го и наспех похороненных здесь же, на поле боя. Позже, в пятидесятые, их свезли на городское кладбище в братскую могилу, теперь там воздвигнут мемориал.

Пожалуй, мне бы тоже не пришлось писать эти строки, если бы не счастливый случай.

...После войны в полях, на месте аэродромов, горожанам выделяли огороды. Получил несколько соток и мой отец, работавший на динасовом заводе. Не помню уже, весной или осенью это было, но в тот день на огород родители взяли и меня. Пока отец с матерью занимались делом, я обследовал окрестности и, конечно же, нашёл то, что искал — небольшую, но тяжёлую красную железяку с хвостиком — миномётную мину. Взял её в руки, начал рассматривать. Случайно оглянувшись, отец увидел эту картину и закричал:

— Держи, сынок, не бросай!

В несколько прыжков он преодолел расстояние ко мне, схватил мину и что есть мочи швырнул её за бруствер, в капонир, оставшийся после войны. Грохнул взрыв, над головой просвистели осколки, полетели комья сухой земли. А вместе с ними мимо меня в очередной раз просвистела и пролетела смерть. В очередной потому, что она могла найти меня и раньше, когда фашисты ещё хозяйничали на нашей земле и когда, отступая, уничтожали и сжигали всех и вся, беспощадно бомбили уже оставленный город. Наконец, я мог бы вообще не родиться потому, что в самом начале войны мою маму пытались угнать в Германию, но ей с двумя подругами удалось чудом сбежать из невольничьего эшелона. Голыми руками они оторвали несколько досок пола старого вагона и, когда ночью на повороте поезд сбавил скорость, одна за другой стали выпадать на шпалы между лязгающих колёс. Из двенадцати пытавшихся бежать женщин и девушек в живых остались только трое, остальные погибли сразу же. Маме, с поломанными рёбрами и рукой, удалось добраться до ближайшего села в Днепропетровской области, где добрые люди приютили и вывели её.

Война, накрывшая чёрным крылом страну, не пощадила и наш город, наши семьи. Все мужчины воевали — кто на фронте, кто в

ополчении, уцелевшие во время оккупации сыновья пошли сражаться после освобождения Донбасса. В первые, самые страшные месяцы, пропал без вести мой самый старший дядя, мамин брат Николай Тимофеевич Шевченко, его брат Василий Тимофеевич, рядовой пехотинец, прошел всю войну, Победу встретил в Германии. Их отец, а мой дед Тимофей Павлович, бывший германцев ещё в первую мировую и участник гражданской, был уже стариком, оставался в оккупации. Погиб он летом 1942-го от своей, советской бомбы: её сбросили с большой высоты на немецкий штаб, но промазали — штаб уцелел, а деда и его соседа не стало.

Воинами были и все мужчины в отцовском роду, кроме дяди Егора, он потерял глаз и руку в годы гражданской войны. А другой дядя, Митрофан Семенович, ушел воевать в июне 1941-го, отступал и наступал, был тяжело ранен и оказался в плену, чудом выбрался из Харьковского котла, снова, как и отец, Фёдор Семёнович, воевал. Двоюродный брат мой Николай Рыбалко, вывезенный подростком на принудительные работы в Австрию, бежал оттуда, попал в Югославию, партизанил в горах и домой вернулся с двумя медалями, полученными из рук маршала Иосифа Броз Тито.

В Германии закончил боевой путь ещё один брат Григорий Шевченко, впоследствии известный в Красноармейске руководитель железнодорожник.

Деда по отцовской линии Семёна Фомича Вовенко, участника обороны Порт-Артура в русско-японскую войну, кавалера двух Георгиевских крестов и двух медалей «За храбрость», расстреляли фашисты 20 февраля 1943-го после того, как снова захватили город. Вместе с ним мученическую смерть приняли сын-инвалид Егор и пятнадцатилетний внук Дмитрий, многие мужчины-соседи. Тогда на улицах разбитого заснеженного города не только стояли сожжённые орудия, танки и автомашины, но и лежали горы трупов, а вокруг на десятки метров расплылись страшные замерзшие кровавые лужи. Когда стрельба утихла, женщины перевезли на санках окоченевшие тела домой, за неимением гроба приспособили вместо него большой платяной шкаф и, переложив покойников домоткаными дорожками, похоронили их на старом кладбище, кое-как выдолбив в мёрзлой земле могилу. Помню, как через несколько лет после войны отец с дядей Митрофаном Семёновичем и соседом Николаем Феодосьевичем Достатним перезахоронили погибших родных на другое, так называемое новое кладбище. Туда, к братской могиле невинно убиенных мирных граждан (всего в Красноармейске, по данным го-

сударственной комиссии по расследованию злодеяний фашистов, оккупанты уничтожили более 5200 человек), мы, дети войны, вместе с нашими детьми, а теперь уже и внуками, приходим ежегодно, чтобы поклониться их светлой памяти.

В кровавом феврале 1943-го таких могил, одиночных и братских, в моём родном Красноармейске появилось много — в садах и огородах, на улицах, во дворах школ. Несомненно, эти события не могли не наложить отпечаток на нас, военную и послевоенную детвору. Мы рано, не по годам, выросли, принимали на себя порой совсем не детские обязанности старших, часто заменяли родителей своим младшим братьям и сестрам. Тем более, что бабушек почти у всех не было, а мои Оксана Васильевна Шевченко и Александра Ивановна Вовенко ненадолго пережили своих мужей, обе умерли вскоре после войны.

Большинство семей на нашей улице имени Парижской Коммуны были многодетными. Больше всего ребятшек — семеро — у Прудниковых, причем старшие уже начинали работать, когда на свет появился самый младший. У нас в доме четверо — я и три сестренки, у Ковалевых тоже, у цыган Юрченко — трое. А у моей одноклассницы Раи Бовкун, кроме неё, было ещё восемь братьев и сестёр. Но жили мы — украинцы, русские, азербайджанцы, цыгане и другие национальности — удивительно дружно, а если спорили между собой, то споры эти редко переходили в серьезные разборки, а тем более в драки. Родителям же, занятым добыванием хлеба насущного для своих многочисленных чад, воспитывать их было просто некогда.

А время тогда, надо сказать, стояло голодное, и не только потому, что в первые послевоенные годы на страну обрушилась засуха. Почти все сады в нашем небольшом городке в годы войны вырубали на дрова, на улицах остались только старые толстые акации и клены. Правда, в палисадниках быстро возрождались кусты сирени, да кое-где уцелели вишни. Детвора мгновенно обносила ягоды, едва они начинали розоветь, и хозяева вынуждены были мириться с этим — заборов тоже не было. На небольших клочках земли во дворах выращивали картофель, лучок-чесночок, немного фасоли, посадили и фруктовые деревья, первый урожай с которых мы попробовали только в пятидесятые — абрикосы, яблоки, груши и сливы были, как нам тогда казалось, необыкновенного, неземного вкуса.

Целыми днями детвора была предоставлена сама себе — и те, кто не ходил еще в школу, и старшие. Главное занятие для всех — найти что-нибудь поесть, ведь полупустой желудок урчал постоянно. И мы

находили: у себя на улице заросли спорыша, жевали так называемые калачики, в лесопосадке обносили цветы желтой акации, а осенью, раздирая в кровь руки, — плоды шиповника и белой маслины. Далеко за городом, в степи, многие пацаны вели настоящие раскопки. Причем, искали не только брошенное оружие и боеприпасы, но и небольшие земляные орешки, напоминавшие по вкусу сладковатый картофель. А еще охотились на воробьев и сусликов, зверьков любопытных, осторожных и весьма хитрых.

Сейчас, когда вспоминаю это, становится и стыдно, и жалко этих безобидных птичек и зверюшек. Но тогда, в пору голодного детства, этих чувств мы просто не испытывали. Вооружившись рогатками, а каждый из нас имел их по две-три, мы отправлялись за железную дорогу, там кое-где сохранились старые, еще довоенные лесопосадки. Птиц было много, но в прицел попадали в основном воробьи, к осени обычно они набирали вес (хотя какой там вес!), не были такими синими и тощими, как весной и в начале лета. Особенно метким стрелком был мой двоюродный брат Володя Шевченко, поэтому без добычи мы никогда не оставались. Здесь же, в посадке, разводили небольшой костерок, потрошили несчастных, жарили на прутиках и тотчас поедали, а домой приходили замурзанными и с грязными руками. Родители, конечно же, знали, чем мы промышляли, поругивали, не раз обещали выпороть, но, слишком занятые, и не могли проследить за детьми.

Куда безобиднее была рыбалка в местных прудах, расположенных каскадом один за другим. Небольшими бреднями, сделанными из старых гардин, мы ловили пескарей и прочую мелочь, которая годилась разве что на корм для кошек. А еще бесстрашно под водой совали руки в норы и доставали оттуда крупных и не очень темнозеленых усатых раков (тогда в пруды еще не попадали отходы из городской канализации, вода в них была чистой, там купались и взрослые, и дети).

К осени подрастали, становились упитанными и суслики, не такие шустрые, как весной и летом. Мы знали, что из-под земли их выманить не так просто, если даже умело копируешь свист, да и выходов из норок было множество. Поэтому ребятня, как правило, шла в степь с ведрами и кружками. Там, на бывшем полевом аэродроме, оставалось много капониров с углублениями для самолетов, после дождей в них долго стояла вода. И вот мы, выследив, куда скрылся зверек покрупнее, окружали его и начинали лить воду сразу в несколько норок. А одну не трогали, вокруг нее усажива-

лись двое или даже трое ловцов, самых шустрых и смелых. И, когда вскоре из-под земли показывалась мокрая, грязная, испуганная мордочка суслика, они должны были схватить его и быстро бросить в мешок. Суслик отчаянно сопротивлялся, кусался и царапался, поэтому на руках у нас постоянно были следы его маленьких, но острых зубов и когтей.

Однако овчинка, как говорят, стоила выделки. Нет, мы не ели сусликов, так было только в голодном 1947-м. Их шкурки сдавали в потребкооперацию. Там за них платили, кажется, по 10 копеек за штуку. Дело в том, что тогда эти грызуны расплодились в огромном количестве и представляли серьезную угрозу и без того скудному урожаю зерновых, поэтому правительство и пошло на эту вынужденную меру. Повсеместно пионеры и школьники привлекались на борьбу с вредителями полей, об этом постоянно говорили по радио, писали газеты, а на обложках ученических тетрадей были нарисованы их мордашки с призывом уничтожить грызунов. Случалось, что за день наша группа вылавливала тридцать-сорок, а то и более полусотни сусликов, зарабатывая, таким образом, по рублю на брата. С какой же гордостью вечером, уставшие и голодные, перепачканные глиной, с испаряемыми руками, мы отдавали родителям эти честно заработанные деньги!

В конце 40-х карточки на хлеб уже отменили, но его по-прежнему не хватало, в магазинах за ним выстраивались огромные очереди. Поскольку я был самым старшим из детей, родители возложили на меня трудную и почетную обязанность добытчика хлеба. Трудную потому, что вставать надо было рано, летом — часа в четыре-пять, чтобы, зажав десятку в руке, пробежать несколько километров до центра города, где у хлебного магазина уже шумела толпа. Деревянная будка, установленная на запряженной лошадкой телеге, появлялась около семи. Домохозяйки, инвалиды, детвора, глотая слюнки от ароматного запаха, терпеливо ожидали, пока пожилой усатый возница-грузчик, накинув белую куртку, носил в магазин широкие ящики с хлебом, вслух пересчитывая в каждом буханки. Затем продавщица расписывалась на какой-то бумажке и торжественно открывала окошко в хлебном отделе — теперь главной становилась она. Притихшая было очередь, начинала галдеть, придвигаясь ближе к магазину. Выстояв ещё час-полтора, довольный, с двумя мягкими кирпичиками я возвращался домой, на ходу жевал аппетитную корочку. Так повторялось изо дня в день. А однажды пришёл без хлеба, без денег и в слезах. И вот почему.

На нашей улице, недалеко от Прудниковых, у бабки Чернышовой летом обычно жил её внук Володька, был он лет на семь старше. Вообще-то он жил в другом месте, в поселке им. Шевченко, далеко от нас, и учился там же. Но его мать, как говорили взрослые, приняла примака, а единственного сына, чтобы не путался под ногами, на всё лето сплавляла старухе. Понятно, та не могла уследить за ним, он рос чересчур самостоятельным и, как говорили соседи, на редкость шкодливым. То чужого пса изобьёт, то в голубятню залезет, во дворе что-то стащит. В общем, редкий день проходил без того, чтобы старая Чернышиха не выслушивала соседские вполне обоснованные жалобы, а то и ругань, настойчивые требования к Клавке забрать своего отпрыска. Но Клавка работала где-то на руднике в магазине, у матери не появлялась неделями, если и приходила, то вечерком, украдкой, и снова исчезала. А Володька на день-два утихал, а затем снова принимался за своё.

Обычно за хлебом мы шли втроём-вчетвером, так было веселее, да и время быстрее летело. А в тот злополучный день я почему-то оказался сам, уже возле магазина увидел Володьку, тот стоял в очереди далеко впереди.

— Иди сюда, — позвал меня Володька, но бабки зашипели, мол, куда ещё одного тянешь. — Ладно, согласился он, — давай деньги и жди, я и тебе возьму.

Не подозревая подвоха, я обрадованно протянул ему червонец, а сам поплёлся в конец очереди, присел на камешек, которых туда натащили с ближайших развалин. Наконец, приехала долгожданная подвода, усатый дед начал носить лотки. Изредка я поглядывал на Володьку, он стоял, сосредоточенно глядя на закрытое окошко. Потом, когда очередь пришла в движение, люди, как обычно, смешались, зашумели. Поднялся и я, подхожу к окошку, а Володьки нигде нет. Ещё раз прошёлся — нет его, исчез, словно сквозь землю провалился. Да куда же он мог подеваться?

Дождавшись, когда хлеб закончится и продавщица захлопнет окошко, я понуро побрёл домой. Сначала ещё теплилась надежда, что мы разминулись и он с хлебом уже где-то дома. Потом она исчезла, я осознал, что меня просто обманули. Шёл, а слёзы сами капались из глаз. Как же так, думал, я поверил ему, дал деньги, а он.... Что теперь скажу маме, сестрам, которые ждут хлеб?

По дороге зашёл к бабке Чернышевой. Ни её, ни Володьки дома не оказалось. Не появился он ни на следующий день, ни через неделю — сбежал. Бабка же, когда мама рассказала ей об этом случае,

в очередной раз запричитала и снова всё перевела на непутёвую Клавку, которая плохо воспитывает сына.

Ну, а в тот день нашей семье пришлось обходиться без хлеба.

Спустя несколько лет нас, городских ребятшек, начали приглашать в плодopитомник «Красноармейский» для сбора урожая. Оттуда на улицу приходила взрослая тетя-бригадир, собирала детвору и родителей и предлагала нам поработать на ягоднике — собирать урожай малины, смородины и крыжовника, обещая расплачиваться с каждым в тот же день. Мы охотно шли, причем, все, мальчишки и девчонки, уже спозаранку, бодро прошагав пять километров, были на плантации. Получали там плетеные корзинки, накрывали головы кепочками и косынками и — вперед. Правда, малины было мало, черной смородины — тоже, в основном нас ждали огромные старые кусты крыжовника с острыми шипами и небольшими ягодами. Не знаю, то ли нормы были небольшими, то ли мы слишком хорошо работали, но практически всегда их выполняли, успевая при этом поесть вкуснятины и еще немного домой прихватить младшим сестренкам и братишкам. Тетеньки смотрели на это сквозь пальцы. Как и обещала, в конце дня бригадир расплачивалась с нами новенькими хрустящими рублями, тройками и даже пятерками — кто сколько заработал. А вскоре старшим стали доверять снимать с деревьев плоды абрикоса, а младшим — рвать нежные зеленые листочки шелковицы для тутового шелкопряда, разведением которого тоже занимались в плодopитомнике.

Впрочем, вкуснятиной, хотя и очень редко, баловали нас и родители, причем кормили всех без разбора, и своих, и соседских. То мама, раздобыв муки, испечет сладких пирожков с фасолью, многочисленная орава сразу же поедала их еще горячими, то отец с полочки принесет большой кулек слипшихся «подушечек» с яблочным повидлом... Но больше всего мы любили даже не сладости, а соленые и моченые овощи, которыми славилась семья Прудниковых. Тетя Нюра была большой мастерицей их готовить, причем не в бутылках, а в деревянных кадках — огурцы и помидоры, капусту и верх блаженства — синие баклажаны. Разрезанные пополам и начиненные морковкой с чесночком и петрушкой, они одним своим видом вызывали такой аппетит, что нам казалось — ничего вкуснее и слаще на свете нет. А тетя Нюра, поливая подсолнечным маслом, все подкладывала их на тарелку и приговаривала:

— Ешьте, ребятки, не спешите, я еще дам, а вот и картошечка сварилась, кушайте на здоровье!

Много лет прошло с той поры, давно нет наших многострадальных родителей, увы, ушли в мир иной и многие мои друзья, на улице имени Парижской Коммуны сменилось уже не одно поколение. Но каждый раз, когда я приезжаю в родной Красноармейск и прохожу по улице моего детства, благодарно вспоминаю всех их, переживших страшную войну, выстоявших после нее и поднявших нас на ноги, воспитавших в уважении к труду и людям, патриотами своей Отчизны.

Все мои ровесники и школьные друзья нашли достойное место в жизни, никто не пустил её по ветру, не прожигал зря. Многие избрали профессии родителей — стали строителями и горняками, автомобилистами и педагогами, журналистами и медиками, военными и милиционерами, кто-то трудился в сельском хозяйстве, кто-то разведывал недра, водил поезда и шил одежду для детей. Разница лишь в том, что отцы и матери в большинстве своем не имели даже среднего образования, а мы, их дети, бесплатно получили высшее и среднее специальное, некоторые имеют даже по два диплома. Двое стали профессорами медицины, а один из них — академик, в своё время возглавлявший Минздрав независимой Украины. И почти все проявили себя активными общественниками.

После той страшной войны прошло уже много десятилетий, у нас уже взрослые внуки, у многих подрастают правнуки. Но и сейчас мы, дети войны, верны той давней дружбе, и сейчас готовы подставить плечо, бескорыстно поддержать в трудную минуту. И не только друга, но и каждого, кто в этом нуждается. Такими нас воспитали общество и некогда необъятная страна, которую мы так бездарно потеряли.

Содержание

Предисловие	3
Уважаемый читатель!	5
<i>Шафиро Майя Ефимовна</i> ВОЙНА В МОЕМ ДЕТСТВЕ	7
<i>Хримли Агита Николаевна</i> МОИ ДЕТСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ О ТОЙ ВОЙНЕ	10
<i>Стуканов Евгений Николаевич</i> ЭПИЗОДЫ ВОЕННЫХ ЛЕТ	14
<i>Любимов Эдуард Борисович</i> ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ГЛАЗАМИ МАЛЬЧИШКИ	20
<i>Пшеничная Валентина Григорьевна</i> МЫ НЕ БОЯЛИСЬ ТРУДНОСТЕЙ, МЫ — ДЕТИ ПОБЕДИТЕЛЕЙ	26
<i>Сомова Инна Ивановна</i> ДЕТСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ	30
<i>Аревшатьянц Зоя Никитична</i> ВОСПОМИНАНИЕ О ВОЙНЕ	32
<i>Жигулина Нонна Станиславовна</i> ВОЙНА ГЛАЗАМИ РЕБЕНКА	34
<i>Кудрявцева Людмила Николаевна</i> ВЗРОСЛОЕ ДЕТСТВО	38
<i>Беловолов Юрий Григорьевич</i> В ЭВАКУАЦИИ НА МОЛДАВСКОЙ ЗЕМЛЕ	41
<i>Прилепская Алиса Николаевна</i> МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ	49
<i>Дмитришина Галина Андреевна</i> ЭТО ЗАБЫТЬ НЕЛЬЗЯ...	52

<i>Шульга Виктор Григорьевич</i> ФОРМЕННАЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ КУРТКА СПАСЛА ОТ СМЕРТИ... ..	55
<i>Острась Эдуард Сергеевич</i> МОЕ ДЕТСТВО	57
<i>Якименко Віктор Іванович</i> МОЄ ВОЄННЕ ДИТИНСТВО	61
<i>Ярошенко Николай Николаевич</i> ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941—1945 гг.	64
<i>Шабельников Виктор Ильич</i> ВОЙНА ГЛАЗАМИ РЕБѐНКА	68
<i>Попова Раиса Семеновна</i> ДЕНЬ ПОБЕДЫ!	71
<i>Прохорова Алла Николаевна</i> ДЕТСТВО, ОПАЛЕННОЕ ВОЙНОЙ	72
<i>Будзинский Феодосий Васильевич</i> ПАМЯТЬ СЕРДЦА	78
<i>Новошицкий Александр Николаевич</i> СВОИХ ДЕТЕЙ ЖАЛЬЧЕ	80
<i>Авдеева Лариса Ивановна</i> МОИ «ПОМНЮ»	83
<i>Медовников Станислав Васильевич</i> ЧТО Я ВИДЕЛ	86
<i>Вашунь Зоя Михайловна</i> ДЕТСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЙНЕ	89
<i>Боронина Надежда Николаевна</i> МОЕ ВОЕННОЕ ДЕТСТВО	92
<i>Єнальєва Людмила Яківна</i> НЕ ЗАБУТИ МИНУЛЕ	97
<i>Котенко Нина Григорьевна</i> ВОЙНА — ГЛАЗАМИ РЕБЕНКА!	102

<i>Бокова Тамара Васильевна</i> МНЕ БЫЛО ТРИ ГОДА	104
<i>Пелашенко Ірина Іванівна</i> ПРО ПОКОЛІННЯ ДІТЕЙ ВІЙНИ КРІЗЬ ПРИЗМУ СПОГАДІВ	106
<i>Пицюга Вероника Николаевна</i> ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О МОЕМ ДЕТСТВЕ	113
<i>Беспалов Николай Егорович</i> ДЕТСТВО, ОПАЛЕННОЕ ВОЙНОЙ	115
<i>Симоненко Анатолий Ефимович</i> ОТЕЦ	120
<i>Бут Александр Никитович</i> МЫ ИЗ ПОВОЕННОГО ДЕТСТВА	135
<i>Шевченко Надежда Александровна</i> ВОТ, ЧТО Я ПОМНЮ	138
<i>Шкредов Валерий Маркович</i> БОСОНОГОЕ ДЕТСТВО	140
<i>Хижнякова Лилия Михайловна</i> Я БЫЛА НА ГРАНИ СМЕРТИ	143
<i>Билоброва Алла Ивановна</i> В ТОТ ДЕНЬ БУЙНО ЦВЕЛА СИРЕНЬ... ..	144
<i>Губарева Людмила Савельевна</i> Я ПЛОХО ПОМНЮ ВОЙНУ	147
<i>Жезновата Майя Дмитриевна</i> ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЙНЕ	149
<i>Вовенко Виктор Федорович</i> СЛАДКИЕ БАКЛАЖАНЫ	151

Науково-популярне видання

ПАМ'ЯТЬ

ТОМ 3

Спогади дітей
Великої Вітчизняної війни
1941–1945 роки

Російською мовою

Комп'ютерна верстка *С. О. Медведкін*
Технічний редактор *Ю. М. Федюшкіна*

Підписано до друку 23.04.2010 р.
Формат 60x84/16. Папір офсетний.
Гарнітура «Newton». Друк — лазерний.
Ум.-друк. арк. 9,53. Обл.-вид. арк. 9,06.
Наклад 200 прим. Зам. № 055.

Видавництво та друк ТОВ «Юго-Восток, Лтд».
83055, Донецьк, вул. Щорса, 17.
Тел./факс: (062) 305-50-13; www.yugo-vostok.com.ua
e-mail: zakaz@yugo-vostok.com.ua; dakindeev@yandex.ru
Свідоцтво про держреєстрацію:
серія ДК №1224 від 10.02.2003 р.